

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Открытой научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Открытой научно-практической конференции

КНИГА
Луганск
2021

УДК 81 (06)
ББК 81Я43
А 43

Рецензенты:

- Нередкова С.С.* – заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент.
- Скиба И.Г.* – доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Государственное учреждение Луганской Народной Республики «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», кандидат филологических наук, доцент;
- Дроздова А.В.* – и. о. заведующего кафедрой журналистики и издательского дела Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет», кандидат по социальным коммуникациям.

А 43 Актуальные вопросы преподавания и изучения русского языка (21 апреля 2021 года, г. Луганск) / под ред. И.А. Соболевой, ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». – Луганск: Книта, 2021. – 294 с.

В сборнике представлены материалы Открытой научно-практической конференции, состоявшейся 21 апреля 2021 г. на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Сборник адресован лингвистам, специалистам в области методики преподавания, лингвокультурологии и культуры коммуникации, преподавателям, учителям, аспирантам, студентам вузов, всем тем, кто интересуется проблемами преподавания и изучения русского языка.

УДК 81 (06)
ББК 81Я43

*Рекомендовано научной комиссией
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
(протокол № 9 от 18.05.2021 г.)*

© Коллектив авторов, 2021
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	5
Синельникова Л.Н. Лирический сюжет, лирический нарратив, поэтический дискурс: траектория отношений	5
Соболева И.А. Об аспектах изучения конфликтного дискурса в современной коммуникации	18
Джинджолия Г.П. Измененные состояния сознания в зеркале русской фразеологии	31
Пономарева Т.А. Активные языковые процессы в современном поэтическом дискурсе	51
Шкуран О.В. Лингвоаксиологический портрет жителя города Луганска	57
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ.....	66
Серебряк М.В. Особенности функционирования фразеологических неологизмов в публицистическом дискурсе.....	66
Кривошапова Н.В. Стилистическая функция поэтических антропонимов в современном тексте фэнтези.....	73
Миргородская А.Ю., Жданова М.О. Репрезентация дискурса феминного письма	81
Мельничук А.И. Речевая агрессия как часть имиджа ведущего В.И.Соловьева в политическом дискурсе телевизионного ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым».....	87
Воротник К.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной публицистике	93
Котомцев Д.О. «Лингвоцентрическая» концепция О. Мандельштама (на материале прозы).....	99
Давидкова Е.П. Использование устаревших слов в текстах современных русскоязычных СМИ	107

Николаева Ю.В. Иноязычная лексика в современном публицистическом тексте	114
Цымлякова В.А. Трансформация фразеологизмов в заголовках СМИ	119
Чернова В.А. Аббревиатуры в современном русском языке (на материале русскоязычных СМИ)	126
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ	
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ЛНР И РФ	
134	
Дубинина В.А., Зайцева А.В. Лингводидактические основы формирования речевой компетентности учащихся на уроках русского языка	134
Гринчукова Н.В. Современный урок русского языка в основной школе	146
Кизилова И. А. Контроль знаний по русскому языку и культуре речи в условиях дистанционного обучения	152
Ладченко С.С. Аксиологический подход к преподаванию русского языка	160
Калюжная М.А. Современные лингвистические словари как средство формирования познавательного интереса на уроках русского языка	170
СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	
178	
Протазюк А.И. Современная языковая ситуация в сфере молодежного жаргона	178
Тытюк В.А. Речевая агрессия в современном молодежном сленге.....	185
Подгорная Ю.В. Роль и функции сленга в современном интернет-дискурсе (на материале социальной сети «ВКонтакте»).....	191

Коценко В.В. Формирование русского молодежного жаргона под влиянием диглоссии.....	197
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	203
Дубова М.А., Озерова Н.В. Мультимедиа в системе школьного филологического образования.....	203
Дубинина В.А., Зайцева А.В. Понятие «стереотип» в лингвистических исследованиях: типология, функции ...	210
Луценко И.В., Мельничук А.И. Культура речи как компонент языковой культуры личности	227
Ожедрянова А.Ю. Формирование лингвокультурного концепта «Донбасс» на современном этапе изучения языковой ситуации жителей ЛНР	233
Будняк О. В. Этнокультурная специфика фразеологических единиц.....	241
КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИИ	247
Луценко И.В. Коммуникативно-прагматический потенциал русских пословиц	247
Мачай Т.А. Особенности оформления несогласия в речевом общении специалистов	254
Миргородская А.Ю. Вежливость как способ защиты от агрессии	260
Понасенко А.В. Русский язык в деловой документации ..	267
Юрьева Е. В. Принцип кооперации и стратегии позитивной и негативной вежливости в слогане социальной рекламы	275
Жданова М.О. Языковые особенности женской блог-литературы (на материале творчества Наринэ Абгарян) .	281
Сведения об авторах.....	289

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 811.161.1

ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ, ЛИРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ, ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТРАЕКТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

Синельникова Л.Н.,

д. филол. н., профессор кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий

г. Луганск

***Аннотация.** Научное знание формируется в условиях понятийного аппарата, каждый термин которого определяет принципы и аспекты интерпретации материала. Современный анализ поэтических текстов основывается на междисциплинарном подходе, позволяющем совмещать апробированные практикой традиционные методы анализа стихотворных текстов и достижения когнитивистики, дискурсологии, синергетики. Понятия: лирический сюжет, лирический нарратив, поэтический дискурс – отражают процесс накопления знаний о природе поэтического текста.*

***Ключевые слова:** лирический сюжет, лирический нарратив, поэтический дискурс, когнитивная поэтика, междисциплинарность.*

***Abstract.** Scientific knowledge is formed in conditions of conceptual construct in which every term determines principles and aspects of material interpretation. Modern analysis of poetic texts is based on interdisciplinary approach which allows to combine traditional methods of analysis of poetic texts and achievements of cognitive science, discourse study and synergetics. The notions of lyrical plot, lyrical narrative and poetic discourse reflect the process of knowledge accumulation on the nature of poetic text.*

***Keywords:** lyrical plot, lyrical narrative, poetic discourse, cognitive poetics, interdisciplinarity.*

Поэзия не может не привлекать внимания исследователей-филологов, настроенных на поиск смыслов,

заключённых в слове, в способах представления мысли и описания чувства. «Золотой фонд» исследователей поэзии составляет множество имён: Ю.Н. Тынянов, Б.А. Ларин, Л.Я. Гинзбург, Т.И. Сильман, Ю.М. Лотман, Л.И. Тимофеев, В.П. Григорьев, А.Д. Григорьева, Н.А. Кожевникова, М.А. Бакина, Е.А. Некрасова, И.И. Ковтунова. Дополненность новыми именами вполне естественна: научная картина мира меняется, появляются новые направления в фундаментальном и прикладном знании, но именно XX век как «золотой век» открытий в понимании и интерпретации поэтических текстов обеспечил новые поколения исследователей знаниями, рассчитанными на будущее. Принцип дополнительности в гуманитарных науках проявляется как кумулятивная модель познания, в условиях которой значимые идеи прежних концепций входят в состав новых теорий и практик с учётом значимых парадигмальных изменений в научной картине мира, которая в новом веке формируется на основе междисциплинарности.

«Сущность всякого познания – это в конечном счете познание законов энергии. Что такое стихи? Это один из способов передачи энергии от одного человека к другому» (В. Федоров, Уроки поэзии). Синергетикой как сгустком духовной энергии, стимулирующей открытия в познании мира, наполнено состояние удивления, лежащее в основе поэтического творчества и в основе исследовательского интереса. Соощущение с поэтом может возникнуть при условии найденной психоэмоциональной точки схождения автора и читателя. Современный поэт Сергей Соловьёв так сказал о поэзии: «Это предельная концентрация, цыпочки моего существа, это втягивание себя в ушко невозможного, выход за свои пределы, это – всегда – катастрофа» [12, с. 215]. В такой же предельной концентрации находится и исследователь, итеративные отношения которого с поэтическими текстами и другими интерпретациями никогда не могут быть простыми. Важен уровень познавательного

интереса, на основе которого создаётся образ желаемого результата исследования. «Стихи создаются не для первого встречного, они пишутся для человека, способного их прочитать» [7, с. 320]. Формирование такой способности – одна из задач филологического образования.

Лирический сюжет, лирический нарратив, лирический текст – все эти филологические номинации трудно разграничивать по причине их парадигмально-диахронической маркированности: за каждым терминологическим означиванием стоит время их активного применения, разная степень научной «совместности» литературоведов и лингвистов в общем филологическом пространстве, уровень проявленности междисциплинарных связей. Историография терминологических предпочтений и их взаимодействия требует специального внимания.

В содержании каждого из трех названных понятий есть компонент повествовательности и событийности. Внимание к этому компоненту позволяет расширить представление о характере отношений между структурой и функцией, статикой и динамикой как показателями, важными для формирования смысловой конструкции стихотворения.

Появляются новые поэтические практики и ориентированные на определённую методологию научные сообщества, рассматривающие поэтические тексты на новых основаниях. Но научный хронотоп основывается на принципе дополненности, согласно которому преемственность и новации не просто уживаются, но и поддерживают друг друга. Всему, что было, предшествует то, что было ещё раньше; всему, что есть, предшествует всё, что было. Только в такой «линейке» выстраивается прогноз развития и изменений в любой системе, в том числе – в поэтической.

В прозаическом тексте сюжет – это ход событий, этапы развития действия. Если понимать

повествовательность только как рассказ о событиях, то лирическое стихотворение действительно неповествоательно и, значит, бессюжетно. Лирика в её жанрово-видовых характеристиках ориентирует на смыслы, не замыкающиеся в событии. Даже если стихотворение написано в «событийном режиме», то прямой пересказ сюжета в целостной интерпретации стихотворения не предполагается. Лирический текст при внешней повествовательности сохраняет нечто, что наслаивается на событие, меняет его когнитивный статус и по законам жанра превышает его. В лирическом стихотворении представлен особый тип событийности [4].

Коммуникативные тактики поэтического текста не перестают привлекать внимание исследователей, полагающих, что «дискурсивное понимание вербального процесса закладывает краеугольный камень интерпретации поэтического текста как элемента коммуникативного действия» [3, с. 94]. Сюжетно-событийная структура лирического текста проявляет авторское сознание, помогает выявить мыслительное содержание, проявленное в способах формирования смысла. Коммуникативная организация лирического текста связана с когнитивными структурами сознания автора, и лирический сюжет проявляет художественный мир в его становлении.

Повышение уровня событийной динамики в передаче эмоций и переживаний можно считать мотивацией появления понятия «лирический нарратив». Возможности нарративного подхода к интерпретации лирического стихотворения определяются его повествовательным ресурсом в двух характеристиках: нарратив как жизненная история и нарратив как структурное образование. В лирическом стихотворении можно найти рассказ о событии; воспроизведение коммуникативной ситуации с участием или без участия лирического повествователя; выявить формы субъектности, выраженные в приёмах прономинализации

(лирический субъект и другие действующие лица), и т.д. – всё это проявления авторского сознания, ментального переключения, проявленного в категориях и сегментах лирического текста.

Продуктивность нарративного подхода к лирическому тексту подтверждается во множестве исследований, ориентированных на творчество поэтов, склонных к повествовательной организации лирических стихотворений. К числу таких поэтов относятся Некрасов, Пушкин, Ахматова, Гумилёв, Пастернак, Бродский, Кушнер, Дементьев и ряд других, в стихотворениях которых поэтичность взаимодействует с нарративностью [14], [15]. Динамика нарратива может быть измерена объемом и степенью детализации представленного в стихотворении события.

«Нарративный модус» мышления представлен в лирическом сюжете, который в современном литературоведении определяется как «система событийно-ситуативных элементов лирического произведения, данная с позиции лирического субъекта в процессе развертывания его рефлексии» [8, с. 14]. Акцентируются два момента: роль субъекта и роль событий, оказавших влияние на субъекта [10]. Пространство, время, событие, ситуация – признаки, важные для научной легитимности понятия «лирический сюжет».

Нарратологические практики анализа поэтических текстов способствовали расширению понятийного аппарата, в котором закрепился ряд характеристик: «нарратологическая маска лирического «Я», «нарратологический минимализм», «нарратологическая модальность», «нарративные формы». Динамика нарратива организуется такими свойствами стихотворного текста, как повествовательность, эпизодизация, наличие модусов говорения и др.

Познание в лирическом сюжете осуществляется в

границах целостного мышления, на основе установления глубинных связей между реальным миром и идеальными сущностями. Лирический нарратив демонстрирует непрерывность такого перехода, синкретизм материального и идеального. Так обеспечивается функционирование повествовательного механизма лирического сюжета с сохраняющейся в нем «тайной единства».

Теория литературного нарратива как когнитивно-коммуникативного события соотносима с современными теориями дискурса. Событийная сторона лирического текста даёт основание для нарратологического подхода к лирической поэзии, который по ряду признаков сопоставляется с дискурсивными характеристиками, такими как процессуальность и диалогичность. В дискурсологически ориентированном научном пространстве употребляется понятие «поэтический дискурс», которое привнесло новации в исследовательский инструментарий. Поэтический дискурс – следствие понимания языка поэзии как коммуникации в широком значении этого понятия. В.И. Карасик включает поэтический дискурс в число институциональных и характеризует этот вид дискурса как «общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [5, с. 326]. Дискурсивный подход к поэтическому тексту открывает возможности связывать языковое сознание и коммуникативное поведение лирического повествователя. В статье «Дискурсивное проявление личности» В.И. Карасик приводит пример интерпретации стихотворного текста, подтверждающий тезис о том, что применение дискурсивного подхода к поэзии может раскрыть новые характеристики как поэзии, так и данного подхода к языку [6].

Поэтический дискурс – это и корпус текстов, объединение которых может осуществляться на разных основаниях: коммуникативном, функциональном,

семантическом, каждое из которых может быть персонифицировано (авторский дискурс) и (или) представлено в синхронно-диахроническом измерении. Дискурсивный подход к анализу поэтических текстов позволяет интерпретировать художественные смыслы, сопоставляя текст «со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений как отдельного автора, так и определённого социума в целом» [9, с. 11].

Поэтический дискурс гетерогенен, поскольку может рассматриваться с разных сторон, в том числе – с социальной и историко-культурной. Дискурсивный подход, ориентированный на изучение системы текстов и описание стратегий текстопорождения, может обеспечить появление новых аспектов исследования лирики, получения данных, касающихся эволюции поэтического сознания и поэтического языка, в том числе с учётом национальных особенностей русской поэзии. Новые возможности в выявлении идиостилевых особенностей могут появиться в условиях применения методов анализа персональных дискурсов, прежде всего таких, в которых особенности поэтической коммуникации проявляются на фоне событий социального характера.

Утверждению понятия «поэтический дискурс» может способствовать междисциплинарный потенциал дискурса. Поэтический текст, рассматриваемый сквозь призму междисциплинарности, не может не получать дискурсивной (и интердискурсивной) параметризации. Так, появление конвергентных видов стихотворений, образованных на основе объединения текстовых и визуальных сегментов, свидетельствует о продуктивности интермедиального поэтического дискурса. Развитие новых междисциплинарных областей знания, например, такого, как эмотиология, которая связывает лингвистику, психологию, культурологию, когнитивистику [16], потребует обращения именно к

понятию «поэтический дискурс», поскольку каждая эмоция может иметь свой дискурс в поэзии.

Порождение смысла в лирическом стихотворении всегда будет своеобразной творческой загадкой. Эта же проблема наиболее сложна и для исследователя, основная задача которого – найти и описать «перелом» в организации значений языковых единиц, понимание сущности которого может приблизить к смыслу. Системное изучение поэтического дискурса, скорее всего, дело будущего.

На междисциплинарных основаниях развивается когнитивная поэтика, ориентированная на проблемы понимания поэтического текста читателем и интерпретатором, на взаимосвязь мыслительных и композиционно-языковых структур, на описание индивидуально-авторской концептосферы и текстовый анализ индивидуально-авторских картин мира как упорядоченного взаимодействия ментальных структур и механизмов (способов, форм) их репрезентации [13].

Когнитивные ресурсы поэзии неисчерпаемы. Особенно в том случае, когда гуманитарное знание взаимодействует с естественнонаучным и сходятся границы семиотики и точных наук [2]. Язык философии и язык поэзии не просто движутся навстречу [1], но уже давно встретились, и в этой встрече отчётливо проявлен «феномен параллельного развития».

Неисчерпаемость когнитивных ресурсов поэзии объясняет ее органичное вхождение в синергетику – общенаучное междисциплинарное направление, ориентированное на исследование механизмов самоорганизации сложных систем в условиях нестабильности. Е.Ю. Муратова предлагает дефиницию и формулу синергетического текста. Синергетический текст, по мнению исследовательницы, «это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой

совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов» [9, с. 55]. Синергетический подход к поэтическому тексту подтверждает нашу позицию о том, что целое первично, и динамика формирования лирического сюжета позволяет вывести на функциональные свойства сегментов лирического текста – событийного и обобщающего и семантику языковых средств в каждом сегменте.

Приведем несколько примеров.

Мы стояли там, где плачут ивы
И зеркальны старые пруды,
И на редкость были молчаливы
Тени в отражениях воды. (И. Ожеховская)

Лес над рекою зеленый склонился,
Господи, желтый в реке отразился!
(И. Шкляревский)

В больнице лица
Вытянуты
как на портретах Модильяни
не в порциях дело
говорят мне
а в предвкушении воскрешения. (А. Макаров-Кротков)

Лирический сюжет обладает гарантией истинности, которая обеспечивается индикативной модальностью представления любого «событийного» материала: событий из жизни и из воображения, из яви и сна, из настоящего актуального и из памяти субъекта, а также из памяти как общекультурной категории и т.д.

Поэты во все времена предъявляют обществу некие новые семиотические практики. Но новации не отменяют категориальных структур лирического мышления, которые реализуются в лирическом стихотворении как манифестации

жанровых конвенций. Новые «миры» способны возникать в условиях хорошо известной действительности, нередко в её банальных проявлениях. Идеальное все теснее связывается с событиями, принадлежащими материальному миру, и в лирическом сюжете с помощью традиционных и новых приёмов убирается «зазор» между описанием жизни и суждением о ней. Для оценки изменений, накапливающихся в лирических жанрах, необходимо внимание к важной семиотической проблеме: какие проявления действительности и как могут быть соотнесены с метафизическими размышлениями или такого рода размышления не предполагаются.

Поэзия, являясь уникальным проявлением человеческого духа, может быть и источником информации о значимых для лирического знания событиях материального мира. Степень обращённости к реалиям внешнего мира сказалась на объёме и характере интравертных эмоций: эмоция возникает в связи с событиями физического мира, что отражает сущность и свойства художественного мышления, осваивающего действительность.

Проблемы эволюции поэтического языка, его состояния в определенное историческое время неотделимы от содержательной структуры лирического я. От такого рода структуры зависит выстраивание коммуникативных стратегий, соотношение в стихотворении материального и идеального начал, степень погруженности в мир событий, способы введения в поэтическую коммуникацию адресата (провиденциальный читатель или конкретизированный в сознании лирического повествователя современник).

Новые связи с внешним миром требуют новых средств выразительности для художественного преобразования включаемой в лирический сюжет событийного материала. Увеличилась степень дейктивности лирического повествования, что отчасти объясняется повышением социальной активности поэзии, ее обращенностью к

подлинным событиям, документам, именам. В лирическом сюжете действует традиционный для лирики закон поглощения события, свертывания (включения) события в обобщение.

Лирическое слово – понятие историческое. Оно всегда отражает мировоззренческие и художественные установки поэтов. В соотношении мира слов и предметного мира, в предпочтении слова с неопределенной (зыбкой) семантикой или слова в прямом значении кроются, в конечном счете, основные различия между литературными школами и направлениями.

Изменения в структуре лирического сюжета связаны с изменениями в способах передачи самосознания лирического субъекта, в увеличении степени опоры на внешний мир, в том числе и на слово другого субъекта как представителя этого мира. Эти связи свидетельствуют о высокой степени проявленности нарративного режима текстопорождения. «Следы» нарратива, проявленные в формах скрытого и явного диалога с миром и с читателем, ведут к главной для лирического повествователя цели – как можно полнее «высказать себя» через расширение субъектного пространства стихотворения. Коммуникативная ситуация, в какой бы форме она ни была представлена, – значимый фактор порождения поэтического текста.

Новые подходы к материалу требуют разработки новых исследовательских процедур [11]. Понятийный запас науки о лирическом жанре беднее семантических потенций этого жанра, поэтому ценны, как представляется, те методы и приемы, которые позволяют выявлять новые закономерности в организации лирического текста. Интерпретатор – часть программного мира поэта, понять творение которого можно через открытие типов связей между сегментами и единицами стихотворного текста. Всегда остаются не открытые уровни связей, выявить которые можно в условиях междисциплинарного (фасеточного) видения, результатом

которого может быть совместное накопление знаний. Ещё многое предстоит принять и понять в условиях междисциплинарных связей, последовательная реализация которых позволит расширить представление о свойствах поэзии, поэтического слова и текста. Эстетическое удовлетворение от чтения поэзии зависит и от понимания законов строения стихотворений, способов превращения языка в текст.

Поэты – идеальные наблюдатели и незаменимые собеседники для тех, кто не устаёт размышлять о ценностях бытия, о возможностях расширить пространство восприятия мира и понимания ценностей жизни. В поэзии ментальное расширение информации из физического мира происходит в разных формах, каждая из которых имеет свои особенности и связывает восприятие стихотворения со временем и личностью поэта. Миссия лирической поэзии – сохранение семантической «вертикали» поэтического слова. Об этом – в стихотворении Марии Аввакумовой:

Твоя черта – горизонталь.

А он теперь по вертикали
живет.

И дух его такие дали,
такие выси узнает!

Литература

1. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст) / Н.М. Азарова : монография. – М.: Логос/Гнозис, 2010. – 496 с.
2. Аристов В.В. Дискретное и континуальное: переключки поэзии и науки в культурном контексте / В.В.Аристов // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 109–120.
3. Вдовиченко А.В. О поэзии с платоническим чувством. Наброски коммуникативной философии поэтического текста и «языка» / А.В. Вдовиченко // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 87–95.

4. Григорьева Е.Н. К проблеме лирического события / Е.Н. Григорьева // Событие и событийность: сборник статей. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2010. – С. 101–112.
5. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 408 с.
6. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 56–77.
7. Кушнер А. Аполлон в снегу. Заметки на полях / А. Кушнер. – Л.: Сов. писатель, 1991. – 512 с.
8. Малкина В. Я. К проблеме определения лирического сюжета // Вестник РГГУ: научный журнал. – № 2 (45). – 2010. – С. 11–14.
9. Муратова Е.Ю. Языковые средства выражения аллотропичности русского поэтического текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Ю. Муратова. – Архангельск, 2014. – 25 с.
10. Полежаева Т.В. Сюжет в лирике: целостно-системный подход / Т.В. Полежаева // Уральский филологический вестник. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2016. – № 3. – С. 9–27.
11. Синельникова Л.Н. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация: монография / Л.Н. Синельникова. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 267 с.
12. Соловьев С. Пир: Тексты. Стихи. Беседы / С. Соловьев. – Симферополь: Таврия, 1993. – 320 с.
13. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография / И.А. Тарасова. – М.: Инфра-М, 2019. – 166 с.
14. Татару Л.В. Нарративный анализ лирической поэзии (стихотворение А.С. Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением») / Л.В. Татару // Новый филологический вестник. – 2011. – № 4 (19). – С. 102–110.
15. Чевтаев А.А. Сюжетно-фабульная структура лирического нарратива / А.А. Чевтаев // Narratorium :

междисциплинарный электронный журнал. – 2012.– № 2 (4). – Режим доступа: <http://narratorium.rggu.ru> (Дата обращения 01.03.2021).

16. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – М.: Изд-во РАН, 2014. – № 1 (19). – С. 13–21.

УДК 811.161.1`27`42
**ОБ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ КОНФЛИКТНОГО
ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Соболева И. А.

и.о. заведующего кафедрой русского языкознания и
коммуникативных технологий

к. филол. наук, доцент

г. Луганск

Аннотация. *Статья посвящена проблемам изучения конфликтного дискурса и формирования коммуникативной толерантности, поиска продуктивных тактик речевой деятельности для избежания конфликтного поведения в современной коммуникации.*

Ключевые слова: *коммуникативная толерантность, речевая агрессия, инвектива, конфликтный дискурс, вербальная коммуникация.*

Abstract. *The article deals with the problem of the communicative tolerance formation and the productive speech tactics searching to avert the conflict discourse in terms of educational communication.*

Keywords: *communicative tolerance, conflict discourse, educational communication.*

Современная лингвистика чаще всего стремится разработать методики гармоничного речевого поведения, описать особенности феномена коммуникативного успеха. Однако при исследовании успешной вербальной

коммуникации в поле внимания лингвистов попадают следующие понятия: коммуникативная неудача, коммуникативная помеха, коммуникативный сбой, коммуникативный провал, языковой конфликт. Названные аспекты исследований играют лишь роль неизбежного зла при успешной коммуникации и подвергаются изучению только как ее оборотная сторона, что влечет за собой отсутствие системного характера получаемых результатов. Речевые конфликты постепенно входят в сферу лингвистических исследований, где стали появляться новые понятия, связанные с непривычными для классической лингвистики проблемами использования языка. Это такие понятия, как инвективное функционирование языка и его проявления – обида, оскорбление, угроза; понятия языкового манипулирования, речевой агрессии, лингвистической экологии и др.

С целью выявления лингвистических составляющих конфликта некоторыми исследователями предпринимаются попытки грамматического и синтаксического анализа письменного текста конфликтного характера. Речевые конфликты как способ изучения межкультурных противоречий становятся объектом анализа прагматики, однако, названные выше факты обусловили обращение к различным разделам наук, с которыми прагматика имеет обширные области пересечения, а именно – риторика и стилистика; теория, типология и психология речевой деятельности; теория коммуникации и функционирование стилей, социолингвистика; теория дискурса; психология общения и др. Кроме того потребовался анализ таких проблем как: институциональные и гендерные особенности речевого поведения; социолингвистические и психолингвистические приемы распознавания по различным ключам психологических состояний и эмоций людей; осмысление общих программ и способов человеческого речевого поведения; выявление не/вербальных коррелятов,

передаваемых в процессе коммуникации значений; семантический анализ невербальных знаков в их сопоставлении с естественно-языковыми знаками, в частности определение явных и обнаружение скрытых смыслов единиц различной природы, которые замещают или сопровождают языковые маркеры конфликта в акте коммуникации; невербальное оформление коммуникации. Осмысление обозначенных проблем позволяет рассмотреть конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве как сложное целое, состоящее из взаимосвязанных элементов и частей, то есть как систему.

Актуальность обращения к теме особенностей конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве объясняется наличием устойчивого интереса к проблемам конфликта как такового в рамках различных научных дисциплин (А. Анисимова, Т. Воронцова, О. Ермакова, М. Иванова, Е. Земская, К. Седов, В. Третьяков и др.) и отсутствием систематического описания этого феномена с позиций коммуникативной лингвистики. Кроме того, актуальность данной темы обусловлена обращением к речевому поведению оппонентов конфликтного дискурса в типовых моделях конфликтного дискурса с позиций коммуникативно-прагматического подхода, позволяющего рассматривать диалогические отношения в конкретной обстановке речевого общения, в конкретном их проявлении. Анализ семантических и прагматических аспектов конфликтного дискурса позволяет получить систему принципов коммуникации и выявить механизм конфликтного развертывания интеракции в дискурсивных образованиях, которые ввиду многообразия их семантического наполнения и прагматического исполнения. Выявление проблемы устойчивости конфликтной говорящей личности в условиях конфликтного взаимодействия актуальны как для развития общей теории речевой деятельности, так и для практической реализации лингвистического знания в различных сферах и

формах социально-институционального поведения личности в широком смысле.

Цель статьи – выявление путей формирования коммуникативной толерантности, особенностей стратегических тактик речевого поведения участников коммуникации в конфликтных ситуациях общения.

В отечественной науке подходы к исследованию проблемы толерантности и толерантного поведения многообразны. Толерантность в переводе с латыни означает терпимость, переносимость, снисходительность к кому-либо или чему-либо [4].

Толерантность изучается как психологический феномен (А. Асмолов, И. Гриншпун, А. Реан), рассматривается в связи с личностной обусловленностью общественного сознания (В. Лабунская, Т. Скрипкина), описанием и диагностикой коммуникативных установок (В. Бойко, М. Джерелиевская), межэтническим взаимодействием (Г. Солдатова), психосемантическими исследованиями этнических стереотипов (О. Митина, В. Петренко), типологией толерантной активности субъекта (З. Рябикина, В. Третьяк).

Разрабатываются прикладные аспекты формирования толерантного сознания (Л. Шайгерова, О. Шарова), программы по развитию навыков ненасилия и толерантного поведения (В. Магун, И. Зимина). Толерантность изучается также в контексте проблемы педагогического взаимодействия и взаимоотношений в малых группах (Е. Клепцова, Я. Коломинский, А. Реан), как основа межкультурной коммуникации (К. Краковский).

Теоретические положения статьи базируются на концепции известных отечественных и зарубежных исследователей в области психолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, теории коммуникации, коммуникативно-дискурсивной лингвистики, социолингвистики, педагогической риторики (А. Баранов,

М. Бахтин, А. Вежбицкая, И. Горелов, В. Демьянков, В. Кубрякова, И. Стернин, К. Седов, А. Михальская).

Коммуникативная толерантность – это характеристика отношения личности к людям, показывающая степень переносимости ею неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию.

Коммуникативная толерантность одна из важнейших информативных черт личности человека, поскольку в ней отражаются факторы его судьбы и воспитания, опыт общения, культура, ценности, потребности, интересы, установки, характер, темперамент, привычки, особенности мышления и, конечно, эмоциональный стереотип поведения.

Данная характеристика личности относится к стержневым показателям, ибо в значительной мере определяет ее жизненный путь и деятельность – положение в ближайшем окружении и на работе, продвижение в карьере и исполнение профессиональных обязанностей. Это систематизирующая характеристика, поскольку с ней согласуются и составляют некий психологический комплекс многие другие качества индивида, прежде всего нравственные, характерологические и интеллектуальные. Вот почему особенности коммуникативной толерантности могут свидетельствовать о психическом здоровье, внутренней гармонии или дисгармонии, способности к самоконтролю и самокоррекции.

Как предмет лингвистического исследования, конфликтный дискурс – область практически неизученная: остается открытым вопрос о функциональной роли речевых конфликтных произведений собеседников в рамках динамической модели диалогического общения; недостаточно исследованы конфликтные дискурсивные практики в ходе реализации субъектами речевых действий регулятивной деятельности как набора функционально-прагматических единиц – регулятивов, предназначенных

решать конкретные коммуникативные задачи в конфликтной интеракции, которая может реализовываться в дискурсивных образованиях, построенных в соответствии с функционально-семантическим представлением конфликтного дискурса. Наше исследование проводится в свете решения общей лингвистической задачи – различения контекстов конфликтного дискурса и случаев их прагматического употребления. В прагматической характеристике языковых единиц воплощается их функциональная специфика, которая определяет собственно содержание конфликтного дискурса, интенции и коммуникативные способности оппонентов в конфликтном дискурсе. Речевое поведение в конфликтном дискурсе характеризуется многообразием форм, спецификой норм и правил интерактивной деятельности собеседников. За основу описания вербальных конфликтных ситуаций различного порядка и уровня взята динамическая модель согласованного общения, которая строится на основе коллективного, игрового (по упорядочению конкретных шагов) продвижения партнеров к разрешению обозначенных (заявленных в начале диалога каждым из оппонентов) претензий (претензия на лидерство, претензия на инициативу, претензия на объем кодекса доверия и т.п.) и целей.

Повседневное общение свидетельствует о многообразном проявлении коммуникативной толерантности: одни люди чрезвычайно терпимы к окружающим, другие умеют хорошо скрывать неприязнь к партнерам, третьи способны силой убеждения заставить себя не замечать неприятные свойства другого. Точно так дает о себе знать та или иная степень снижения коммуникативной толерантности: черты другого могут вызвать частичное, существенное или полное осуждение, раздражение либо неприятие.

И.Н. Зарецкая в учебном пособии «Профессиональная культура педагога» связывает уровень толерантности личности с ее общекультурным уровнем: высокая толерантность способствует сдерживанию негативных

выплесков, тогда как низкая сопряжена с беспрепятственным выходом негативной энергии вовне. Мы не похожи друг на друга, по-разному мыслим, по-разному воспринимаем жизненные явления, по-разному относимся к тем, с кем общаемся, и к информации, которую от них получаем. Во многом коммуникативное поведение определяется особенностями психического склада личности.

Дж. Холмс утверждал, что в ситуации общения участвуют не два, а, как минимум, четыре субъекта, у каждого из которых отмечаются следующие аналитические варианты поведения:

- *Человек, каков он есть сам по себе.*
- *Человек, каким он сам себя видит.*
- *Человек, каким его видит другой.*
- *Человек, каким ему представляется его образ в сознании другого* [1].

Истинное «Я» не всегда совпадает с личностным представлением о себе. Это связано с самооценкой, которая может быть завышена, занижена или адекватна реальной ситуации. Часто именно самооценка влияет на поведение индивида и его реакцию на происходящее, частоту и характер возникновения конфликтного дискурса.

Слово «конфликт» заимствовано в середине 19 века из немецкого языка, где *Konflikt* происходит от лат. *Conflictus*, производного от *cofligere* «сражаться, биться». Конфликт буквально – «столкновение, бой» [5].

Конфликтный дискурс дает возможность лингвистического проектирования и лингвистической коррекции конфликтных ситуаций, так как представляет собой набор речевых действий, которым свойственны целенаправленность, адресованность, ориентация на нормы речевого поведения, принятые в социуме. Речевое взаимодействие, или совокупность обмена речевыми действиями, в зависимости от содержания коммуникативных задач может приобретать конфликтный характер, и

воздействие участников дискурса друг на друга может развиваться по определенным сценариям.

Следует отметить, что конфликтный дискурс является одним из самых распространенных сценариев в речевой деятельности, поскольку и адресат, и адресант речевого акта – языковые личности, являющиеся носителями социального опыта, составляющие элементы которого могут выступать как интенсификаторами, так и нейтрализаторами конфликтного дискурса. К интенсификаторам необходимо относить следующие факторы: нехватку времени; диссонанс коммуникации и обстановки; иерархическую дистанцию; разницу воспитания и образования; разнящиеся представления о конкретной системе долженствования или нормативных функциях; собственно социальное поведение.

С позиций институциональных характеристик участников общения, КД распадается на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный КД. Личностно-ориентированный КД регламентируется правилами речевого этикета, в случае статусно-ориентированного дискурса оппоненты КД выступают в качестве представителей той или иной общественной группы и выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией. Статусно-ориентированный КД носит институциональный характер в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Институциональная специфика КД может проявляться как нарушение оппонентами КД правил речевого общения, предписанных социальными правилами поведения, которые закреплены за каждой коммуникативной и социальной ролью/статусом оппонентов КД в пределах данного социального института.

Конфликтный дискурс актуализируется в языке прежде всего на лексическом и синтаксическом уровнях. С точки зрения семиотики, конфликтный дискурс представляет собой

столкновение коммуникативных целей участников общения. Прагматическое измерение языкового знака реализуется в стилистической характеристике фрагмента конфликтного дискурса, который воплощается в стилистической характеристике языковых единиц. Но семиотическое пространство КД формируют не только вербальные знаки. Паравербальными знаками КД можно считать скорость, тон, интонацию речи, которые являются элементами семиотической классификации. К невербальным знакам КД следует отнести: жесты, позы, мимику, шумы и так называемую «текстильную упаковку».

Отличительной чертой семиозиса КД является наличие явной, скрытой осознанной конструктивной/деструктивной агрессивности, которая становится источником различных эмоций и знаний, характеризующих состояние оппонентов КД. К прагматическим нейтрализаторам конфликтного дискурса следует относить: достаточное количество времени, имеющееся в распоряжении коммуникантов, чтобы решить необходимые вопросы; располагающую к общению обстановку; нейтрализованные маркеры иерархической дистанции (отсутствие доминирующей интонации распорядительного тона; равноправное положение в пространстве – оба коммуниканта либо сидят, либо стоят, их не разделяют массивные предметы мебели, декора, дизайна); приблизительно одинаковые уровни воспитания и образования; приблизительно одинаковое представление о конкретной системе долженствования или нормативных функциях; собственно социальное поведение.

Наряду с уже названными прагматическими характеристиками конфликтный дискурс не случаен в человеческом репертуаре еще и потому, субъекты общения обладают определенными психотипическими свойствами личности [3].

Как подчёркивает А.А. Романов, моделирование конфликтного дискурса невозможно без классификации

психотипов личностей, провоцирующих возникновение всех необходимых и достаточных условий столкновения коммуникативных целей, которые трансформируют любые сценарии речевого общения в конфликтном дискурсе. Участие в коммуникации агрессивных психотипов увеличивает вероятность конфликтного сценария, однако не всегда является единственным условием его развития и не исключает речевой активности непостоянных психотипов личности в конфликтном дискурсе.

Но все названные типы, так или иначе, обладают положительными чертами, которые дают возможность прогнозировать предотвращение конфликтного дискурса путем комбинаций коммуникативных тактик.

По ходу коммуникации информация в результате многократной передачи от адресата к адресанту (и обратно) претерпевает изменения и отражает пути реализации коммуникативной стратегии. Характер такого преобразования «может выступать в качестве некоторого объективного показателя завершенности и успешности акта риторического воздействия» [2, с. 67].

Различные виды дискурсов предполагают различные коммуникативные стратегии и тактики. Человек, вовлеченный в запланированное или не запланированное общение, обладая коммуникативным опытом и коммуникативной компетенцией, реализует свою коммуникативную цель или становится адресантом, который подвергается воздействию коммуникативных тактик говорящего (кто в свою очередь, следуя определенной коммуникативной интенции, выработал коммуникативную стратегию).

Но и говорящий, и слушающий пополняют свой коммуникативный опыт. Весь упомянутый опыт можно условно разделить на позитивный и отрицательный: мы полагаем, коммуниканта нужно считать более компетентным тогда, когда он приблизительно одинаковое количество раз

одерживал коммуникативную победу и находился в ситуациях коммуникативной неудачи. Значимость коммуникативной неудачи и ее объем заставляет человека пересматривать коммуникативный опыт и накапливать представления о собственной системе коммуникативных тактик; корректировать коммуникативную стратегию.

Конфликтные дискурсы с прагматической точки зрения следует разделять на:

- абсолютно намеренные (говорящий и слушающий заранее знают, что в течение речевого акта они оба намерены отстаивать противоположные коммуникативные цели, и оба готовы реализовывать такие сценарии коммуникативной тактики, которые заранее насыщены конфликтными маркерами);

- частично намеренные (кто-то один – или говорящий или слушающий – заранее осведомлен, что в течение речевого акта он намерен реализовывать коммуникативную цель, которая по их предположению не совпадает с коммуникативной целью реципиента; и только говорящий готов реализовывать такие ходы коммуникативной тактики, которые заранее насыщены конфликтными маркерами);

- случайные (кто-то один – или говорящий или слушающий – случайно в течение речевого акта меняет речевую тактику и не может достичь своей коммуникативной цели, не реализуя такие ходы коммуникативной тактики, которые насыщаются конфликтными маркерами спонтанно) [3].

Если рассматривать коммуникативную толерантность как противовес конфликтному дискурсу, то следует перечислить способы разрешения конфликта в процессе коммуникации:

- принцип эмоционального выражения эмоционального сочувствия неправому (а неправы обычно бывают оба коммуниканта), что часто приводит к раскаянию и осознанию нецелесообразности агрессивного поведения;

- принцип авторитетного третьего (нечто вроде третейского судьи), выступающего в роли арбитра, посланца доброй воли;

- принцип принудительного слушания, когда посредник предлагает конфликтующим отвечать только после того, как он повторит последнюю реплику оппонента. Этот прием довольно быстро убеждает спорящих, что они попросту не слышат друг друга, и накал страстей снижается;

- принцип обмена позиций, когда конфликтующим предлагается поменяться местами и продолжить спор от имени оппонента, что, возможно, позволит коммуникантам увидеть себя со стороны;

- принцип драматизации конфликта, когда, поменявшись ролями, спорящие «играют» роли друг друга, при этом, естественно, утрируя, доводя ситуацию до гротеска. Такое «примеривание» чужой коммуникативной роли приводит к тому, что конфликтующие протестуют против стиля подачи, утверждают, что все было не так, а по существу, прибегают к трансактному анализу и осознают, что надо сдерживать эмоции.

Однако анализ корпуса примеров КД обнаруживает, что пренебрежение правилами и принципами успешного коммуникативного поведения частотно является преднамеренным, для оппонентов характерны обязательные коммуникативные отклонения от выполнения предписанных ритуализованных правил – чаще всего это отказ от использования этикетных действий в ответ на этикетные действия адресата: формулы приветствия; формулы вежливого обращения, либо их использование в нестандартной функции, например, негативная вежливость.

Состояние современной коммуникации показывает высокую степень агрессии и, как следствие, необходимость системных исследований особенностей проявления конфликтных интеракций в различных типах дискурса, где рассматривались бы различные аспекты конфликтного дискурса в диахроническом аспекте; выявлялись институциональные, гендерные и возрастные особенности

речевого поведения оппонентов в конфликтном дискурсе; происходил поиск элементов возможного моделирования конфликтных ситуаций с учетом наступающих последствий для каждого из участников общения, которые могут не являться конфликтной языковой личностью; систематизировались бы вербальные и семиотические маркеры смягчения или усиления противоречий в реализации целей, тактик и стратегий коммуникации; устанавливались продолжительность и глубина конфронтации между собеседниками в пределах отдельного дискурса. Базис новой перспективной отрасли языкознания – лингвоконфликтологии или лингвоэкологии – выстраивается на основе корреляции достижений конфликтологии, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной и коммуникативной лингвистики.

Литература

1. Белоус Н.А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. Монография / Н.А. Белоус. – М. : ИЯ РАН, УлГУ. – 2007. – 246 с.
2. Зарецкая И.Н. Профессиональная культура педагога: учеб. пос. / И.Н. Зарецкая. – М. : АПК ППРО, 2006. – 116 с.
3. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика / А.А. Романов. – М. : Лилия, 2001. – 216 с.
4. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
5. Харчева В.Г. Социология / В.Г. Харчева. – М. : Логос, 2003. – 252 с.
6. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. : Дрофа, 2000. – 400 с.

УДК 811.161.1'42

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Г. Джинджолия

к. филол. н., доцент кафедры русского и
французского языков
Западночешского университета (Чехия)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы концептуализации состояний опьянения и сна в русских фразеологизмах.

Фразеологизмы, описывающие эти состояния, отражают изменение таких когнитивных способностей человека, как восприятие, память, мышление, интеллект, категоризация, воображение, фантазия, поведение и нек. др.

Во фразеологизмах, описывающих состояние сна, понятие времени наделяется следующими смыслами: «сжатие» времени во сне, его «удлинение», возвращение особо значимых моментов прошлого и др. Пространственные образы и детали во фразеологизмах проявляют «двойственность восприятия» сознания во сне (П. Флоренский).

Состояние опьянения описывается как утрата памяти, чувств и интеллекта. Человек в этом состоянии может «увидеть» черта, беса, сатану и оказаться под их влиянием. Ему свойственна физическая дисфункция. Он ассоциируется с «непривлекательными» животными и др.

Анализ фразеологизмов показал, что общим для состояний опьянения и сна может быть указание на то, что хмельной и сонный «не свою думу думают», теряют контроль над речью, уподобляются смерти и др.

Ключевые слова: измененные состояния сознания, фразеологизм, концептуализация, когнитивная способность, концептуальный анализ.

Abstract. The article deals with the questions of conceptualising the states of drunkenness and sleep in Russian idioms.

Idioms that describe these states reflect the changes of such cognitive features of people as perception, memory, thinking, intellect, categorisation, imagination, fantasy, behaviour and others.

In idioms that describe the state of sleep, the concept of time is given the following meanings: the 'shrinking' of time in sleep, its 'stretching', the return of especially significant moments from the past and others. The spacial images and details in idioms demonstrate a 'duality of sensual perception' in sleep (P. Florensky).

The state of drunkenness is described as a loss of memory, senses and intellect. A person in this state can 'see' a devil, a daemon, a satan or fall under their influence. He/she is characterised by spiritual dysfunction. He/she is associated with 'unattractive' animals and others.

An analysis of idioms has demonstrated that the concepts of drunkenness and sleep share a common notion that the drunk and the sleepy 'do not have their own thoughts', lose control of their speech, become similar to death and others.

Key words: *change of state of consciousness, idiom, conceptualisation, cognitive ability, conceptual analysis.*

Профессору Ларе Николаевне Синельниковой,
моему Учителю,
с восхищением и бесконечной благодарностью

Введение

Импульсом к предлагаемым размышлениям послужили работы Л.Н. Синельниковой, в которых обосновывается понятие фронтального дискурса [9; 10]. Фронталь как «подвижная граница, зона освоения пространства, характеризующаяся неопределенностью и неустойчивостью» [9, с. 468], может быть ключом к пониманию проблемы, вынесенной в заглавие данной статьи.

Измененные состояния сознания – любые состояния человека, изменяющие восприятие мира, в том числе состояние алкогольного опьянения и состояние сна [8, с. 53–55; с. 107–110]. Изучению этих состояний сознания в призме русской фразеологии посвящена данная работа.

Вкратце оговорим содержание опорных понятий. Сознание – «состояние психической жизни индивида,

выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, отчете об этих событиях» [7, с. 589–591].

К сознанию – как и ко всем сферам жизни (социальным явлениям, поведению людей и их действиям, языку и мышлению и др.) – применимы понятия нормы и аномалии [1, с. 298–316]. По словам Н.Д. Арутюновой, «соответствовать норме значит быть „как все“ и „как всегда“». Поле нормативности связано с концептами обыденности, предсказуемости, привычности» [1, с. 298–316].

«Нормальное» («обычное») сознание – это одна из форм сознания, которая граничит с особыми состояниями психики, которые исследователи называют измененными состояниями [8, с. 107–110]. Измененные состояния сознания понимаются как «способ приспособления сознания к изменениям внешних условий» [13, с. 48–55]. Аналитический обзор литературы по этой проблеме дан в работах Д.Л. Спивака и В.П. Руднева [8, с. 107–110; 12, с. 77–84]. Понятие «измененное состояние сознания» перешло из психологии и психофизиологии в лоно лингвистики и филологии [11; 12, с. 77–84]. Д.Л. Спивак показал, что «процесс распада сознания» вызывает последовательное свертывание системы языка и механизмов речи. Текст, рожденный измененным состоянием сознания, в языковом отношении построен особым образом [11].

Измененных состояний сознания может быть множество. Выделяются искусственно вызываемые, спонтанно возникающие, психотехнически обусловленные и др. [13, с. 48–55]. Мы остановимся на тех случаях, когда их порождением являются состояния опьянения и сна, описанные во фразеологизмах. С этой точки зрения измененные состояния сознания не рассматривались.

Цель статьи – обсудить, каким образом эти состояния сознания концептуализируются в русской фразеологии.

Материал исследования – более 900 фразеологизмов (без учета грамматических и лексических вариантов),

описывающих состояния опьянения и сна. Материал получен методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей: «Пословицы и поговорки русского народа» (В.И. Даль, 1997); «Толковый словарь живого великорусского языка» (В.И. Даль, 1981–1982); «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» (В.И. Зимин, 2010); «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, 1998); «Большой словарь русских народных сравнений» (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, 2008); «Большой словарь русских пословиц» (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, 2010); «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, 2007); «Академический словарь русской фразеологии» (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, 2015); «Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий» (отв. ред. В.Н. Телия, 2009); «Фразеологический словарь русского литературного языка» (под ред. А.И. Федорова, 2008); «Толковый словарь русского языка. В 4 т. (под ред. Д. Н. Ушакова, 1935–1940); «Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. (под ред. В.И. Чернышева, 1948–1965); «Словарь русского языка. В 4 т. (под ред. А.П. Евгеньевой, 1981–1984); «Rusko-český frazeologický slovník» (L. Stěpanova, 2007).

Методы. В работе используются методы и процедуры концептуального, компонентного и контекстуального анализа.

Обсуждение

Подход, взятый за основу в данной работе, является когнитивным. Это означает, что нас интересуют языковые и речевые сигналы измененных состояний сознания во фразеологии как когнитивных процессов.

Фразеологизмы, описывающие состояния опьянения и сна, отражают изменение таких когнитивных способностей

человека, как восприятие, память, мышление, речь, категоризация, воображение, фантазия и нек. др.

1. Восприятие и категоризация

«Двойственность восприятия» пространства и времени, присущая сновидению [16], проступает во фразеологизмах.

Пространство в сновидениях как бы «вывернуто через себя» [13]. Одни и те же пространственные образы и детали «отсюда» и «оттуда» воспринимаются по-разному: *Видел мордвин во сне кисель, так не было ложки; положил за пазуху ложку – не видел киселя.* «Отсюда» – из реального пространства – *кисель*, увиденный в мнимом пространстве, кажется существующей на самом деле деталью сна, «оттуда» – из мнимого пространства – *ложка*, которую агент *положил за пазуху*, иллюзорна, поэтому их «сцепление» невозможно. Это объясняется тем, что в сновидении «одновременно даны сознанию оба берега жизни, хотя и с разной степенью ясности. Это бывает, вообще говоря, при переправе от берега к берегу, а, может быть, еще и тогда, когда сознание держится близ границы перехода и не совсем чуждо двойственному восприятию» [13, с. 18].

Сновидение имеет «особую, не сравнимую с дневною, меру времени, «трансцендентальную». За короткое, по внешнему измерению, время «можно пережить во сне часы, месяцы, даже годы, а при некоторых обстоятельствах – века и тысячелетия... В сновидении время может даже, «выворачиваясь через самого себя, по переходе через бесконечную скорость, получать обратный смысл своего течения. А между тем, время может быть мгновенным и обращенным от будущего к прошедшему, от следствий к причинам, телеологическим» [13, с. 5–6].

Во фразеологизмах, описывающих состояние сна, понятие времени имеет разные смыслы: «сжатие» времени, его «удлинение», возвращение особо значимых моментов времени и др. Примером «сжатия» времени во сне, его «оплотнения» может быть фразеологизм *Мало спал, да много*

во сне видел. Слова *много во сне видел* косвенно свидетельствуют о повышенной концентрации событий и чувств во сне. Такая наполненность времени непомерно его раздвигает, удлиняя короткий – по «здешним» меркам – отрезок времени до протяженного времени. Может быть и наоборот: *Много спал, да мало во сне видел*. Во фразеологизме *За сон не ручись* выражена идея непредсказуемости времени во сне: «не знаешь, долго ли проспишь и что пригрезится, какими событиями время будет наполнено».

Состоянию опьянения свойственно **удвоение и умножение действительности**, что нашло отражение во фразеологизмах типа *в глазах двоится*. Количественную интерпретацию в них получают явления, которые не имеют в языке строгих единиц измерения. Понимание количества здесь строится на параметризации смыслов «немного» и «много». Значимыми для восприятия оказываются следующие количественные параметры: *двоится (в глазах двоится)*, *семерит (Из пяти пальцев не вижу ни одного, а один семерит)*, *сам-десять (Пьяному мнится, сам-десять по пути)* и *ельник (То пьян, коли пальцы впрямь, а народ в глазах, что ельник)*. *Семерить* означает «семишься, видеться всемеро, мельтешить», *сам-десять* – «вдесятером», *ельник* – «собирает. еловый лес» (В.И. Даль), т. е. совокупность однородных предметов, большое множество.

2. Чувства, поведение, характер оценок

У агенса «хмельных фразеологизмов» **нет чувства страха, боязни** нежелательных для него последствий. «Бесстрашие» вызывает целый спектр поведенческих реакций, свидетельствующих об искаженном восприятии мира: *Пьяному море по колено; Как пьян, так капитан, а как проспится, и свиньи боится; Мужик напьется – с барином дерется, проспится – свиньи боится; Пьян – храбрится, а проспится – свиньи боится; Напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится; Одну выпьешь –*

боишься, другую выпьешь – боишься, а как третью выпьешь, уж и не боишься (отвечал солдат на вопрос, как он не боится пить, зная, что накажут).

Идею отсутствия страха выражают фразеологизмы *Надо пить, да правду молотить; Без вина правды не скажешь*, которые могут использоваться в ситуации «не боюсь сказать правду и вызвать гнев другого человека».

Человек в состоянии опьянения **склонен преувеличивать, прибегает к гиперболизации**: *Пьяный решето деньги меряет, а проспится, не на что решета купить; У пьяного семь коров доится, а проспится, так и переходницы нет (переходница – «корова межмолок»; межмолок – пора коровы, когда она «ходит сухая», без молока).* В приведенных примерах идея наличия чего-то разбивается на максимум и минимум. Параметры максимума и минимума связаны с представлением о некоей норме и отклонениями от нее в состоянии опьянения. *Семь (семь коров)* и *решето (решето меряет деньги)* стали символами для смысла «наличие в избытке», а отрицания *не на что решета купить* и *переходницы нет* – для смысла «полное отсутствие».

То, что в обычном состоянии оценивается со знаком минус, в этом состоянии может получить оценку со знаком плюс: *Страшно видится, а выпьется – слюбится.* Отступления от жизненного стандарта становятся привычными, нормативными.

3. Память

В состоянии опьянения человек **лишается памяти**. «Память – это сердце нашего интеллектуального функционирования, это средоточие того, что составляет личностный опыт человека и – одновременно – разделяемый им с другими людьми его времени, его поколения, его социального и возрастного статуса и т. п. коллективный опыт и картину мира этого коллектива» [6, с. 357]. Беспамятство – это утрата способности помнить, вспоминать,

ориентироваться в действительности, адекватно ее воспринимать: *Испей винца, позабудь отца; Выпил две, да и не помнит, где*. В «Большом словаре русских народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной приводятся фразеологизмы с общей частью значения «о напившемся до полного беспамятства человеке»: *пьян (пьяный) в сосиску; напиться (упиться) в дым; пьяный в дым; напиться (упиться) в дымину; пьяный в дымину; пьян в дупель (вдупель); напиваться/напиться (упиваться/упиться) в дрезину; пьяный в стельку (стелька стелькой), напиваться/напиться (упиваться/упиться) в стельку* [Мокиенко, Никитина 2008]. Данные фразеологизмы отличаются оттенками значения, внутренними образами и стилистическими характеристиками. Например, *пьяный в стельку* – «прост., презр.; о напившемся до беспамятства и не способном стоять на ногах человеке. Выражение образовано "расщеплением" глагола *стелиться* и отражает образ "распластанного" на земле от выпитого алкоголя пьяницы» [24, с. 655].

Слово *беспамятство* в словаре В.И. Даля определяется как состояние человека, «лишенного памяти, т. е. чувств и сознания, не помнящего себя» [21, т. 1, с. 69]. **Напившегося до бесчувствия** человека описывает фразеологизм *Ему ворона глаз клюет, а он и носом не ведет*. В основе данного фразеологизма лежит метафора (не)восприятия, которая через гипертрофированное представление о физическом увечье выражает неспособность объекта действия испытывать какие-либо болевые ощущения.

Идея бесчувствия эксплицитно представлена в толковании фразеологизмов *напиться (упиться) в дребадан (вдребадан)* (грубо-прост., неодобр.; «о напивающемся до бесчувствия человеке»); *напиться (упиться, пьян) в доску* (прост., неодобр.; «о напившемся до бесчувствия человеке»); *валяться скалкой* (перм.; «о пьяном до бесчувствия и

валяющемся на земле человеке»); *напиться вдрызг* («напиться до состояния полного бесчувствия») [24].

4. Мышление и речь

В состояниях опьянения и сна человек **становится «думным» или «думает не свою думу»**: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен; Сонный да пьяный – божевольный (не в своем уме).*

Важнейший мотив «хмельных фразеологизмов» с семантикой интеллектуальной деятельности – утрата способности думать, понимать, принимать решение: *Чарка вина не прибавит ума; Вино с разумом не ладит; Вино сперва веселит, а там без ума творит; Не жаль вина, жаль ума; Хмель шумит – ум молчит; Вино с разумом не ходят: хмель шумит – ум молчит; Вино уму не товарищ; Кто много пьет вина, тот скоро сойдет с ума; Вино сперва веселит, а потом без ума творит; Дали вина, так и стал без ума; Не жалко вина выпитого, жалко ума пропитого; Выпьешь много вина, так поубавится ума; Встретишься с вином – простишься с умом; Напьешься пьяным – потеряешь разум.* Отсюда советы, предостережения и запреты: *Полно пить, пора ум копить; Пей, да ум не пропивай; Пей воду, вода не смутит ума.* Способность думать связывается со словами *ум* и *разум*. Эти синонимы описывают одну и ту же человеческую способность, но высвечивают разные аспекты данной способности [15, с. 1203–1206]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля они определяются следующим образом: *разум* – «духовная сила, могущая помнить (постигать, познавать), судить (соображать, применять, сравнивать) и заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей, от причины, следствий ее до цели, конца, особенно в приложении к делу»; *ум* – «самое высшее свойство первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям» [21, т. 4, с. 53]. Из толкований В.И. Даля можно заключить, что *разум* более связан с «сообразительностью», с

«приложением к делу», с практическим умением, ум – с теоретическими знаниями.

Выделяется группа фразеологизмов, описывающих те или иные **речевые сбои и затруднения**, которые характерны для состояния опьянения: *Лыка не вяжет* («так пьян, что не способен связно говорить»); *У него язык ниткой перевязан*; *Будто язык в киселе*; *Язык заплетается*; *Не выговаривает «мама»*; *Не тот пьян, что двое ведут, третий ноги расставляет, а тот пьян, кто лежит, не дышит, собака рыло лижет, а он и слышит, да не сможет сказать: цыц*; *Вешний путь не дорога, пьяного речь не беседа*; *Пойми пьяного речи, поймешь и свиное хрюканье*; *Пить хмельное, так и говорить такое*.

Хмельной теряет контроль над речью: *Вино развязывает язык*; *Пьяный, что малый: что на уме, то и на языке*; *Хмельной, что прямой: рот нараспашку, язык на плече*. В состоянии сна человек нечаянно может сказать то, чего не следовало бы говорить: *Во сне проговорился, а наяву заплатился*.

5. Связь с нечистой силой

Хмельной может «увидеть» злых духов, чертей, оказаться под их влиянием или воспринимается как черт, бес, сатана, наделяется их свойствами: *Нализаться как сатана*; *Попей, попей – увидишь чертей*; *Допился до чертиков*; *Вина напиться – бесу предаться*; *В пьяном бес волен*; *Смелым бог владеет, а пьяным черт качает*; *Над пьяным и оборотень потешается*; *Где водка, там сатана рядом*. Опьянение может изменить внешность человека: *Пьяное рыло – чертово бороздило*. Поведение человека в этом состоянии оценивается как бесовское. Молитвы пьяного «до Бога не доходят».

Во фразеологизме *напиваться/напиться до зеленого змия* («напиваться допьяна, до потери сознания») «образ» зеленого змия навеян галлюцинациями алкоголиков, а также выражением зеленое вино и библейским текстом "Не смотри на вино ...впоследствии как змей оно искусит"» [18, с. 215].

6. Уподобление животным

Человек в состоянии опьянения ассоциируется с различными животными. Среди них *свинья* стоит на первом месте. Довольно активна модель сравнения с союзом «как», реже встречается творительный сравнения: *пить как свинья* («о постоянно напивающемся до скотского состояния человеке»), *нажраться (налакаться, набраться, нализаться) как свинья* («об абсолютно пьяном, напившемся до скотского состояния человеке»), *наклюкаться как свинья, нализаться как свинья, бухой как свинья* («о мертвецки пьяном человеке»), *свиньёй ходить* («о ходящем сильно пьяном человеке»), *пьян как понурая свинья* («о пьяном до полного ослабления человеке»; *понурый* – «тощий, заморённый»), *пьян как зюзя* («о безобразно пьяном, достигшем крайней степени опьянения человеке»). Слово *зюзя* в русских говорах значит «свинья». Сравнение *пьян как зюзя* одним из первых в русском литературном языке употребил А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин»: *С коня калмыцкого свалясь, / Как зюзя пьяный, и французам / Достался в плен* [18, с. 221–222].

Сравнение пьяного человека со свиньей известно другим языкам, например, чешскому: *opít se (ožrat se) jako svině (пить, нажраться как свинья); opilý (ožralý) jako svině (prase) (пьяный как свинья)* [31, с. 675].

Большое значение в народных представлениях о состоянии опьянения имеют тоже *лошадь/конь, корова, собака, курица, змий, пиявка*: *пьет как лошадь/как конь* («о много и часто пьющем алкоголь человеке, пьянице»); *пьет как корова, как скотина; выпил молочка из-под бешеной коровки; натянулся как пиявка; пьяный как змий; как курица: что грянет (ступит), то и пьет; вино не пшеничка: прольешь – не поклюешь; пьян как собака; пьяный как собака окаянная* («об очень пьяном и злобном человеке»). Из всех свойств, признаков животных выбирается какой-то один признак, и он становится образцом для выражения смысла «напиться до скотского состояния».

Животные важны и для осмысления состояния сна. Символическими значениями здесь наделяются *лиса, наседка, соловей* и др.: *Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коришуна видит; Наседка одним глазом спит, а другим цыплят сторожит; Спать соловьиным (будким) сном.*

Фразеологизм *Сонного пса не буди* содержит отголоски традиционного народного понимания сновидения как отделения души от тела. Эта идея распространена во многих славянских регионах [4, с. 119–121]. Во время сна душа «временно покидает человека в зооморфном облике и путешествует по местам, которые человек видит во сне» [4, с. 119–121]. Опасно «резко будить крепко спящего человека (болг.), переворачивать его тело во время сна, так как его душа не сможет найти пути назад (укр. ровен.), лишится памяти, рассудка (укр. ровен., болг.) и даже умрет (бел. гомел.)» [4, с. 119–121].

7. Физическая дисфункция

Представление о **физической дисфункции** и ее «нейтрализации» проступает во фразеологизмах со значением опьянения: *Один глаз поперек; Выписывает вензеля ногами; По одной половице не пройдет; Понемножку, через ножку, пьем да похрамливаем; Покрякивая, льется, похрамливая живется; Пьяное дело шатовато, а похмельное тошновато; Четвертней поехал (т. е. на корточках); Под ним ножки подкашиваются; Не тот пьян, кто ничком падает, а кто – навзничь; Пьян тот, кого двое ведут, а третий ноги переставляет.* Перед уходом гостям, чтобы они не «спотыкались» в дороге, предлагают выпить *на посошок* [23] и тем самым «нейтрализовать» эту дисфункцию.

Условно к фразеологизмам с семантикой физической дисфункции можно отнести «сновиденческий фразеологизм» *спать без задних ног* («очень крепко, беспробудно»). Выражение возникло на основе наблюдений за животными. «После тяжелой работы лошадь ложится и спит, расслабив

задние ноги. Если попытаться поднять ее, она будет вставать на передние ноги, но задние ее не будут слушаться» [18, с. 404–405; 23, с. 86].

8. «Смертные фразеологизмы»

Состояния опьянения и сна во фразеологизмах **уподобляются смерти**: *Спит как мертвый (мертвецким сном); Сон смерти брат; Сонный, что мертвый; Уснешь, что умрешь; Уснул – помер; Спит человек – не живой; Если сонный отпыхивает, то умрет; Много спать – мало жить: что проспано, то прожито; Пьян (пьяный) в усмерть (вусмерть); Мертвецки пьян.*

9. «Акциональные» и социальные характеристики

Человеку в состоянии опьянения приписываются различные **действия**. Среди них выделяются действия, направленные на причинение вреда другим людям (например, *берется за нож, дерется, бьет*): *За ковш, так и за нож; за чарку, так и за драку; Где ни напьется, там и подерется; Напившись, мужик и за реку (за репу) дерется; Пьяный, что бешеный; Кто пьет, тот и горшки бьет; Честна свадьба гостями, похороны слезами, а пьянство дракой; Напьемся – подеремся, простимся – помиримся; После праздников много подглазников.* Выделяются также действия, которые характеризуют самого хмельного (*танцует, поет, плачет* и др.): *Вино пляске брат; Глядя на пиво и плясать хорошо; В нем водка плачет, а не он; В пьяном хмель плачет; Пьяный поет – себя тешит.*

Во многих фразеологизмах состояние опьянения ассоциируется с профессиональными, должностными, сословными и другими «характеристиками» агенса: *сапожник настукался/накуликался, портной настегался/наутюжился, музыкант наканифолился, немец насвистался, лакей нализался, барин налимонился, солдат употребил, купчик начокался, приказный нахлестался, чиновник нахрюкался, служивый подгулял.* Распространены сравнения: *надудолиться (накубриться, накуликаться,*

налимониться) как *сапожник* («напиться до крайней степени опьянения», «много и запойно пить алкогольные напитки»); *пьян* как *сапожник*, как *извозчик*, как *дворник*, как *кочегар*, как *лакей*, как *пожарник*, как *грузчик*, как *музыкант*.

10. Гендерные признаки

Во фразеологизмах, описывающих состояние опьянения, фигурируют *пьяная баба*, *старуха* и *старик*, *муж* и *жена*: *Пьяная баба сама не своя*; *Баба пьяна – вся чужа*; *Пьяная баба свиньям прибавя*; *Старухе ноги подымает*, *старик глаза протирает*; *Муж пьет – полдома горит*, *жена пьет – весь дом горит* и др. Для «фемининных» признаков концептуализации состояния опьянения существенны оппозиции *свой – чужой*, *чистый – нечистый*, *счастье – несчастье*. Женщина в этом состоянии является воплощением второго их члена. Меняются ее когнитивные способности (*сама не своя*, *вся чужа*), меняется и хозяйственная функция, которая преимущественно за ней закреплена (*Не дело пьяной бабе коров доить*).

11. Идея границы во фразеологизмах

Фразеологизмы отражают традиционные народные представления о границе. Идея границы во фразеологизмах имеет древние корни, связанные с традиционными народными верованиями славян [14, с. 97–115]. Граница – это одна из кардинальных идей и категорий традиционного сознания. Она разделяет две стороны чего-то, и нахождение на границе очень опасно для человека [14, с. 97–115].

Так, во фразеологизмах, описывающих состояние опьянения, идея границы выражается в противопоставлении первых двух-трех чарок последующему питью, которое осуждается как излишество: *хватил лишнего*, *хлебнул через край*. О выпившем две-три чарки могут сказать, что он *промочил горло*, *смазал глотку*, *сполоснул зубы* («опохмелился») или *под мухой*. Выражение *под мухой* восходит к карточной игре «Муха». Игравшие в муху обычно выпивали после выигрыша [3, с. 332; 23, с. 213]. Считалось,

что первую чарку пьешь на здоровье, вторую – на веселье, а третью – на вздор, много пить – мысль будет иная. Приведем примеры: *Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит; Чарку пить – здоровью быть, повторить – ум развеселить, утратить – ум устроить, много пить – нестройно быть; Первую пить – здраву быть, вторую пить – ум повеселить, утратить – ум устроить, четверту пить – неискуну быть, пятую пить – пьяну быть, чара шестая – мысль будет иная, седьмую пить – безумну быть, к восьмой приплести – рук не отвести, за девятую приняться – с места не подняться, а выпить с чарок с десять – так поневоле взбесят.* Фразеологизмы учат соблюдать меру: *Хорошо все в меру; Душа меру знает.* Ее нарушение может сопровождаться опасными для человека изменениями состояния сознания.

О состоянии сновидения как границе между мирами – «здесьним» и «тамошним» – пишет П. Флоренский: «Сновидение насыщено смыслом иного мира, оно – почти чистый смысл иного мира, незримый, невещественный, непреходящий, хотя и являемый как бы вещественно... Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и ряда переживаний горних, граница уточнения здесьнего и оплотнения тамошнего. При погружении в сон, в сновидении и сновидением символизируются самые нижние переживания горнего мира и самые верхние дольного: последние всплески переживаний иной действительности, хотя уже предназначаются впечатления действительности здесьней» [16, с. 16–17].

Сон во фразеологизмах понимается как окно в «тамошний» мир, откуда можно получить какие-то знаки своей судьбы: *Вещий сон не обманет; Как сон в руку; Сон правду скажет, да не всякому.* Характерный мотив – неслучайность «вещественных» случайностей во сне, их обратная перспектива: *Видал мужичок хомут во сне, не*

видать ему клячи довеку; Видел во сне коровий след: ин наяву маслом отрыгается.

12. О роли питания

Состояние опьянения помогает хмельному заглушить горе, тоску, уныние: *Пей – тоска пройдет; Пить – горе, а не пить – вдвое; Утопим горе в чарке вина; Спасибо кувшину, что размыкал кручину; Спасибо тому зеленому кувшину, что развел доброму молодцу кручину.* Встречаются фразеологизмы с противоположным значением: *Горе водкой не залъешь.*

Семантика «горечи», болезненности и неудовлетворенности жизнью может выражаться через «горький вкус»: *такую горечь – горьким и запить; пить горькую.* Фразеологизм *пить горькую* означает «много и систематически, запойно пьянствовать (обычно – пытаюсь заглушить горе, тоску, уныние, вызванные крайней нуждой)» [18, с. 132]. Формирование актуального значения этого фразеологизма А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский описывают в терминах когнитивного моделирования: «Во фрейме *употребление спиртного* присутствует слот "потребляемое". Слот заполнен содержанием "водка и подобные напитки", выделяемым в отдельный подфрейм. Существенно, что этот подфрейм содержит слот "вкус", заполненный содержанием "вкус"» [2, с. 243–244].

Пьют не только *с горя*, но и *на радости, с приездом, с отъездом*, чтобы *впрыснуть победу*, чтобы *обмыть копыта* (когда покупают корову), *обмыть стены* (когда в новый дом переехал), *обмыть*, например, покупку брюк, чтобы *дольше носились*, иногда *пьют в честь того, что не случилось ничего*. Пьют и без всякой причины: *У наших бражников много праздников; У них семь праздников на неделе; Любитель выпить за причиной в карман не полезет.*

Значение имеет «атмосфера питания – та воодушевленность, которая приходит по мере взаимного общения за чарой» [5, с. 483]: *Не то чтобы пить, а с*

добрыми людьми посидеть (побеседовать) любит; Не пьет, а с добрыми людьми знается; Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает.

Русские фразеологизмы, описывающие выпивку и опьянение, как правило, имеют отрицательную оценку.

13. Семантические преобразования в художественном тексте

В художественных текстах значение интересующих нас фразеологизмов может уточняться, конкретизироваться, переинтерпретироваться, изменяться.

Пример из поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки»:

*– Семеныч! Ты выпил сегодня много?.. – Прилично, – отвечал мне Семеныч не без самодовольства. Он **пьян был в дымину**... – А значит: **есть в тебе воображение**? Значит: устремиться в будущее тебе по силам? Значит: ты можешь вместе со мной перенестись из мира темного прошлого в век золотой, который «ей-ей грядет»? – Могу, Веня, могу! **Сегодня я все могу** [22].*

В этом примере грубо-просторечный фразеологизм *пьян в дымину*, употребляющийся обычно в ситуации, когда некто напился «до полного беспамьятства», используется в значении «наличие воображения», «мочь все», «способность устремиться в будущее, перенестись из темного прошлого в век золотой». С помощью фразеологизма передается идея «балансирования» сознания персонажа между реальным миром и иллюзорным.

Выводы

Фразеологизмы, описывающие состояния опьянения и сна, отражают и осмысливают изменение таких когнитивных способностей человека, как восприятие, память, мышление, речь, категоризация и др.

«Двойственность восприятия» во сне [16] имеет пространственно-временные характеристики, которые проступает во фразеологизмах. Кардинальные идеи «сновиденческих фразеологизмов» с этой семантикой –

повышенная концентрация «тамошнего» времени событиями и чувствами, «сжатие» времени и его расширение, возвращение значимых моментов прошлого, неслучайность пространственных случайностей во сне и др.

В «хмельных фразеологизмах» широко представлен мотив удвоения и умножения действительности. Понимание количества строится на параметризации смыслов «немного» и «много» (*двоится, семерит, сам-десять, ельник*).

Хмельной склонен к гиперболизации. У него нет чувства страха, отсутствует боязнь нежелательных последствий. Поведенческие реакции «бесстрашия» свидетельствуют об искаженном восприятии мира.

Состояние опьянения описывается как утрата памяти, чувств и интеллекта. Человек в этом состоянии может «увидеть» черта, беса, сатану и оказаться под их влиянием. Ему свойственна физическая дисфункция. Он ассоциируется с «непривлекательными» животными и др.

Состояния опьянения и сна совпадают по ряду признаков, которые имеют разные проявления. Агенты этих состояний «думают не свою думу», теряют контроль над речью и уподобляются смерти.

Фразеологизмы отражают традиционные народные представления о границе. Идея границы во фразеологизмах имеет древние корни, связанные с традиционными народными верованиями славян [14, с. 97–115].

В художественном тексте интересующие нас фразеологизмы могут вводить отсылки к изменению состояния сознания персонажей, к границе миров и смыслов.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (вместо заключения) // Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – С. 298–316.

2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, – 656 с.
3. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1999. – 1138 с.
4. Гура А.В. Сон / А.В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–2012. – Т. 5. – С. 119–121.
5. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Лекторский В.А. Сознание / В.А. Лекторский // Новая философская энциклопедия. В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Том 3. – С. 589–591.
8. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
9. Синельникова Л.Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках / Л.Н. Синельникова // Russian Journal of Linguistics. 2020. – Т. 24. – № 2. – С. 467–492.
10. Синельникова Л.Н. Медийная коммуникация в проекции на современную теорию фронта / Л.Н. Синельникова // Настоящее и будущее стилистики. – М.: ФЛИНТА, 2019. – С. 654–659.
11. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания / Д.Л. Спивак. – Ленинград: Наука, 1986. – 92 с.
12. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблема текста / Д.Л. Спивак // Вопросы языкознания. – 1987. – №2. – С. 77–84.

13. Спивак Л.И., Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология / Л.И. Спивак, Д.Л. Спивак // Сознание и физическая реальность. – Т. 1. – № 4. – 1996. – С. 48–55.

14. Толстая С.М. Семантические категории языка и культуры. Очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.

15. Урысон Е.В. *Ум, разум, рассудок, интеллект* / Е.В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 1203–1206.

16. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству / П. Флоренский. – СПб.: Русская книга, 1993. – 364 с.

Источники

17. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: ЛЕКСПУС, 2015. – 1164 с.

18. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

19. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 781 с.

20. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – СПб.: Диамант, 1997. – 544 с.

21. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1981–1982.

22. Ерофеев В. Москва – Петушки / В. Ерофеев. – М.: Азбука, 2014. – 140 с.

23. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В.И. Зимин. – М.: АСТ-Пресс, 2010. – 729 с.

24. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
25. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: Алма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
26. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.
27. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. – М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
28. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. – М.: Мир энциклопедии, Аванта+, 2007. – 1135 с.
29. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
30. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Федорова. – М.: Астрель, 2008. – 878 с.
31. Stěpanova L. Rusko-český frazeologický slovník / L. Stěpanova. – Olomouc, 2007. – S. 878.

УДК 811.161.1'42

АКТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Пономарева Т.А.,
к. филол. н., доцент,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
г. Луганск

Аннотация. Статья посвящена описанию активных языковых процессов, происходящих в современной русской поэзии.

Анализируются инновации, проявляемые на разных языковых уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

Ключевые слова: *современный поэтический дискурс, активные языковые процессы, инвариантные признаки современной поэзии.*

Abstract. *The article is devoted to the description of active language processes occurring in modern Russian poetry. The article analyzes innovations that are manifested at different language levels: lexical, word-forming, morphological and syntactic.*

Keywords: *современный поэтический дискурс, активные языковые процессы, инвариантные признаки современной поэзии.*

Всякая новая эстетическая реальность
уточняет для человека
его реальность этическую
И.А. Бродский

Лингвистическая поэтика продолжает оставаться актуальным направлением современной лингвистики. Меняются некоторые векторы её изучения; происходят поиски «своего» языка, которые ведут ученые-филологи и современные поэты.

Современная русская поэзия, представленная множеством школ, направлений, течений, вызывает особый исследовательский интерес. Это многообразие приводит к разным вопросам при попытке типологизации и интерпретации современного поэтического дискурса, вопросам, однозначно ответить на которые не представляется возможным. Для понимания сущности современной поэзии нам кажутся ценными слова Анны Альчук о том, что объединяет этих, таких разных, поэтов, «прежде всего, отношение к поэтическому языку не как к объекту, с помощью которого делается высказывание, а как к самодостаточному и властному субъекту, это высказывание предопределяющему» [1, с. 8].

Цель данной работы заключается в попытке описать некоторые инвариантные языковые черты, свойственные современному поэтическому дискурсу.

Изучение современной русской поэзии позволяет сформулировать её следующие особенности:

- Изменение традиционного понятия «поэтическое слово» и, как следствие, явления сегментации и пересегментации (Н.А. Николина, Н.А. Фатеева и др.). Можно согласиться с Н.А. Фатеевой, которая говорит о том, что при анализе языка современной поэзии «необходимо пересмотреть само лингвистическое определение «слова», а также содержание языковых процессов, вкладываемых в понятия «словоизменения» и «словообразования», поскольку относительным становится само представление о структурной оформленности слова и невозможности знаков препинания и пауз внутри него» [3, с. 85].

Приведем пример из стихотворения Анны Альчук, в котором реализованы названные языковые приёмы:

приближается РЖА
коней горизонта НИ Е
ДИНОЙ травинки
ТРОПА
ДАТЬ И ПАДАТЬ И ПА
ДАЛЬ
(за ревом) слышишь...

Происходит актуализация морфемной структуры слова, которая отражается в его графической сегментации; вычленяемые сегменты зачастую переосмысливаются. В современных поэтических текстах в структуре слов могут вычленяться и значимые части, соотносящиеся с лексемами разных языков:

палиндром –
отражение в MIRROR
МИРОВ
если GOD – это DOG

то божественный дог
поведет нас средь ГОР
и охотничий РОГ
возвестит о начале пути (А. Альчук)

- Нелинейность поэтического текста: его компоненты ориентированы на множественность их интерпретации, на вариативность прочтения.

Ярким примером такой «нелинейности» является следующее стихотворение Н Азаровой:

мы о го рах го во ри ли

по

вер

ти

ка

ли

и — по — горизонтали

воздуха

лифт

по

колодцу

лист

прямо

свит

не

виден

вещам может не доставать существования

иногда существования может и не хватать

- Одной из типологических особенностей современной поэзии является словотворчество. Современные поэты активно создают окказиональные единицы, используя в качестве образца различные словообразовательные типы и модели. При образовании таких слов происходит нарушение (обычно сознательно, в целях повышения экспрессивности) законов построения соответствующих языковых единиц.

Среди словообразовательных новшеств отметим образование окказионализмов способами сращения и сложения. Эти способы часто сочетаются, взаимодействуют друг с другом.

Широкое распространение в поэтической речи получают композитные (сложные) новообразования. Сложное слово, «с одной стороны, служит способом свертывания свободного словосочетания, фразеологизма или даже микротекста, с другой стороны, отражает тенденцию к сопряжению лексических единиц не только объединенных синтаксическими связями, но и соотнесенных в тексте ассоциативно» [2, с. 97]. Приведем пример:

живу-без-образа
и образ жизни ваш
я проплываю
на месте столкновения течений –
водоворот из пресного с соленым
ветер @лантический
рвет-за-борт-строчки
настроенье-утроилось
прыжок-из-переправы-в-продолженье

Н. Азарова

Благодаря окказионализмам, широко представленным в современной поэзии, экспрессивно-оценочная окрашенность современного лирического сюжета достигает максимального наполнения.

- Новации на грамматическом уровне в современных поэтических текстах часто приводят к нарушениям языковой нормы. Среди таких новаций отметим следующие явления: ненормативные синтаксические конструкции, обусловленные расширением валентности глагола; повышение роли слов служебных частей речи; грамматическая транспозиция; многочисленные нарушения в сочетаемости слов и др.

Приведём показательный с точки зрения соотношения нормы / не-нормы пример — стихотворение Н. Азаровой:

сон не сплю я в полнолуние
боль болею теплым телом,
ночь не ночу, злость не злю я,
звук позвучу, лень поленю.
шум шуметь — душе так душно
мыслить мысль — низка подушка
бег бегу в рассвет от тем я
ритмлю ритм назло оттенкам.

В представленных деривационных парах присутствуют и окказиональные модели, образованные по образцу моделей узуальных (*ночь не ночу, лень поленю, ритмлю ритм* и др.). Показательно, что даже сочетаемость пар, в которых и мотивирующее, и мотивированное слова являются узуальными, нарушают нормативность языка (нельзя сказать *сон не сплю, боль болею, бег бегу, мыслить мысль*): непереходные в языке глаголы в поэтическом тексте становятся переходными. Актуализация деривационных связей, этимологизация – эти явления усиливают рефлексии над словом поэта и в дальнейшем – читателя.

- Увеличение количества «беспунктуационных» поэтических текстов, в которых усиливается роль семантических связей.

- Среди множества новаторских черт, свойственных современной поэзии, особое место принадлежит использованию языковой игры, которая часто строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений.

Итак, наблюдения позволяют утверждать, что в современном поэтическом дискурсе реализуется ряд новаторских языковых свойств, которые отражают существенные изменения в приёмах выразительности, создании образности и построения художественного текста в целом.

Литература

1. Альчук А. Несколько соображений о новаторской поэзии post factum / А. Альчук // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии». – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 592 с. – С. 8–9.
2. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: монография / Н. А. Николина. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.
3. Фатеева Н. Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress / Н. Фатеева // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии». – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 592 с. – С. 79–89.

УДК 811.161.1'27'24 (477.6)

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ ГОРОДА ЛУГАНСКА

Шкуран О.В.,

к. филол. н., доцент, доцент кафедры русского
языкознания
и коммуникативных технологий

г. Луганск

***Аннотация.** Аксиологический подход в изучении лингвистического портрета языковой личности заключается в выявлении его ценностей в рамках одной культуры. В данной статье при взаимосвязи духовных и материальных потребностей объясняется языковой феномен ценностей жителей Луганска на основе лингвистического ассоциативного эксперимента.*

Ключевые слова: лингвоаксиология, ценностные ориентиры, портрет языковой личности, русская языковая картина мира.

Abstract. *The axiological approach to the study of the linguistic portrait of a linguistic personality consists in identifying his values within the framework of one culture. In this article, with the interconnection of spiritual and material needs, the linguistic phenomenon of the values of the inhabitants of Lugansk is explained on the basis of a linguistic associative experiment.*

Keywords: *linguoaxiology, value orientations, portrait of a linguistic personality, Russian linguistic picture of the world.*

Постановка проблемы. Одной из фундаментальных основ самоопределения народа является умение представить себя среди других наций и народностей. Жители Луганска, являющиеся представителями русского этноса в течение семи лет формируют и представляют мировой общественности ценностный блок элитарных и индивидуально-бытовых связей с русской культурой в широком плане. Постановка данной проблемы необходима для описания аксиологической основы мыслительно-речевой сферы респондентов. В результате ассоциативного эксперимента, базирующего на принципе бинарности структурирования картины мира, отражены ценностные ориентиры и представлены психологические и аксиологические стандарты жителей города. По мнению Г.Н. Складневской, Н.А. Купиной, единые общечеловеческие оценки не совпадают с мнением респондентов, поскольку существуют национально-культурные стереотипы и приобретенные идеологические представления в различные временные рамки (советский, постсоветский, период украинской независимости, украинской агрессии) [4, 8].

Система ценностей личности, по словам М.М. Бахтина, близка по смыслу с ценностными кругозором, окружением, эмоционально-волевой установкой, эмоционально-волевым тоном, социальной оценкой, а человек благодаря данным

ценностным постулатам уплотняет мир вокруг себя, становясь его центром [1, с. 32]. Все данные феномены взаимодействуют и влияют на языковую личность, поэтому семейная и семейная разнооценочность, по мнению И.А. Стернина, иллюстрирует различия в когнитивной базе человека, а известная доля субъективности позволяет выявить индекс коннотативной яркости [9]. «Все, что связывает человеческую жизнь воедино, что имеет ценность и значимость, – духовно по своей природе; и это царство духа может существовать посредством осознания истины и права, посредством постижения идей» [2, с. 372].

Анализ последних исследований и публикаций. Современная языковая аксиология представлена многообразием исследований, что свидетельствует о повышенном интересе не только философов, социологов, но и филологов к центральным понятиям данного научного направления: Н. Д. Арутюнова, 1984, 1988, 1999; Е. М. Вольф, 1995; Т. В. Маркелова, 1993 – сопоставляют лингвоаксиологию с другими областями гуманитарного знания; Ю.Д. Апресян, Е.В. Бабаева, Т.В. Булыгина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, E.Ochs, E.Oksaar – объясняют специфику языковых картин мира; Е. Бартминский, 2005; Е. Л. Березович, 2007; Н. И. Толстой, 1995 – изучают оценочные действия в этнолингвистике; Л. К. Байрамова, 2011; М. Л. Ковшова, 2013, 2019; В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, 1996; О. В. Ломакина, 2018; А. С. Макарова, 2019; О. В. Шкуран 2019, 2020 – изучают ценностные представления в культурно-языковой семантике паремиологических и фразеологических единиц; В. И. Карасик, 2005; Е. Ф. Серебренникова, 2008 – описывают лингвокультурологические типы с точки зрения ценностных позиций; В. В. Колесов, 1993, 1999, 2006; Т. Б. Радбиль, 2017 – иллюстрируют особенности русской картины мира и ценностные ориентации русского менталитета и др.

Постановка задачи. Целью исследования является аксиологическая характеристика речи жителей города Луганска на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях, выявление причин и механизмов изменения оценочно-ценностной позиции, свойственной лексемам, использованным в ассоциативном эксперименте; определение ценностных доминант языковой личности через эмоционально-оценочные модусы высказываний, что дает возможность для анализа феномена лингвоаксиологической картины мира жителей Луганска.

Поставленная цель определила следующие задачи исследования: проанализировать аксиологическую сущность речевого портрета жителя города Луганска, исследовать причины и механизмы изменения семантики лексем и несоответствие или дополнение лексикографических данных.

Для решения поставленных задач применялись следующие методы: ассоциативный эксперимент, метод словарных дефиниций, описательный и аналитический методы. Участниками стали пятьсот восемь человек разного возраста, пола, образования, социального статуса.

Результаты. Наиболее оптимальным составлением портрета является двухуровневая модель, представляющая собой конструкт из общих и частных ценностей. Ценностные ориентации жителей Луганска сформированы в результате процесса социализации в новом идеологическом формате. В.Г.Немировский пишет: «Ценностные ориентации определяются социальной средой, в которой воспитывался человек, условиями его жизни, уровнем развития его интеллекта, особенностями его психологии, характера, порой даже отдельными событиями. Основное содержание ценностных ориентаций личности – мировоззренческое и нравственное убеждение человека, принципы поведения, глубокие эмоциональные привязанности» [7, с.25].

Рассматривая различные аспекты речевого портрета языковой личности, мы выделяем лингвоаксиологический

коллективный и индивидуальный портрет, который состоит из целого комплекса социальных, возрастных, психологических, собственно языковых, речевых особенностей. Есть все основания презентовать его, поскольку на его формирование повлияли внешние и внутренние факторы.

Мы считаем, что лингвоаксиологический портрет языковой личности – это функциональная реализация модели языковой личности в плане ее речевенностных установок.

Ассоциативный эксперимент позволил выявить актуальное содержание представленным лексем, описать их интерпретационные поля и проверить все выделенные при исследовании компоненты и слои на их бытийность, т.е. реальное присутствие в сознании респондентов. Материалом для исследования послужили пятьдесят лексем, извлеченные из метафорических текстов и являющиеся ключевыми элементами, закодированными в сознании и культуре социума. К.А. Жуков ввел понятие *аксиологема* и предложил классификацию конвенциональных ценностей и антиценностей – витальных, гедонистических, священных, социально-утилитарных, интеллектуально-познавательных, нравственно-этических, эмоционально-утилитарных, религиозных [3, с.109]. Нами выбраны лексемы всех вышеназванных категорий: названия с позитивной лексикографической коннотацией: религиозные (*Бог, кутья, рай, сочельник*); компоненты духовного и нравственного целого (*верность, любовь, любочестие, милосердие, мудрость, радость, скромность, совесть, стыд, честь*); лица, располагающие властью, интеллектом (*интеллигент, начальник, управитель*); термины родства (*жена, семья, муж*); предметы или артефакты (*колокол, подарок, яйцо*); профессии (*врач*); выражение любви (*поцелуй*); успех (*победа, праздник, подвиг*); область человеческой деятельности (*наука, просвещение*); вид деятельности, направленной на удовлетворение потребностей (*труд*); возрастные периоды

(*молодость, старость*); выдающие способности (*талант, успешность*); место временного пребывания (*общежитие, ясли*); предел (*конец*); названия с негативной коннотацией – антиценности (*безделье, ложь, наглость, смех, страсть*); физическое или эмоциональное страдание (*боль, горе, печаль, смерть*); конфликты (*война*); мера принуждения (*наказание*); запреты (*нельзя*); подчинение воли и действий (*власть*); предел (*смерть*).

Многими исследователями установлено, что эмоциональная сфера является важнейшей составляющей внутреннего мира языковой личности. Любовь как языковой образ представлена единицами различного уровня как универсальный и национально-специфический концепт. Е.В. Лобкова реконструирует данный концепт и иллюстрирует идеографическое пространство [5, с.84]. Наши ассоциации можно представить в следующих номинациях: предикат-отношение (чувство) – *взаимопонимание, доверие, забота, ненависть, нежность, отчаяние, привязанность, страсть, симпатия, уважение*; актанты (объект-субъект чувства) – *бабушка с дедушкой, дети, любимый человек, муж и жена, мужчина и женщина, родные люди, семейная пара, у мамы с папой*; причина любви – *боль, вдохновение, крылья, привычка, романтика, тепло, трепет, сердце, состояние души, химия, чувства, этапы развития – ласка, объятия, отчаяние, поцелуи, привязанность, привычка, синхронизация, уважение, умиление*; скорость возникновения – *внезапность, длительная, вечная, крепкая, первая любовь*; поведенческая – *свадьба, свидание, предательство, расставание*; духовная – *Бог, вечность, душа, люди познают Бога*. Более широкая система оценочных смыслов представлена ассоциатами-адъективами – *безмерная, взаимопроникающая, всеобъемлющая, нежная, окрыляющая, рождающая, сильная, человеческая*; адвербиальными ассоциатами – *близко, вдохновенно, доверительно, жертвенно, крепко, навсегда, отчаянно, страстно, трепетно*. К приядерной зоне относим

такие реакции: *бабочки, воздух, иллюзия, Родина, секрет, семья, союз, траты, труд*. Единичными периферейными стали реакции: *любовь-морковь, розы, гормоны, река, секс, судьба, жертва, мой муж, дар*.

Данной аксиологеме присуща глубина и разнообразие аксиологических смыслов в различных жизненных ситуациях, преобладает положительная коннотация на начальных этапах взаимоотношений, отражаются как европейские, так и национально-специфические стереотипы поведения. Акцент сделан на символику любви и влюбленных, меньше на семейные ценности с преобладанием нравственных характеристик. Ассоциат *Родина* вошел в приядерную зону, поскольку респонденты ставили в центр собственно отношения между любящими, влюбленными; не затрагивается ментальная сфера (потеря ума от любви), и слабо представлено плотское начало (единичным ассоциатом *секс*). Реакции не связаны с природой, внешним миром (стихии, пространство), животным миром, литературными персонажами. Эмоции характеризуются положительной динамикой, отражают важные качества любящего человека, реже называются ассоциаты с негативной окраской. Все это определяет нормы и модели поведения носителей языка, в котором отразился сдержанный характер и поведение объектов любви.

Выводы. Аксиологический подход в изучении лингвистического портрета языковой личности проиллюстрировал ценностный потенциал жителя города Луганска. При взаимосвязи духовных и материальных потребностей объясняется языковой феномен ценностей жителей Луганска на основе лингвистического ассоциативного эксперимента. Для определения центрального понятия оценочности выбраны аксиологемы со сложившимися этнополитическими представлениями о ценности объекта и социально-исторической обусловленностью. Коммуникативная оценочность как

фактор этнокультурного поведения русскоговорящего луганчанина иллюстрирует сферу «важно» – «неважно», «истинно» – «ложно», «сакрально» – «десакрально». Смоделированная система ценностей образует микрополе, основанное на ассоциативных связях. Сложившаяся аксиологическая иерархия после ассоциативного эксперимента показала вертикаль с субъективной природой ценностей, строящаяся на духовных и материальных потребностях человека (Бог, верность, труд, подвиг, победа и др.). В аксиосфере луганчанина выделяется несколько ценностных ядер, а эксперимент показал, что ассоциативный ряд отражает совокупность обобщенных признаков через призму национально-языковой системы. Околоядерная и периферийная зона языковой единицы содержит разнооценочную характеристику. Данное исследование позволяет достаточно надежно определить лингвоаксиологический портрет русского человека – жителя города Луганска с личной когнитивной базой, индивидуальным характером оценки или эмоции, хранимые в речемыслительных пластах русского языка. Это ключ к национально-языковой личности, объединяющий результат длительного развития и являющийся объектом трансляции опыта от поколения к поколению, и определяющий универсальность и характерные особенности конкретной русской языковой картины мира.

Литература

1. Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. / М.М. Бахтин. – М.: Издательства «Русские словари», «Языки славянской культуры», 2003. – Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. – 955 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 439 с.
3. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М.: Издательство «Высшая школа», 1986. – 310 с.

4. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина.– Екатеринбург – Пермь: Издательство Уральского университета, 1995. – 144 с.

5. Лобкова Е.В. Смысл «любовь» как предмет лингвистического исследования (обзор работ с 1981 по 2002 г) / Е.В. Лобкова // Вестник Омского университета, 2004. – № 2. – С.81-84.

6. Ломакина О.В., Шкуран О.В. Способы экспликации коммуникативного намерения фразеологизма-библейзма «запретный плод» / О.В. Ломакина, О.В. Шкуран // Журнал «Известия СмолГУ». Смоленск: Смоленский государственный университет, 2020. – № 2(50). – С. 65–76.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

УДК 81'373.7:81'373.43

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Серебряк М. В.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
г. Луганск

***Аннотация.** В статье раскрываются вопросы образования фразеологических неологизмов, их функционирования в современном публицистическом дискурсе. Материалом исследования стали тексты СМИ и Интернет-публикаций. В исследовании предпринимается попытка изучить способы возникновения новых фразеологизмов, закономерности построения, а также особенности их использования в публицистическом дискурсе как оригинальных средств выразительности.*

***Ключевые слова:** неологизм, фразеологическая единица, фразеологическое новообразование, фразеологизация.*

***Abstract.** The article presents a research in the field of phraseological neology and its functioning in the modern journalistic discourse. The material of the research is the texts of media and Internet publications. The study attempts to explore the ways of the formation of new idioms, the mechanisms of their construction, as well as the peculiarities of their using in the journalistic discourse as the original means of expression.*

***Keywords:** neologism, phraseological unit, phraseological innovation, idioms formation.*

Русский язык в современный период развития претерпевает разносторонние преобразования, касающиеся отступления от норм литературного языка на различных

языковых уровнях, трансформации структурной и смысловой целостности литературных языковых единиц и под. Однако в современной лингвистике остается дискуссионным вопрос об эстетической, прагматической и функциональной мотивированности отступлений от общезыковых норм, а также целесообразности включения таких отступлений в современные публичные тексты. Исследователи В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик, Л.П. Крысин и другие в своих работах дают исчерпывающее представление о всей неоднозначности и сложности подобных изменений языка.

Изменяющаяся действительность, требуя новых наименований, активизирует, в свою очередь, отдельные звенья системы языка. Прежде всего, это затрагивает сферу словообразования, лексической и фразеологической подсистем. Проблеме новообразований в разное время посвящали работы такие ученые, как Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Жуков, В.В. Истомина, В.М. Мокиенко, И.И. Срезневский, Н.М. Шанский и др. Наиболее активно исследования в области отечественной неологии проводились во II пол. XX в., о чем свидетельствуют монографии, диссертационные исследования, многочисленные статьи, в которых новообразования рассматриваются в различных аспектах. До недавнего времени проблемы фразеологической неологии как самостоятельного объекта изучения практически не обсуждались. Процесс образования в языке новых фразеологизмов изучался в рамках лексической неологии. Подобный подход определялся экстралингвистическими причинами: трудностью фиксации новых фразеологизмов, основная сфера функционирования которых – разговорная речь, а не письменный текст; цензурой, требовавшей определенной чистоты языка, и др. Однако снятие текстовой цензуры и развитие новых жанров, построенных на «слегка приглаженной» разговорной речи, привели к тому, что количество новых фразеологизмов в письменных текстах

превысило некую критическую отметку и изучать их только в рамках лексической неологии стало невозможно. Так, по свидетельству Е.В. Ганапольской, только в детективах А. Марининой содержится более 2000 фразеологических единиц, не зафиксированных ведущими современными толковыми и фразеологическими словарями русского литературного языка [2, с. 183]. Ученые Е.Н. Ермакова, М.В. Ермолаева, В.М. Мокиенко и др. заявляют, что наступил момент отдельного, относительно самостоятельного изучения фразеологической неологии.

Цель статьи – фиксация современных фразеологических новообразований и дискурсивный анализ их функционирования. Эмпирической базой исследования преимущественно стали тексты СМИ.

Современный публицистический дискурс иллюстрирует изобилие лингвистического материала для исследования в области фразеологической неологии. Функционирование фразеологических неологизмов в условиях газетной коммуникации обусловлено стилистической ролью этих единиц и силой их прагмалингвистического воздействия. В результате анализа были зафиксированы различные способы фразеологизации, представленные в публикациях. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Традиция образования новых фразеологизмов преимущественно была связана с бытовой сферой, однако современные единицы гораздо активнее затрагивают сферы, тесно связанные с политической и экономической деятельностью человека. Одним из самых активных процессов фразеологизации можно назвать переход некоторых общеупотребительных устойчивых фраз и профессиональных клише во фразеологизмы. Эти новообразования отражают часто используемые реалии современного общества: *потребительская корзина, пакет предложений, встреча без галстуков, агент влияния, перезагрузка отношений, группа поддержки, все включено,*

попасть под раздачу, желтая (красная) карточка, оприходовать что-либо, высшая математика и др. Утрачивая свое первоначальное функциональное назначение, они, метафоризируясь, употребляются в текстах СМИ как полноценные фразеологизмы, например, *получить прописку* – «войти в обиход, стать обычным явлением, получать право на существование, размещение на какой-либо территории»: «*Дальневосточные аисты получили официальную прописку в Хабаровске*» (Вести-Хабаровск. Возвращение домой, 31.10.12); *подушка безопасности* – «система действий, выполняемых для создания безопасности в опасных условиях»: «*Была сформирована общепанковская подушка безопасности на случай невыплат по кредитам*» (Аргументы недели, 2010).

Не менее активно фразеологизмы возникают на базе готового выражения по причинам их экспрессивной окрашенности. Толчком для формирования фразеологического неологизма является трансформация структуры устойчивого выражения, с помощью чего создается эффект оригинальности его звучания и, следовательно, привлечения внимания читателя. По свидетельству М.В. Ермолаевой, «многие новые устойчивые сочетания возникают в результате преобразования компонентного состава ранее известных фразеологических единиц благодаря стремлению обновить их лексико-грамматическую структуру» [4, с. 29]: *питать иллюзии* (сравним: *питать слабость*), *держат лицо* (*держат удар*), *уронить корону жены* (*уронить корону*), *утонуть в сентиментальности* (*утонуть в слезах*) и др. Например, известное выражение *у разбитого корыта* можно увидеть в заглавиях интернет-публикаций: «*Размышление у разбитого мерседеса*» (Стихи.ру, 30.06.11), «*Осталась у разбитого мерседеса*» (ВЛуки.ру, 14.05.16).

В процессе образования новых фразеологизмов важную роль играет обновление семантики устойчивых выражений.

Проанализируем этот процесс на примере выражения *вышивать крестиком*. Фразеологизм употребляют в шутивно-ироничном тоне применительно к человеку, когда говорят о его индивидуальных умениях, увлечениях, скрупулезности в работе: «*А он еще и крестиком вышивает! Домовитый парень, хозяйственный!*» (Lifejournal, 30.04.13). Фразеологизм *погнали наши городских* несколько десятилетий назад использовали, рассказывая о ситуациях молодёжных драк, чаще всего происходящих в колхозах, куда привозили студентов для оказания помощи в уборке урожая. В дальнейшем произошло перерождение семантики, основанное на абстрагировании от значения «деревенские» – «городские» к значению «свои» – «чужие». Современное фразеологическое значение, которое фиксируем в публицистическом дискурсе, – «о перевесе в силе, наступлении или победе одной из сторон (поединка, конфликта и т.д.)»; «о начале каких-либо решительных действий» [1]. В теле- и радиопередачах используют это выражение как комментарий для различных политических, спортивных событий или в качестве заголовка: «*Погнали наши городских, или Откуда ноги у „нового реализма“*» («Литературная газета», 2010, №58).

Особое место в публицистике занимают общеизвестные фразеологизированные крылатые выражения. Специфику семантики крылатых выражений ученые определяют по-разному: в способности выражения точно или «метко» передавать сущность чего-либо (М.И. Михельсон, С.Г. Займовский); в образных ассоциациях, которые вызывают в сознании крылатые выражения (Н.С. и М.Х. Ашукины); в «генетической памяти» об источнике, которая обеспечивает выражению «закадровую» глубину (С.Г. Шулежкова) и др. Е.И. Зыкова пришла к выводу, что крылатое выражение – это единица языка, которая обладает всеми дифференциальными признаками, свойственными любой устойчивой раздельнооформленной языковой единице,

но отличается от других наличием специфического дополнительного значения, восходящего к источнику выражения или его автору [5, с. 6]. Утрата связи с первоисточником, трансформации на семантическом или формальном уровне свидетельствуют о появлении новой фразеологической единицы. Приведем примеры крылатых выражений из кинофильмов, которые вошли в современный публицистический дискурс и обнаруживают тенденции к фразеологизации: *за державу обидно* («Белое солнце пустыни», 1970), *эх, коротка кольчужка* («Александр Невский», 1938), *ветер перемен* («Мери Поппинс, до свиданья», 1983), *тебя посодют, а ты не воруй* («Берегись автомобиля», 1966), *птичку жалко* («Кавказская пленница», 1966), *руссо туристо облик морале* («Бриллиантовая рука», 1968) и др.

На страницах журналов распространены различные сравнительные обороты, которые представляют собой смысловое объединение лексемы с относящимся к ней компаративом: *хитрый как сто китайцев, тихо как в библиотеке ночью, как в лучших домах (Лондона, Парижа) и др.* Нередко употребляют перифразы: *акула пера, рука Москвы, чёрное золото, второй хлеб* (картофель), *вечер жизни* (старость), *вечный город* (Рим) и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что пути появления новой фразеологической единицы различны, а фразеологические неологизмы – явление многоаспектное. Особенно активно используют эти единицы в публицистике, поскольку они обладают яркой эмоционально-экспрессивной окраской и привносят в текст оригинальность.

Таким образом, изучение фразеологических новообразований позволяет сделать вывод о том, что публицистический дискурс является своего рода экспериментальной зоной для журналистов. Снятие жесткой цензуры, регулирующей норму литературного языка, позволило авторам текстов СМИ проявлять индивидуальный

подход к созданию и использованию неологизмов. Этот процесс протекает под влиянием нелитературных пластов, за счет фразеологии жаргона, просторечия, которая интенсивно просачиваются в язык прессы, и становится привычным средством публичного общения. Современная динамика появления фразеологических неологизмов остается довольно высокой, поэтому представляется актуальным дальнейшее изучение фразеологических новообразований в публицистическом дискурсе.

Литература

1. Белко В.К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии / В.К. Белко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/izbrannoe/b/251949/read>. (Дата обращения 01.02.2021).

2. Ганапольская Е.В. Неология во фразеологии / Е.В. Ганапольская // Научно-технические ведомости СПбГПУ: Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – №2. – С. 183–189.

3. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Добрыднева. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2000. – 453 с.

4. Ермолаева М.В. Фразеологические новообразования, реализующие коммуникативные установки современных носителей русского языка / М.В. Ермолаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 3. – №3. – С. 27–30.

5. Зыкова Е.И. Крылатые выражения в произведениях В. Войновича: автореф дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Е.И. Зыкова. – СПб : Санкт-Петербургский государственный университет, 1997. – 18 с.

6. Мокиенко В.М. Фразеологическая неология 90-х гг : новое и старое / В.М. Мокиенко // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв. ред.

Т.Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 134–139.

УДК 811
**СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ
АНТРОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ ТЕКСТЕ
ФЭНТЕЗИ**

Кривошапова Н.В.,

к. филол. н., доцент, доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации филологического факультета
Приднестровского государственного университета им.
Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о функционале и этимологии поэтонимов в современном фэнтезийном тексте. В качестве материала для исследования мы выбрали произведения известного в литературном сообществе трио: А. Пехов, Е.Бычкова и Н.Турчанинова, их цикл «Заклинатели».

Ключевые слова: фэнтези, художественный антропоним, оним, линейный сюжет, текст.

Abstract. The article discusses the functional and etymology of poetonyms in the modern fantasy text. As a material for research, we chose the works of a well-known trio in the literary community: A. Pekhov, E. Bychkova and N. Turchaninova, their cycle «Spellcasters».

Keywords: fantasy, artistic anthroponym, onym, linear plot, text.

Постановка проблемы

Люди все время пытались повысить уровень своих знаний. В древние времена все знания и идеи передавались из уст в уста. Затем древние жители начали оставлять рисунки на скалах, вести хроники, писать книги. Постепенно читатели стали использовать книги не только как источник полезной информации, но и как способ выражения своих мыслей, фантазий, необычных идей и планов на будущее.

Сейчас книги (бумажные или электронные) представлены на любой вкус в огромном количестве жанров: детективы, любовные романы, старая добрая классика, энциклопедии и образовательные ресурсы, фантастика. Хотелось бы немного порассуждать и подробно остановиться на таком неоднозначно воспринимаемом жанре, как фэнтези.

Анализ последних исследований и публикаций

Многие исследователи отмечают, что жанр фэнтези либо путают с фантастикой или не считают литературой.

Фэнтези — это жанр литературы, специфический текст, который пахнет магией, где мы можем встретить необычных существ, говорящих животных и героических личностей.

Фэнтезийный текст многогранен, насчитывает несколько жанров: героический, эпический, детективный, городской, иронический, исторический; славянский, скандинавский восточный, западноевропейский.

Онимами в жанре фэнтези и в целом в художественном тексте успешно занимаются исследователи в Российской Федерации, в Донецкой народной республике (Королёва И.А., Родионова Л.П., Елистратова К.А.), каждый выбирает разноплановые фэнтезийные тексты современных авторов [1; 2; 4].

Имя собственное в литературе занимает особое место в системе художественно-изобразительных средств, служащих для выражения авторского замысла. Любой поэтоним (литературный или художественный оним) в тексте фэнтези находится в неразрывной связи с другими составными элементами произведения. Именно поэтому собственное имя в литературе, его форма и смысл, ситуации употребления не бывают случайными.

Поэтическая ономастика — одно из активно развивающихся сегодня направлений в исследовании имен. Изучение онимов, безусловно, значимо и актуально при анализе любого художественного произведения, о чём свидетельствуют многочисленные работы, касающиеся

исследований семантики имён, структурной организации ономастического пространства, которая представлена в любом художественном тексте, стилистических функций онимов, их ассоциативных связей, соотнесённых с реализацией конкретного образа, авторской позиции, замысла произведения.

Для поэтической ономастики потребовалось расширение смыслового содержания термина поэтоним. В «Словаре ономастической терминологии» дается следующее его толкование: «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения кроме номинативной характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имён, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [2].

Цель статьи: обратить внимание не только на сущность жанра, но и на язык текста, в частности, мы анализируем антропонимы в романах фэнтези. В качестве текстового материала мы выбрали произведения известного в литературном сообществе трио: А. Пехов, Е.Бычкова и Н.Турчанинова. Это героическое фэнтези, приключенческое по жанру с использованием китайской и японской мифологии. Время и место действия не определено, но очевидно, что сюжетное пространство находится в другом мире, отличном от нашего.

Сюжетные ходы определяются через путешествие к особой цели, становление, взросление героя. Тип сюжета: линейный. Цикл рассчитан на любой возраст эрудированного подготовленного читателя.

В этих произведениях изобретены не только миры, страны и города. Мы находим тут множество уникальных имен: это имена людей, фамилии, роды, кланы, названия различных волшебных, фантастических, сказочных существ. Авторы не ограничиваются определенными рамками, что

позволяет придумывать оригинальные сюжеты, использовать интересный стиль, который будет понятен читателю.

Изложение основного материала исследования

При видовой конкретизации имён собственных в художественных текстах оправдано использование терминов поэтический антропоним, поэтический топоним, поэтический зооним.

Отличительной чертой текстов фэнтези является наличие уникальных слов, определений, придуманных писателем. Такая практика позволяет особо подчеркнуть сюжет, выразить эмоциональное состояние героев, более полно описать событие.

Например: Дж. Толкин, прежде чем использовал какое-либо слово, проверял его этимологию, а если оказалось, что слово появилось в языке недавно, менял его на синоним или полностью переделывал фразу, чтобы не вызывать в тексте ненужных ассоциаций. Особенно строго он подбирал слова в речи героев, и если с хоббитами еще можно было позволить себе свободу, то с волшебниками, эльфами писатель был необычайно строг. Эта чистота фэнтезийного языка и созданная с его помощью реалистическая архаика являются главной причиной успеха его книг.

Одним из типов существительных, называющих человека, литературный антропоним (поэтоним) – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любого лица, вымышленного или реального, в художественном тексте.

По нашим наблюдениям, «в большинстве художественных текстах ряд антропонимов создаётся при помощи фантазии автора, с определённой художественной целью, они строятся с учётом тех же мотивировочных особенностей, что и прозвища.

За литературными антропонимами (антропонимы в художественном тексте) закрепляется информация об

определённой эпохе, литературном направлении, а также об индивидуальном авторском стиле. Данные свойства в некоторой степени сближают мотивационную направленность литературных антропонимов и прозвищ» [3, с. 90–91].

Таким образом, так же, как и в случае с прозвищами, мотивацию литературных антропонимов можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Кроме того, выделяются характеристические и не характеристические наименования, противопоставляемые по признаку способности характеризовать объект номинации.

Но перейдем к нашим русскоязычным писателям в жанре фэнтези, а именно к литературному трио: Алексею Пехову, Елене Бычковой и Наталье Турчаниновой. В их соавторстве вышел цикл «Заклинатели», состоящий из нескольких книг [5].

На первый взгляд, различные признаки, антропонимика и топонимика, описания пейзажей - все это, можно сказать, в текстах чисто японское, но не совсем так. Вдохновленные визитом в Японию, авторы допускают в тексте цикла стилизацию под японскую ономастику.

Для начала сюжет цикла-аттестат в ордене заклинателей духов оказался совсем не таким, каким представлялся молодым ученикам мастера Хейона. Требуется пройти последнее испытание в самый страшный день года, праздник призраков - единственный день, когда призраки, как злые, так и не очень свободно ходят по земле. И горе тому несчастному, который выйдет в такой день из дома на улицу и попадет им в лапы.

Испытание пришлось пройти только самому талантливому, ловкому и удачливому из юных волшебников. Однако он не хотел бросать друзей, и теперь три неудачливых заклинателя бросаются на поиски пропавшего наставника, надеясь добраться до нужного места в ордене и

получить золотую печать заклинателя или, по крайней мере, призвать коварного учителя к ответу.

Рэй – Заклинатель, ученик магистра Хейона. Один из главных героев книги.

Сагюнаро – Заклинатель, ученик магистра Хейона. Один из главных героев книги.

Гризли – Заклинатель, ученик магистра Хейона. Один из главных героев книги.

Ярудо – Злобный дух ребенка, прирученный Рэем.

Казуми – Заклинатель, ученик магистра Хейона.

Канринин – Заклинатель, ученик магистра Хейона.

Нара – Заклинатель, ученица магистра Хейона.

Рекар – Заклинатель, ученик магистра Хейона.

Отказался принимать участие в последнем испытании.

Собуро – Мастер-заклинатель из ордена Варры.

Тора – Артистка из цирка, спасенная Рэем из лап Черного кодзу.

Хейон – Магистр, учитель главных героев.

Далее в текстах цикла присутствуют различные второстепенные и эпизодические имена:

Сорано, Има, Юри, Хоттаку, Господин Акава, Господин Хитару, Акеми, Госпожа Орино, Минако, Господин Макото, Господин Кейтара, Имари, Юрана, господин Акено Нагатеру, Юи, Хитару, Саюа – мать Сагюнаро, Госпожа Риена, Бусето Окава, Господин Хейкин, Господин Суико, Отсуи, Танигава, Икиру, Иасу Тогава, Одоро Имиро, Мастер Кодай.

Как видим, все названия напоминают Японию. Мы не знаем, как они произносятся, скорее всего, так, как при чтении напрашивается ударение, интонация.

В случае русского фэнтезийного текста все эти имена заимствованы или образованы из японских производных, где может присутствовать перестановка букв, т.е. анаграмма имен или именованний.

В этом цикле романов Пехова, Бычковой и Турчаниновой использовалось достаточное количество персонажей с уникальными именами. И соответственно существительное, употребляемое в названии или характеристике человека в этих романах чаще всего встречается в форме собственного имени, то есть антропонима, шире поэтонима.

В исследованиях, посвященных художественной речи, постоянно замечаются огромные выразительные возможности и конструктивная роль имен собственных в тексте. Антропонимы и топонимы участвуют в создании образов героев литературного произведения, развертывании его основных тем и мотивов, формировании художественного времени и пространства, передавая информацию не только через предметные и подтекстовые аллюзии, но способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания текста, часто показывая его имплицитность.

Выводы

Наши наблюдения представляем в виде предварительных выводов:

1. Если фэнтези – особый жанр литературы, где в основном преобладают вымышленные герои и вымышленный мир, окружающий этих героев, то имена собственные в нем либо мифонимы, либо теонимы, либо на первый взгляд реальные имена реальных персонажей, а по сюжету существующие в ирреальном мире пространстве.

2. Учитывая богатую разностороннюю эрудицию авторов фэнтезийного текста, из имени собственного создаются мифологемы и культуροгемы (лингвокультуре́мы) – трансформированные сюжеты русской, скандинавской, западноевропейской культуры, элементы восточных культур. В таком случае оним является центром создания культурных констант, вокруг которых складывается семантическое окружение. Все имена из разных культур

фэнтези реализуются через перевоплощение констант(ы) на основе какого-то общего с традиционным образом признака.

3. Имена собственные в фэнтези — это поэтонимы, непосредственно задействованные как средство создания характеристики персонажей. Поэтонимы вымышлены или составлены по моделям реальных имен с элементами языковой игры, что делает эти имена необычными и яркими.

4. Чтобы воспринимать имена собственные в системе текста фэнтези, надо иметь глубокую эрудицию, поэтому имена в цикле «Заклинатели» часто выполняют информационно-стилистическую функцию, при этом у читателя должна быть специальная подготовка в других областях знания, чтобы познать глубину литературных онимов и правильно их истолковать.

Литература

1. Елистратова К.А. Ономастикон поэтического дискурса В. Полозковой: семантика, структура, функционирование / К.А. Елистратова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 33–38.

2. Королёва И.А., Родионова Л.П. Специфика имён собственных в художественном тексте (на материале романов А.О. Белянина) // МНКО. 2017. №1 (62). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-imyon-sobstvennyh-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romanov-a-o-belyanina> (дата обращения 01.04.2021).

3. Кривошапова Н.В. Литературные антропонимы в прозе Захара Прилепина / Н.В. Кривошапова // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 90-91.

4. Родионова Л.П. Прецедентные и аллюзивные антропонимы в ранних романах А.О. Белянина / Л.П. Родионова // Ономастика в Смоленске и Витебске:

проблемы и перспективы исследования. – 2018. – № 6. – С. 85-90.

5. Серия «Заклинатели». – Режим доступа: <https://www.litres.ru/serii-knig/zaklinатели/> (дата обращения 01.02.2021).

УДК 81.119

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКУРСА ФЕМИННОГО ПИСЬМА

Миргородская А.Ю.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий;

Жданова М.О.,

ассистент кафедры русского

языкознания и коммуникативных технологий

г. Луганск

***Аннотация.** В статье кратко освещена динамика исследования женской литературы. В выводах сказано о том, что анализировать современные тексты женской литературы следует в рамках не феминистического дискурса, а феминного, понимаемого как текст, имеющий полидискурсивную природу.*

***Ключевые слова:** женская литература, феминность, феминизм, феминистская критика, гинеокритика, гендерология, гендерлект.*

***Abstract.** The article briefly highlights the dynamics of the study of women's literature. The conclusions state that modern texts of women's literature should be analyzed within the framework of a feminine discourse, rather than a feminist one, which is understood as a text that has a polydiscursive nature.*

***Keywords:** women's literature, femininity, feminism, feminist criticism, gynocritics, genderology, genderlect.*

Конец XX – начало XXI века ознаменовался небывалым расцветом женской литературы. В 70-80-е годы прошлого века творили Г. Щербакова, В. Токарева и др. Камерные сюжеты их произведений, изображали бытовую сторону

жизни, отношения в семье и на работе, любовь и взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Творчество женщин не запрещали, но их мало печатали и не воспринимали серьёзно. Сдвиги в женской литературе стали происходить в 90-е годы, ее начали признавать и активно исследовать. Сразу же вокруг этого феномена сформировалась литературно-критическая полемика. Многочисленные труды ученых доказали способность женщин наравне с мужчинами создавать духовный продукт высокого эстетического качества. Пик диссертационных исследований, посвященных женской литературе, приходится на 2000 – 2010 гг.: Т.А. Ровенская, Е.В. Широкова, Н.В. Воробьева, Е.Г. Кошкарлова, Г.А. Пушкарь, О.В. Пензина и др. [6; 9; 1; 3; 4; 5].

Несмотря на то, что очень многие именитые литераторы современности носят женские имена, наблюдается спад интереса исследователей к женскому творчеству. По нашему мнению, это связано со сложностью научного определения и выявления феномена женского письма. Семантика дефиниций часто отлична в концепциях различных исследователей, где центральным вопросом во время текстового анализа определенного произведения выступает проблема соотношения, взаимодействия и взаимозависимости формы и содержания художественного текста и пола автора.

Подчеркивая феминистический аспект при научном анализе произведений авторов-женщин, исследователи представляют несколько одностороннюю, отчасти навязанную внешними процессами, интерпретацию художественных образцов. Вероятно, это предопределяет путаницу в семантике главенствующих понятий – феминизм и феминность.

Понятие феминность обозначает женское в целом. Феминизм – общественно-политическое, интеллектуальное и культурное движение, направленное на достижение равных прав полов; идеология, постулатами которой предстают

изменения во всех областях жизни [8]. Впитав идеи феминизма, появилась феминистская критика, которая изучает женщину-читателя и гинокритика (от гр. *gyno* – женщина; термин введен Элейн Шовалтер), которая рассматривает «женщину-как-знак» в историко-общественном контексте [7]. Эти дисциплины охватывают три фигуры: женщина-автор, женщина-читатель, женщина-критик, а также особое явление женского авторства, рецепции, языка, текста, письма, где главенствующую роль играет пол. Особенности женского авторства, интерпретации становятся основой формирования концепций феминного языка, письма, текста, где объединены биологический, культурный, лингвистический и психоаналитический аспекты исследования. Реконструкция женского языка предполагает создание феминных нарративов с приоритетом женской логики, равновесия, музыкальности, множественности языковых значений и наименований. Необходимость тщательного изучения проблемы феминного языка детерминировала появление новой научной дисциплины – гендерологии, что исследует специфику гендерлекта (лингвистические особенности, которые формируют разновидности языка и речи в соответствии с психофизическими признаками полов).

То есть впервые женское письмо было исследовано именно с точки зрения радикального течения феминизма (представителями которого являются Э. Сиксу, К. Миллет, Р. Брайдотти, Л. Иригарей, Ю. Кристева и др.), появившегося в начале 70-х годов XX века, которое базировалось на следующих постулатах: женщины есть первая угнетаемая группа; подавление женщин является самой распространенной и самой глубокой формой угнетения и существует практически в каждом обществе; подавление женщин представляет собой концептуальную модель для понимания других форм подавления.

Используя методологию феминизма, вместо анализа художественного текста, исследователи накладывают на произведение определенную матрицу, подчеркивают пол автора, придавая определяющую роль внепространственным факторам. Признавая произведение феминистическим, идеологически ангажированным, исследователь лишает его адекватной, собственно литературной рецепции. В отличие от феминистского отражения человека и мира, феминная рецепция и интерпретация лишает литературу искусственной стереотипности, наоборот, приоритетным является индивидуальное восприятие, что делает невозможным догматизм и идеологическую ангажированность в произведении. Ведь определяющая роль принадлежит субъективной жизненной позиции, которая предопределяет определенные особенности мировоззрения писательницы, уникальность содержательной и формообразующей организации художественных текстов.

Что касается русской научной традиции, то выделение пола как специального предмета обсуждения ей менее свойственно, чем западной. В русском языке отсутствуют резкие границы между мужской и женской речью, а отличия связаны с особенностями психического склада, характера, профессии, роли в социуме. Так, некоторые авторы-женщины (Н. Садур, Л. Петрушевская и др.) не считают себя представителями женской прозы, вероятно, это связано со стереотипным трактованием женской литературы как псевдоискусства сугубо для женщин и о женщинах. Совершенное художественное произведение содержит феминные и маскулинные составляющие, в начале XX века Л. Украинка и В. Вулф отметили андрогинность как признак настоящего художника. Андрогинность является определяющей чертой большинства литературных произведений. Феминное прозописьмо также использует маскулинные особенности: писательницы воспроизводят в художественном тексте фрагментарность, страстность,

особый внутренний ритм, синтез сознательного и бессознательного, телесности, интуитивности, соблюдая последовательность композиционных элементов. Признаком феминной литературы является репрезентация женского мироощущения, когда личностное, индивидуальное и изменчивое доминирует над коллективным, унифицированным, константным и каноническим. Художественный текст не выражает коллективное рассуждение, а выступает проявлением личности, что является доминантой феминного письма от его первоисточников и до сих пор. Определяя феминную литературу как ту, что создана женщинами, стоит подчеркнуть ее особенность: в творчестве писательница реализует собственную сущность, освещает женское представление, которое не противостоит мужскому мировосприятию, а дополняет его. Подлинное, а не мнимое равенство полов состоит в одинаковой важности разных физических и психологических качеств женщин и мужчин, и соответствующих им разных функций в обществе [2].

Художественные тексты авторов-женщин являются проявлением самоидентификации человека. Поэтому, анализировать современные тексты женской литературы следует в рамках не феминистического дискурса, а феминного, понимаемого как текст, имеющий полидискурсивную природу.

Литература

1. Воробьева Н.В. Женская проза 1980-2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика / Н.В. Воробьева // Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Пермь, 2006. – 19 с.

2. Даренский В.Ю. Гендерный коллапс как стратегия разрушения социума формы культуры и противоречия современного общества / В.Ю. Даренский // Материалы международной научной конференции. – Выпуск 5. – Сер. Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса. –

Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2019. – С. 149–158.

3. Кошкарлова Е.Г. Идеино-художественный диапазон «женской темы» в прозе современных русских писательниц и оценках литературной критики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Е.Г. Кошкарлова – Псков, 2006. – 24 с.

4. Пензина О.В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О.В. Пензина. – М., 2009. – 18 с.

5. Пушкарь Г.А. Типология и поэтика женской прозы: тендерный аспект (на материале рассказов Т.Толстой, Л.Петрушевской, Л.Улицкой): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г.А. Пушкарь – Ставрополь, 2007. – 21 с.

6. Ровенская Т.А. Женская проза конца 1980-х начала 1990-х годов (Проблематика, ментальность, идентификация): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т.А. Ровенская. – М., 2001. – 28 с.

7. Словарь гендерных терминов / сост. З.В. Шевченко. – Черкассы: издатель Чабаненко Ю., 2016. – Режим доступа: <http://a-z-gender.net/ginokritika.html> (дата обращения 01.03.2021).

8. Тартаковская И.Н. Феминизм / И.Н. Тартаковская // Большая российская энциклопедия. – Том 33. – М.: Наука, 2017. – С. 250–251.

9. Широкова Е.В. Художественные эксперименты в русской женской прозе конца XX века: Поэтика языка и времени: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / Е.В. Широкова – Ижевск, 2005. – 24 с.

УДК 9424.167.4_1634

**РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ЧАСТЬ ИМИДЖА
ВЕДУЩЕГО В.И.СОЛОВЬЕВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ТОК-ШОУ «ВЕЧЕР С
ВЛАДИМИРОМ СОЛОВЬЕВЫМ»**

Мельничук А.И.,

ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий,

г. Луганск

***Аннотация:** Цель исследования – изучение и анализ речевой агрессии в имидже ведущего в политическом дискурсе ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым». Методологической основой является междисциплинарный подход к анализу материала, предполагающий рассмотрение языковых фактов с точки зрения теории дискурса, теории языковой толерантности и теории журналистики. Анализ выпуска ток-шоу демонстрирует интолерантное коммуникативное поведение.*

***Ключевые слова:** речевая агрессия, политический дискурс, Владимир Соловьев, имидж, интолерантность.*

***Abstract.** The purpose of the research is to study and analyze speech aggression in the image of the host of the talk show «Evening with Vladimir Soloviev» in political discourse. Methodological help is a presupposing interdisciplinary approach to the analysis of material, involving the consideration of linguistic facts from the point of view of discourse theory, the theory of linguistic tolerance and the theory of journalism. Analysis of the talk show release demonstrates intolerant communicative behavior.*

***Keywords:** speech aggression, political discourse, Vladimir Soloviev, image, intolerance.*

Речевая агрессия – это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Можно говорить о двух вариантах проявления случаев речевой агрессии в текстах медиа. Во-первых, автор прямо призывает адресата к агрессивным действиям. Во-вторых, автор с помощью различных коммуникативных стратегий вызывает или поддерживает агрессивное состояние адресата [1, с. 45]. Имидж имеет значение для любой публичной

персоны, так как авторитетность личности, сила убеждения и влияния на адресата напрямую зависят не только от индивидуальных качеств человека, но и от его публичного образа. Имидж телеведущего политического ток-шоу формируется под влиянием и формата телепередачи, освещающей социально значимые события, и статуса участников – известных представителей политики и культуры. Основой имиджа является психологическая составляющая, на которой «покоятся три другие элемента: во-первых, внешность, во-вторых, поведение, включающее мимику, жесты, различные двигательные привычки и реакции, в-третьих, речь» [2].

В процессе публичных дискуссий Соловьев открыто предьявляет себя как личность, уверенную в своих силах, способную на противостояние любому мнению, если оно противоречит его принципиальным жизненным установкам: «Меня можно уволить, но диктовать мне нельзя» [2]. В телевизионных ток-шоу Соловьев занимает ролевую позицию «хозяин». Трансляция начинается с того, что он, находясь в центре студии, представляет присутствующих. По ходу передачи журналист редко обращается к гостям по имени и отчеству – он, как дирижер, с помощью жестов управляет ансамблем участников. Передача слова осуществляется посредством регулятивных жестов (указание рукой) и мимики (сосредоточение взгляда на собеседнике). Ведущий использует также изобразительные жесты (например, когда необходимо прервать говорящего, указательный палец подносится к губам), но в его арсенале практически отсутствуют иллюстративные жесты. В момент обострения дискуссии Соловьев потирает руки, что, вероятно, может означать предвкушение удовольствия от остроты беседы [2].

Соболева И.А. различает инструментальную и враждебную языковую агрессию. Инструментальная языковая агрессия является важным средством достижения какой-либо дискурсивной цели. Это имплицитная по форме выражения

агрессия, она реализует скрытые негативные интенции адресанта, имеющие общую установку – стремление завуалировать негативное отношение к объекту агрессии, представить это отношение в «дозированном», предусмотренном лингвокультурными и медийными нормами виде. Такого рода агрессия изначально свойственна публицистическому дискурсу, по сути – это тексты экспрессивного типа, в которых основную роль играют выразительные средства языка. Степень агрессивности таких дискурсов определяется исходной авторской интенцией, композицией, языковыми средствами и т. д. Враждебная языковая агрессия – это эксплицитная агрессия с ярко выраженной интенцией нанести вред, обидеть, унижить и даже оскорбить объект высказывания. Такая языковая агрессия «опирается» на эмоционально-экспрессивный фонд языка и выражается с помощью стилистически маркированных языковых единиц (просторечий, жаргонов, обсценной лексики). Механизмы враждебной агрессии наиболее частотно реализуются в бытовых диалогах конфликтного характера (в общественном транспорте, на рынке и т. д.) и характеризуют их участников как людей низкой речевой культуры. Примечателен тот факт, что механизмы враждебной (бытовой, примитивной) языковой агрессии активно эксплицируются в современном политическом медиадискурсе [4].

Шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» – это самая острая и злободневная телепрограмма, которая отражает политический медиадискурс в России. В каждом выпуске сталкиваются во мнениях две антагонистично настроенные стороны, обсуждаются самые волнующие политические вопросы. Модератором выступает популярный российский публицист, журналист и телеведущий Владимир Соловьев. «Вечер с Владимиром Соловьевым» представляет собой формат социально-политического ток-шоу, которое транслируется на телеканале Россия-1 и других. Один выпуск

телепроекта длится от 120 до 140 минут. В свое время программа приобретала формат предвыборных дебатов, когда в стране происходили выборы президента. Передача трансформировалась в новых интерпретациях. В программе сталкиваются мнениями и дискутируют пары известных людей. Предметом обсуждения является какая-либо злободневная тема.

Владимир Соловьев дал ответ, способны ли дебаты изменить политические пристрастия аудитории: «Да, причем кардинально. Фактически, это и есть основной инструмент политической борьбы на сегодняшний момент, потому что как бы широко ни был распространен интернет, телевизор не стали смотреть меньше» [5]. Также ведущий содержательно объяснил, что именно по его мнению привлекает зрительскую аудиторию: «Антипатии вызывает непопадание в ожидания зрителей. На одной из моих передач Никита Михалков два раза подряд проиграл Виктору Ерофееву. При этом происходило ровно то, о чем вы говорите: когда говорил Никита, голосовали за Виктора, когда говорил Виктор, голосовали за Никиту. Никита говорил больше, поэтому проиграл. Михалков проиграл, когда начал пытаться говорить о третьем сроке Путина. Если бы он вышел и сказал: «Путин нравится страшно. Чувствую – мое. Я всецело за третий срок», – не было бы вопросов, он бы выиграл. Но он начал как-то невнятно объяснять. Когда народ не понимает четкой позиции, видит, что человек юлит, он испытывает антипатию» – дискутировал ведущий [5].

Ярким примером интолерантного отношения может служить словесный «поединок», который затем перешел в физический, на одноименном ток-шоу между украинскими экспертами – Александром Семченко и Василем Вакаровым, эфир от 29 ноября 2019 года. Во время съемок программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале «Россия 1» произошла драка между украинскими экспертами –

Александром Семченко и Василем Вакаровым. Видео конфликта опубликовал в Twitter сам ведущий.

Еще в эфире Соловьев поспорил с Вакаровым о ситуации в Донбассе.

– *«Без Украины эти люди «никто», понятно?»* – заявил Вакаров Соловьеву, на что ведущий посоветовал эксперту *«зайти в Луганск и попробовать взять свое»*. Здесь в дебатах мы видим выражение состояния адресата, свидетельствующего о его отношении к определенному событию, поступку, ставшему причиной этого состояния [3, с. 53]. В перерыве на рекламу к нему подошел Семченко и схватил Вакарова за галстук. Это заметил Соловьев и вмешался в ситуацию.

«Тык, тык, тык, руку убери. Вы, что, с ума сошли?» – сказал он украинскому эксперту. Однако в итоге Семченко и Вакаров начали драку, их разняли ведущий и охранники, находившиеся в студии.

«Прекрати немедленно! Стой спокойно. Ты можешь говорить все что угодно, никогда нельзя трогать руками», – сказал Соловьев, обращаясь к Семченко, напомнив участникам съемок, что они находятся у него в гостях.

Уже в эфире ведущий сообщил об инциденте зрителям. «У нас во время рекламной паузы случилось недопонимание. Приношу свои извинения обоим участникам. Если что-то происходит – это моя вина. Не уследил, не смог погасить эмоции», – сказал Соловьев. [6]

Ежедневно мы сталкиваемся в современных медиа с языковой агрессией, представляющей собой отрицательную эмоциональную оценку объекта высказывания. Для таких дискурсов характерны категоричность суждений, однозначность оценок, использование сниженных языковых средств. Связь толерантности и речи нерушима. Интолерантность проявляется в монологической и диалогической речи как речевая агрессия, которая вызывает, поддерживает или же побуждает людей к нетерпимости.

Чаще всего речевая агрессия реализуется в СМИ, нарушая речевую толерантность. Речевая толерантность является одной из базовых, на наш взгляд, демонстрации нравственной личности. Следовательно, интеракции между речью и поведением неразрывно связаны между собой, и это было проиллюстрировано примерами выше.

Литература

1. Ларина Е.В. Интолерантность как категория политического дискурса / Е.В.Ларина // Научный вестник ПГПУ имени К.Д. Ушинского. Лингвистические науки. – Одесса: Астропринт, 2010. – № 10. – С. 45

2. Михайлова О.А., Харитонов Ю.С. Имидж телеведущего политического ток-шоу: к проблеме гендерных особенностей / ОА. Михайлова, Ю.С. Харитонов // Научный диалог. – 2017. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-televeduschego-politicheskogo-tok-shou-k-probleme-gendernyh-osobennostey> (дата обращения 01.02.2021).

3. Петрова Н.Е. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте / Н.Е. Петрова. – Русский язык в школе, 2006. – №1. – С. 53

4. Соболева И.А. Динамика вербальной агрессии и нарушение лингвоэкологического баланса в современном медиаполитическом дискурсе / И.А. Соболева. – Режим доступа: <http://boOk.net/index.php?bid=9093&chapter=1&p=chapter> (дата обращения 01.02.2021).

5. Соловьев В.В. Поединок. [Электронный ресурс] / В.В.Соловьев. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2012/02/07/soloviev/> (дата обращения 01.02.2021).

6. Соловьев В.В. Драка украинских экспертов. [Электронный ресурс] / В.В.Соловьев. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/10/29/draka/> (дата обращения 01.02.2021).

УДК 9424.167.4_1634

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Воротник К.В.

магистрантка 2 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»

Аннотация. В данной статье анализируются экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной публицистике. Для анализа выбраны два самых популярных издания города Луганска – газета «XXI век» и журнал «MY CITY».

Ключевые слова: экспрессия, современная газетная публицистика, вопросно-ответная форма, рубленный синтаксис, парцелляция, сегментация.

Abstract. This article analyzes the expressive syntactic constructions in modern newspaper journalism. For the analysis, we have selected two of the most popular printed publications of Lugansk – the newspaper «XXI century» and the magazine «MY CITY».

Keywords: expression, modern newspaper journalism, question-answer form, chopped syntax, parceling, segmentation.

Понятие «экспрессивного синтаксиса» появилось в 1960-х годах. В.В. Виноградов трактовал экспрессивное в синтаксисе как специальный прием письменной речи, сопровождаемый конструктивными изменениями. Э. Береговская утверждает: «Экспрессивные синтаксические конструкции противопоставляются конструкциям, находящимся в состоянии синтаксического покоя, и экспрессивность определяется как свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [2, с. 35].

Е.М. Галкина-Федорук в статье «Об экспрессивности и эмоциональности в языке» полагает, что стоит отличать экспрессивность и эмоциональность. По мнению

Е.М. Галкиной-Федорук, *«эмоциональное стоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое находит свои способы выражения в языке»* [3, с. 103].

Понятие экспрессивности шире понятия эмоциональности, т.к. *«экспрессивное может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное, и волевое в их проявлении»* [3, с. 104]. Экспрессия – это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного.

О.В. Александрова в учебном пособии *«Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка»* трактует экспрессивность как *«способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности»* [1, с. 105].

Исследование фигур экспрессивного синтаксиса в современной публицистике было произведено нами на материале одной из ведущих газет Луганской Народной Республики – «XXI век» и популярного молодежного глянцевого журнала «MY CITY».

Одной из особенностей современного публицистического стиля является то, что убеждение осуществляется путем эмоционального воздействия на читателя или слушателя. Функция воздействия является для публицистического стиля системообразующей, так как данная функция выделяет этот стиль среди других стилей литературного языка. Несмотря на то, что эта функция характерна также для официально-делового и разговорного стиля, она активно влияет на отбор языковых средств именно в публицистическом тексте.

Авторское «Я» вводится в текст посредством различных восклицательных и вопросительных предложений, риторических вопросов. Вопросно-ответная форма «оживляет» письменную речь журналиста. Вопросы,

заданные в тексте, заставляют читателя самостоятельно поразмышлять над затронутой проблемой.

В газете «XXI век» мы находим большое количество вопросительных предложений. Например, *«Вы хотите завести себе четвероногого хвостатого друга, но не можете определиться с породой?»* (Какая собака подходит по знаку зодиака, №043, 24.02.18, с. 5); *«А вы будете отмечать Старый Новый год?»* (Старый Новый год: традиции празднования, № 007, 12.01.18, с. 12); *«Помните, в самом начале мы говорили о том, что рыба из-за своей молекулярной структуры гарантировано прилипает к сковородке во время обжарки?»* (Чтобы к сковородке не прилипало, №043, 24.02.18, с. 6), *«Слышали, что разведение гусей – самое прибыльное дело? Но вот вам не хватает информации о том, чем, же их кормить и какой период от кормки? А также не знаете, когда их можно забивать? В этой статье вы найдете подробную информацию о том, когда можно резать гусей»* (Когда стоит приступить к забою гусей? №59, 2020, с.4).

В журнале «МУ СІТУ» вопросительные конструкции мы встречаем чаще всего в заголовках статей: *«Как правильно бегать, чтобы похудеть?»* (№17, 2019, с. 5); *«Почему девушки делают первый шаг? Мнения луганчан»* (№07, 2017, с. 39); *«День всех влюбленных. Где отмечать? Как праздновать?»* (№18, 2019, с. 23). Вопросительные конструкции встречаются также и в тексте статей: *«Какие проблемы помогут решить нам маски из граната? Разгладить морщины, убрать темные пятна под глазами, избавиться от веснушек, справиться с проблемной кожей. Прыщи и угревая сыпь больше не будут вас беспокоить»* (№ 22, 2020, с. 21).

Риторический вопрос по своей структуре является вопросительным предложением, но, подобно повествовательному предложению, он передает сообщение о чём-либо. Данное противоречие между формой

(повествовательная структура) и содержанием (значение сообщения) наделяет весь текст особой эмоциональной окраской. Повторяясь в публицистическом тексте, риторический вопрос позволяет автору создать впечатление непосредственного контакта с читателем. На страницах газеты «XXI век» мы видим риторические вопросы: «*Раньше американцев там держала нефть и газ, а теперь у них свои места добычи расконсервированы, и под них покупателей не хватает, зачем им еще и арабская нефть?*» (Что ждет мир в 2018-м: Россия может вернуться в Сирию, а Трамп – ударить по КНДР, №002, 05.01.2018, с. 6); «*Кто придет на место вчерашних хозяев жизни?*» (А. Манчук, Закат олигархата: Кто и что придет на смену украинскому национальному капиталу, №015, 22.01.18, с. 12); «*Что удалось реализовать в 2017 году?*» (М. Никитина. ГТК ЛНР: 3 года на страже экономических интересов государства, № 007, 12.01.18, с. 5); «*Принципиальная позиция разработчиков документа заключается в умышленном исключении из него понятия религиозных групп. Что это значит?*» (А. Мальцев, Проповедников с «пластмассовыми» улыбками на наших улицах больше не будет, №033, 12.02.18, с. 4) «*Кто имеет право на перерасчет пенсии в Республике, по каким правилам и в какие сроки его проведут?*» (М. Никитина, Памятка работающему пенсионеру: все, что нужно знать о перерасчете пенсии, №048, 02.03.18, с. 8). Риторические вопросы находим и в журнале «МУ СІТУ»: «*Что будет модно?*» (Осень - зима 2016-2017, №03, 2016, с. 26); «*Как быть вечно молодым?*» (Гид по процедурам, №22, 2020, с. 45). «*А вы гордитесь сервисом в своем ресторане?*» (Ресторанный бизнес Луганска, №04, 2016, с. 58).

В современной публицистике активно используются средства рубленого синтаксиса, такие как *парцелляция и сегментация*.

С точки зрения синтаксической структуры *парцелляция* – расчлененное предложение, которое представлено основной

частью и «парцеллятом», отделяющимся точкой. У Д. Розенталя парцелляция понимается как «членение предложений, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы (после точки, вопросительного или восклицательного знака)» [4, с. 41].

Одной из основных функций парцелляции является эмоционально-выделительная, то есть парцелляция позволяет создать новый коммуникативно-значимый центр предложения. К тому же парцеллят является одним из синтаксических средств создания эффекта неожиданности.

Частотность парцеллированных конструкций в современной публицистике объясняется тем, что средства массовой информации повлияли на сознание современного человека и стали одной из причин того, что оно приобрело такую черту, как клиповость (фрагментарность). В связи с этим парцеллированные конструкции воспринимаются современным человеком лучше и проще, и, опираясь на это, журналист зачастую самую важную мысль излагает парцеллятом. Подтверждение этого мы видим и в газете «XXI век». Особенно распространена парцелляция в заголовках статей, например, «*Давайте оставаться людьми. **Всегда***» (Л. Орлов, № 033, 12.02.18, с. 5), «*Донецко-Криворожская республика. **Связь времен***» (А. Акентьев, №033, 12.02.18, с.8), «*Чтобы помнили. **Петр Буянов***» (Ю. Шкиров, №029, 07.02.18, с.11). Парцелляция встречается не только в заголовках, но и непосредственно в текстах статей: «*Бесспорно лишь одно достижение «Минска» – острая фаза вооруженного противостояния миновала. **Но мир так и не наступил***»; «*Правда, ни в ЕС, ни в США так и не определились, что же делать с Порошенко, а главное, кем его заменить. **Поэтому в последние дни и лихорадит Украину***» (З. Виноградов, «Смертельная опасность для Украины»: «Северный поток» уничтожит режим Порошенко,

№003, 08.01.18, с. 8); *«Не стоит тренироваться на холоде. Не тут-то было!»* (12 мифов о здоровье зимой, №014, 20.01.18, с. 4).

Сегментация заключается в выносе члена высказывания, который является темой, в самостоятельную позицию до предложения. Сегментация представляет собой специальное экспрессивное расчленение высказывания на топик и остальной текст, вынос топика «влево», в «предречь». Обычно сегментация распространена в заголовках статей с целью привлечения внимания читателей. Подтверждение этому находим в газете «XXI век»: *«Победный февраль 2015-го. Три года победе в боях за поселок Чернухино и город Дебальцево»* (Л. Орлов, №40, 20.02.18, с. 4); *«Балканский ящик Пандоры: чем обернулись для Косово 10 лет «независимости»»* (А. Бовдунов, №041, 21.02.18, с. 6); *«АМК: первые шаги к возрождению»* (М. Никитина, №048, 02.03.18, с. 6).

Новым явлением русского синтаксиса следует считать сегментацию с абзаца (термин Л.А. Шестак):

«Подискутируем.

Отношения между двумя людьми – целая вселенная, в них много нюансов: иногда приходится делать не то, что хочется, соглашаться на решения, которые не всегда нравятся» (MҮ CITY, № 22, 2020, С. 27).

Основными функциями сегментации как синтаксического средства являются:

- актуализация информации: *«Пока известно следующее. Прибывшая в пгт Новоайдар группа – действительные сотрудники УСБУ в Харьковской области и работают под руководством заместителя начальника управления полковника Ю.Н. Рябухи. Цель приезда и задачи группы устанавливаются»* (В Новоайдаре работает группа харьковских «СБУшников», XXI век, № 56, с. 12)

• доказательство тезиса: *«Не забудьте выбросить телевизор. В журналах появится видеореклама»* (МУ СІТУ, № 22, 2020, с. 5);

• формулировка убеждения: *«ДОНГТУ и АМК. Возрождение металлургической отрасли Донбасса»* (XXI век, № 53, с. 18).

Таким образом, несмотря на различную целевую аудиторию и тематические блоки, оба издания стремятся вступить в диалог с читателем и воздействовать на него посредством вопросительных конструкций, а также используются средств рубленого синтаксиса, таких как парцелляция, сегментация, эллипсис.

Литература

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса на материале английского языка / О.В. Александрова. – М.: Высшая школа, 1984. – 212 с.

2. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э.М. Береговская. – М.: Рохос, 2004. – 180 с.

3. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сборник статей по языкознанию // Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Наука, 1958. – С. 103–124.

4. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – М.: Оникс 21 век: Мир и образование, 2001. – 381 с.

УДК 821.161 – 1.09+929 Мандельштам

«ЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКАЯ» КОНЦЕПЦИЯ

О. МАНДЕЛЬШТАМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ)

Котомцев Д.О.,

учитель русского языка и литературы ГУ ЛНР

«Гимназия №30 имени Н.Т. Фесенко»

г. Луганск

Аннотация. В статье предпринята попытка описания «лингвоцентрической» концепции О. Мандельштама.

Утверждается мысль о том, что «лингвоцентризм» – одна из ключевых черт поэтики О. Мандельштама. Прослеживается воплощение данной концепции в «Путешествии в Армению» О. Мандельштама.

Ключевые слова: язык, русский язык, слово, культура.

Abstract: *the article attempts to describe the «linguocentric» concept of O. Mandelstam. The idea that «Linguocentrism» is one of the key features of the poetics of O. Mandelstam is affirmed. The embodiment of this concept is traced in the «Journey to Armenia» by O. Mandelstam.*

Keywords: *language, Russian language, word, culture.*

Жить так, как пишу: образцово и сжато...

М. Цветаева

Творческое наследие Осипа Мандельштама неизменно вызывает интерес исследователей. Его творчество, уже ставшее «классическим», изучается в работах С. Аверинцева, О. Ронена, О. Лекманова и др., а мандельштамовская поэзия, несмотря на обилие исследований, до сих пор остаётся непостижимым культурным феноменом. Менее пристальное внимание привлекает проза писателя (литературно-критические статьи, автобиографические заметки, путевые записки), содержащая, однако, ценные материалы для построения художественной и языковой картины мира О. Мандельштама. В частности, для анализа поэзии О. Мандельштама обращаются к его теоретическим суждениям, однако они не находят выражения в единой концепции языка и художественного слова поэта. Условно назовём её «лингвоцентрической».

Е. Глазова предлагает разделить концепцию слова О. Мандельштама на три направления: 1) «слово-камень», слова как материальные сущности; 2) слово как внутренняя и внешняя реальность; 3) слово как пространство – т.е. «внутреннее словесное пространство» [2, с. 63–65]. Данное разветвление справедливо, однако нетрудно заметить, что теоретические размышления О. Мандельштама о природе

слова не изменяются, а *дополняются* и *оформляются* в *единую концепцию*. Продолжая идею Е. Глазовой, Ю. Высоцкая определяет слово у О. Мандельштама «чувственно осязаемым материалом и одновременно – результатом поэзии, вбирающим в себя всю “целину времён”» [1, с. 235]. Очевидно, однако, противоречие с мыслью самого поэта, утверждавшего «нематериальность» слова; слово *«плоть и хлеб»* ровно настолько, насколько сильно оно способно насытить жаждущего *духовной* пищи человека [4, с. 321]. *«Разве вещь хозяин слова? Слово – Психея, – пишет О. Мандельштам. – Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вечность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но забытого тела»* [4, с. 322]. Другими словами, слово – это рука, надевающая перчатку, если воспользоваться чеховской метафорой: фонетическая и грамматическая формы слов – лишь готовый материал, который семантика может «оживить».

Таким образом, **цель статьи** – уточнение концепции языка и художественного слова О. Мандельштама, которую можно обозначить «лингвоцентрической».

В указанных исследованиях изучается мандельштамовское понимание слова в его эстетическом плане – как некой концентрации рефлексии поэта о художественном «материале», из которого создаётся поэзия. Однако представляется, что для О. Мандельштама слова не изолированы друг от друга, все они – часть обширной системы под названием «язык». В «Путешествии в Армению» встречаем такое словосочетание: «семантический пучок». Оно означает, по мысли О. Мандельштама, *синкретизм языка* (абстрактной конструкции) и *речи* (её воплощения в жизни): *«Видеть, слышать и понимать – все эти значения сливались когда-то в едином семантическом пучке»* [4, с. 247]. Такое единство человеческих действий и создаёт то, что мы

называем языком; восприятие мира и его осмысление – это когнитивный итог, который воплощается в слове.

Очевидно, что такое слово не может быть статичным; несмотря на то, что язык, конечно, меняется, он *«ни одну минуту не застывает в покое, от точки до точки, ослепительно ясной в сознании филологов, и в пределах всех своих изменений остаётся постоянной величиной, “константой”, остаётся внутренне единым»* [4, с. 328]. Это «внутреннее единство» достигается не сохранением каких-либо лексем, грамматических форм, изменчивых языковых норм, а сохранением культуры, самосознания языкового коллектива; язык стал тем зеркалом, который отражает реальность в человеческом сознании, и «орудием описания» реальности. Иллюстрацией к этому суждению может стать творчество другого поэта, Велимира Хлебникова, – его поэтические эксперименты над словом давно окрестили языковой игрой, неудачной деформацией русского языка. Однако если посмотреть на его лингвистические эксперименты сквозь призму концепции О. Мандельштама, то окажется, что В. Хлебников не просто писал стихи, согласованные с законами русского языка, но и доказал: формы слов, их фонетические и грамматические оболочки не так важны, как та семантика, сохраняемая в культуре испокон веков.

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно...

Для обозначения того, кто смеётся, придумано существительное «смехач», заменяющий причастие «смеющийся». В лексическом значении глагола «смеяньствуют» слышатся нотки слова «пьяньствуют» – смехачи опьянены смехом. Конечно, форма играет роль для опознания семантики, однако существенна именно та культурная коннотация, смысловые стереотипы, концепты, т.е. *«сгустки культуры в сознании человека»* (Ю. Степанов). Именно они обеспечивают единство языка, калейдоскоп

которого, используя выражение О. Мандельштама, «*сложился из бесконечных примесей, скрещиваний, прививок и чужеродных влияний*» [4, с. 328]. Но слово остаётся верно себе и народу, пока «*на могучем теле языка взойдут бледные молодые побеги нашей жизни*» [там же].

Вспомним слова О. Мандельштама, что язык – это «хлеб и плоть». Помимо отсылки к таинству причастия и яркой метафоры, они содержат важную мысль для его «лингвоцентрической» концепции. Во-первых, поэт писал, что в «*ремесле словесном*» он ценит «*только сумасшедший нарост, только дикое мясо*»; примечательно здесь как осознание литературы в качестве ремесла, т.е. труда, внимательного отбора и творческого сочетания (ср. у М. Цветаевой: «*В поте – пишуший*»), так и то, что «дикое мясо, сумасшедший нарост» – это всё уникальное и неповторимое, которое предоставляют ресурсы языка – фонетический, лексический, стилистический. Словесное «мясо» (у О. Мандельштама встречаем: «*виноградное мясо*») же становится духовной плотью, с помощью которой вербализуется реальность.

Когнитивная лингвистика, следуя заветам французских структуралистов (Р. Барта, Ж. Деррида), давно заметила, что *реальность не существует вне языка*. Объект «стол» становится для нас осмысляемой вещью, когда он воплощается в языке: без языковой рефлексии некий предмет на ножках из какого-то материала с поверхностью определённой формы никогда не войдёт человеческое сознание как «стол». Слово (т.е. «Психея», в пер. с греч. – «душа»), проникая в вещь, одухотворяет реальный предмет, наполняет его смыслом, облекает его в семантическую оболочку. Справедливо поэтому отнесение Ю. Левиным и другими исследователями О. Мандельштама к плеяде поэтов, творивших в русле «семантической поэтики» [см.: 3].

Вероятно, «лингвоцентризм» правомерно считать ключевой чертой семантической поэтики О. Мандельштама.

Облекая реальный мир в словесные оболочки, О. Мандельштам описывает мир в лингвистических характеристиках. Можно, конечно, связать это с повышенным градусом метафоричности творческого сознания поэта; в таком случае, почему метафоры именно «лингвистические»? Ответ на вопрос подсказывает «лингвоцентрическая» концепция О. Мандельштама. Её реализацию можно продемонстрировать на примере «Путешествия в Армению» поэта.

С самого начала путевых записок мы сталкиваемся с «похвальным словом» языку: предлагая тост за Армению, поэт включает в чествование и её язык: *«За её могучий язык, на котором мы не достойны говорить, а должны лишь чураться в нашей немощи»* [4, с. 245]. Язык, следовательно, показатель силы народа, средоточие его этнических черт; О. Мандельштам называет – каких: жизненной наполненности, грубой ласковости, «благородной трудовой кости», отвращения к метафизике, фамильярности с «миром реальных вещей». Представляется, что речь идёт здесь не только об армянах, но и о той *идеальной сущности* языка, которую пытается воплотить сам О. Мандельштам. *Ведь именно «фамильярное» наполнение вещей жизнью является главной функцией слова*, по О. Мандельштаму. Но для того чтобы мир воплотился в слове, нужен труд (помним: словесное *ремесло*), – глядя на одного армянина, поэт так описывает его: *«Широкий рот чернокнижника не улыбался, твёрдо помня, что слово – это работа»* [4, с. 247].

Выше уже писалось о синкретичной природе слова: это семантический пучок, к которому стягивается видение мира, умение слышать и слушать и понимание. *«На самых глубинных стадиях речи не было понятий, но лишь направления, страхи и вождения, лишь потребности и опасения»* [там же]. Выходит, что язык родился из первобытных инстинктов, когда мир ещё находился в состоянии хаоса: все предметы не осмысливались; человек

инстинктивно реагировал на них эмоционально, не понимая сути. Понимание же родилось спустя тысячелетия из «пучка туманностей» [там же].

О. Мандельштам, словно повторяя путь предков, не просто описывает, но и воплощает вещественный мир с помощью языка, причём используя для этого лингвистические понятия: *«А на столе роскошный синтаксис путаных, разноазбучных, грамматически неправильных полевых цветов, как будто все дошкольные формы растительного бытия сливаются в полногласном хрестоматийном стихотворении»* [4, с. 252]. В отрывке подчёркивается упорядочивание разрозненного мира: синтаксис (от др.-греч. «порядок», «составление») служит метафорой построения мира из слов, собранных из всех языков («разноазбучных»), но это «дошкольное», т.е. первобытное состояние ещё «грамматически» неправильно, – но ему и не нужна грамматика для того, чтобы культура воплотилась в слове. А хрестоматийное стихотворение служит напоминаем: поэзия – это *«высшая форма существования языка»* (И. Бродский).

Для поэтической речи нет грамматических границ (футуристские эксперименты и современная поэзия наглядно демонстрируют это); будучи высшей формой существования языка, она преобразует его по собственным законам – или, точнее, с помощью их отсутствия. Главное – некая внутренняя гармония смысла, достигаемая ритмом, *«роскошным синтаксисом путаных цветов»*. Неслучайна поэтому очередная лингвистическая метафора О. Мандельштама: *«...я изучал живую речь ваших длинных, нескладных рук, созданных для рукопожатия в минуту опасности и горячо протестовавших на ходу против естественного отбора»* [4, с. 255]. Во всём подчёркивается *«нескладность»* живой речи.

Когда же неповторимость, «дикое мясо» языка исчезает, то умирает и сам язык: *«Фонетическая руда Европы и*

Америки иссякает. Залежи её имеют пределы. Уже сейчас молодые люди читают Пушкина на эсперанто. Каждому – своё! Но какое грозное предостережение!...» [4, с. 259]. Эсперанто – универсальный язык, служащий, как в Вавилоне, единым языком для мира, – всё-таки *искусственный*, мёртвый язык. Отказываясь от родного языка, мы лишаем жизненной силы культуры и вековых значений не в сам язык, а *собственную картину мира*.

О. Мандельштам, размышляя о смерти, пишет: *«Наше плотное тяжёлое тело истлеет, точно так же и наша деятельность превратится в такую же сигнальную свистопляску, если мы не оставим после себя вещественных доказательств бытия. Да поможет нам книга, резец и голос и союзник его – глаз...»* [4, с. 261]. Книга, резец, голос – всё это символы сохранения культуры, но именно книга, *творческое бытие языка*, стоит на первом месте, ведь любую знаковую систему всё же необходимо перевести в речь. Если же мы потеряем «лингвоцентризм» как сущностный элемент сознания, то вернёмся к первобытной форме жизни, построенной на эмоциях и инстинктах, – но *«страшно жить в мире, состоящем из одних восклицаний и междометий»* [там же].

Итак, как показывает анализ, О. Мандельштам не мыслил жизнь без языка – напротив, всё своё творчество он направил на семантическое наполнение реальности. В конце «Путешествия в Армению, на вопрос армянского друга, в каков времени он хочет жить, поэт ответил: *«Я хочу жить в повелительном причастии будущего, в залоге страдательном – в “долженствующем быть”»* [4, с. 273]. Он сам не только сохранил русскую культуру в слове, но и сам остался в будущем – там, где он должен быть.

В перспективе исследования – дальнейшее изучение реализации «лингвоцентризма» в творчестве О. Мандельштама.

Литература

1. Высоцкая Ю.С. Природа художественного слова в понимании Осипа Мандельштама / Ю.С. Высоцкая // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. – №9-1. – С. 232–242.

2. Глазова Е., Глазова М. Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Мандельштама / Е. Глазова, М. Глазова. – М. : Дух и Літера, 2012. – 720 с.

3. Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю. Левин, Д. Сегал, Р. Тименчик, В. Топоров, Т. Цивьян // Сегал Д. Литература как охранная грамота. – М. : Водолей, 2006. – С. 181–212.

4. Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э. Мандельштам. – М. : Эксмо, 2009. – 521 с.

УДК 811.161.1'373.44:[070.4:СМИ]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Давидкова Е.П.,

магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»

г. Луганск

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию динамического процесса в лексике русского языка — возвращению слов из пассивного словарного запаса в активный. Описаны внешние и внутренние факторы использования устаревших слов, проанализированы основные лексико-семантические группы возвращенного лексикона.*

***Ключевые слова:** архаизмы, историзмы, языковые изменения, активный словарь.*

***Abstract:** The article is devoted to the study of the dynamic process in the vocabulary of the Russian language — the return of words from the passive vocabulary to the active one. The external and internal factors of using obsolete words are described, and the main lexico-semantic groups of the returned lexicon are analyzed.*

Keywords: *archaisms, historicisms, language changes, active vocabulary.*

Один из динамических процессов, происходящих в лексике русского языка, – возвращение слов из пассивного словарного запаса в активный.

Цель данной статьи – рассмотреть использование устаревших слов в текстах современных СМИ.

Как языковое явление возвращение устаревшей лексики нельзя назвать новым явлением для системы русского языка, оно имело место, изучалось и ранее [2], однако по количеству возвращенных слов, по масштабности процессов и их влиянию на перестройку лексической системы языка прежние процессы активизации с новейшими не сопоставимы [2]. Лексика русского языка, будучи адаптивной динамической системой, повернутой своей внешней стороной к обществу и приспособляемой носителями языка к новым условиям их жизни, стала стремительно обновляться не только с помощью многочисленных неологизмов и заимствований, но и благодаря притоку слов, возвращаемых в активное функционирование из пассивного запаса. Например: «*О Репине больших тем, где он спокойно перед гением Сурикова, но настаивает на своем праве увлечься зрелищностью **артели бурлаков**, превращая композицию то ли в роскошную библейскую сцену, то ли в историю угнетенного народа*» [7, с. 12].

Артель – устар., ж. Добровольное, обычно временное объединение физических лиц для совместной работы на основе общей ответственности, самоуправления и долевого участия в доходах [4].

Бурлак – устар., м. В старину: рабочий, к-рый в артели тянет на бечевах суда против течения [4].

«*Очередной советник Дональда Трампа отправлен в отставку*» [7, с. 5].

Советник – устар., м. тот, кто советует, дает советы [5].

Возвращение старых (дореволюционных) номинаций в связи с реконструкцией языкового сознания россиян, обусловленной ностальгическими воспоминаниями (навеянными в основном литературой и кино) о дореволюционном укладе жизни, когда развитие капитализма в России и деятельность делового мира (в частности, купечества) были успешными. С возвращенными словами связаны надежды на успех непривычной для бывшего советского человека деятельности, а апелляция к прежней национальной картине мира, к исторической памяти народа призвана маркировать обозначаемое старым словом возродившееся явление как свое, родное. Например: *гильдия* – устар., ж. В средние века: объединение купцов или ремесленников, защищавшее интересы своих членов [4] (*«Накануне свои награды вручала Гильдия продюсеров США, которая лучшим фильмом назвала военную драму «1917» Сэма Мендеса»* [7, с. 11]); *гувернер* (*гувернантка*) – устар. м. Воспитатель детей в дворянских и буржуазных семьях, обычно иностранец [5] (*«В зависимости от проекта компания может включить в комплекс веревочный экстрим парк, батут, игровые автоматы, многоуровневый лабиринт, детский сад с гувернером, аттракционы, пиццерию»* [8, с. 4]); *экономка* – устар., ж. Бережливая и хозяйственная женщина [4] (*«...А о том, что пули все-таки попали в Белый дом, телохранители узнали через четыре дня, когда экономка показала им разбитое стекло»* [7, с. 8]).

В текстах современных СМИ наблюдаем обозначение возвращенным словом реалий, в чем-то схожих с исчезнувшими ранее. У закрепленного письменными источниками или устной народной речью слова существует непрекращающаяся возможность его возрождения, и она потенциально существует всегда. Многовековая

непрерывность слова легко мирится «с многовековыми перерывами в реальном применении слова. Мы очень часто признаем тем же самым предмет, который изменился» [6]. Слово применяется в речи не в виде одного из заранее запасенных на все случаи жизни в необходимом количестве стандартных экземпляров, а в порядке повторных преобразований определенной «матрицы» – стереотипа (ячейки языковой функциональной системы), видоизменяющейся в процессе эволюции, но не нарушающей при этом тождества самой себе [1, с. 15]. Например, в ходе ликвидации в 1993 году параллелизма властных структур был устранен один из элементов советской административно-командной формы управления — советы сельских поселений. В связи с этим произошла замена слова *советы* на слова *земство* и *волость*. *Земство* – устар., ср. Дореволюционная система учреждений местного самоуправления в России с дворянско-буржуазным классовым составом, введенная в 1864 г. [5] («...В Большесосновском районе позиция депутатов обусловлена непростыми отношениями между земством и главой муниципалитета» [7, с. 11]); губерния – разг. устар., ж. Основная административно-территориальная единица в России с начала XVIII в. и в СССР до районирования [4] («Сотрудники телерадиокомпании «Губерния» стали победителями областного журналистского конкурса на призы губернатора Самарской области в четырех номинациях» [7, с. 8]).

Активизированные номинации используются для выражения различий с аналогичными реалиями недавнего прошлого. Обновленные номинации за счет бывших в пассивном запасе слов должны подчеркнуть коренное изменение сущности явлений в лучшую сторону. Примером может служить замена названий властных структур постсоветского времени: *парламент* – это не то же самое, что бывший *Верховный совет депутатов*. Новое название

стало необходимым, чтобы подчеркнуть новые, демократические принципы формирования и стиля работы этого органа государственной власти.

Одной из причин возвращения в активное употребление иноязычных слов, ранее имевших ограниченную сферу употребления, является действие в языке постперестроечного времени тенденции к камуфлированному обозначению новых для российского общества негативных явлений, которые ранее были приметой западного мира. Например, военные термины: *пикетчик* – воен. устар., м. Участник пикета [5] (*«На заседании был продемонстрирован видеоролик с опросом жителей города, большинство из которых заявили, что уменьшать расстояние между пикетчиками или не нужно, или это ни на что не повлияет»* [7, с. 7]); *казна* – устар., ж. Государственное имущество, денежные и иные средства [4] (*«Из казны Челябинска выделили 576 млн рублей на оплату задолженности обанкротившегося МУПа»* [7, с. 6]).

Без ясной внутренней формы, не всем понятные, маскирующие суть явления иноязычные слова оказываются востребованными, поскольку, как пишет Крысин Л.П., они могут выполнять «определенные социально-психологические функции. Например, функцию предотвращения коммуникативного дискомфорта» [3, с. 50]: они призваны предупреждать реакцию агрессивного неприятия социумом номинируемого таким способом явления, ранее усвоенного как номинация из сферы культуры исключительно западного мира.

Внешние для языка причины возвращения в активную жизнь старых слов, в том числе заимствованных ранее и пребывавших в составе ограниченной по сфере употребления лексики, поддержаны факторами внутриязыкового порядка, потребностью в номинации, наиболее полно и точно выражающей и смысловые нюансы, и прагматические (оценочные, эмотивные, экспрессивные)

значимости обозначений. Функционирование языка демонстрируют такие изменения, которые прямо не зависят от социально-исторических факторов. Назовем некоторые из них, имея в виду, что в каждом отдельном случае может действовать несколько причин одновременно.

Старые слова могут использоваться и для передачи оценочных смыслов, например, ироничного отношения к деятельности человека. Например: *купец* – прост. устар., м. Владелец частного торгового предприятия [4] («*В действительные Члены Собрания могут быть избираемы: военные, чиновники, купцы, ученые и художники*» [8, с. 40]).

Ментальные предпочтения у социума меняются, бывшее стилистически высокое, патетическое книжное слово освобождается от этой стилистической окраски и возвращается в активный современный словарь нейтральным. Например, с распадом СССР и появлением нового государства — Российская Федерация возродилось слово *россиянин*. Слова *великоросс* и *великорус* также употребляются сейчас как стилистически нейтральные: *великоросс* – устар., м. То же, что русский [4] («*Внешне он типичный великоросс, но говорит со странным, почти еврейским акцентом*» [7, с. 8]).

Вернувшееся в актив слово может быть привлекательным уже потому, что однословное наименование всегда предпочтительнее, поскольку соответствует принципу экономии времени или места при употреблении в речи. Например, слова *акция*, *вексель*, сравн.: *ценная бумага*. При этом многословные обозначения сохраняются в официально-деловом стиле: *купюра*, сравн.: *денежный знак*.

Как отмечает Н.М. Шанский, слово сохраняется в языковой памяти и продолжает свою жизнь в историческом, этнографическом дискурсах, в художественной литературе, причем «в ряде случаев устаревшие слова впоследствии

вновь возвращаются в активный словарь лексики нашего языка, начинают повседневно употребляться в обиходе» [4].

Решение многих проблем, поставленных в этой работе, безусловно, требует дальнейших серьезных исследований с привлечением нового языкового материала, постоянно расширяющегося в силу непрерывности развития самого языка как явления, динамического по своей сути и с необходимостью отражающего существенные трансформации в развитии современного российского общества, а также мировой цивилизации и культуры.

Литература

1. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – 32 с.
2. Крысин Л.П. Жизнь слова / Л. П. Крысин // Жизнь слова: книга для учащихся. – М.: Русское слово, 2008. – 172 с.
3. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии / Л.П. Крысин. – М.: Русское слово, 2008. – 230 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1989. – 750 с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 752 с.
6. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Учебное пособие / Н.М. Шанский. – 4-е изд., доп. – М.: Либроком, 2009. – 312 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
7. Российская газета «Коммерсантъ». – № 184. – С. 5–15.
8. Журнал «Огонёк». – № 83. – С. 4–9.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Николаева Ю.В.,
магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

Аннотация. *Статья посвящена изучению функционирования заимствований и иноязычной лексики в современном публицистическом тексте. Результаты данной публикации позволяют выявить и описать современные тенденции развития лексической системы русского литературного языка в целом.*

Ключевые слова: *заимствование, современная публицистика, иноязычные вкрапления, языковая политика, калькирование, англицизмы, средствам массовой информации.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the functioning of borrowings and foreign language vocabulary in the modern journalistic text. The results of this publication allow us to identify and describe the current trends in the development of the lexical system of the Russian literary language as a whole.*

Keywords: *borrowing, modern journalism, foreign language inclusions, language policy, calculus, anglicisms, mass media.*

Как отмечают исследователи, «одной из главных особенностей современного словоупотребления стало распространение иноязычной лексики» [1, с. 43]. Будучи результатом длительного исторического взаимодействия языков, заимствования занимают значительное место в лексике многих языков.

Вполне очевидно, что сегодня иноязычное заимствование является одним из основных источников во многих языках мира, в том числе и русском, приобретает свою значимость и актуальность в современном публицистическом тексте. Исследование иноязычного слова в

русском языке непосредственно в связи с ее значимостью для определения взглядов широкого круга читателей, созданию и формированию общественного мнения

Целью данной статьи является рассмотрение специфики функционирования иноязычной лексики в современном публицистическом тексте.

В отечественной науке появился целый ряд публикаций, посвященных лексическому заимствованию, поскольку состояние современного русского языка не могла волновать лингвистов, литературоведов, культурологов. Появилось целое культурологическое течение, которое в последние годы постепенно разрастается и все более набирает силу благодаря работам академика Л.П. Крысина, А.А. Леонтьева, Е.В. Мариновой, Л.В. Колганова, В.М. Лейчика, Г.Н. Скляревской, Е.Б. Нарочной, Н.К. Ивановой и многих других.

Заслуживает внимания подход Г.Н. Скляревской. По ее мнению, процесс лексического заимствования трактуется не как пересечение иноязычных элементов лексики, а как создание в языке-реципиенте новых собственно лексических элементов, специфика которых состоит в том, что они генетически восходят не к иной лексеме, а к ее очень специфическому варианту, употребленному в речевом контексте, а к ее специфическому варианту, употребленному в речевом контексте воспринимающего языка, то есть лексическое заимствование – стихийно осуществляющееся в системе функционирующего языка и его средствами имитационное моделирование иноязычных лексических элементов в процессе функционального освоения индивидуальных речевых новообразований, созданных по иноязычным образцам [5, с. 36].

К перечисленным выше факторам следует добавить и фактор глобализации (от лат. *globus* – шар, фр. *global* – всеобщий) – феномен, который сегодня наблюдается во всех областях жизни человека [4, с. 86]. По отношению к языку на

современном этапе развития мирового сообщества чаще всего говорят о глобализации английского языка, так называемой «американизации». Став мировым языком науки, бизнеса, развлечений, англо-американский язык заложил фундамент для дальнейшей экспансии американской культуры.

Вслед за глобальными рынками и глобальной сетью развлечений и путешествий приходит глобальная коммуникация на международном языке: *имидж, киллер, мейнстрим, ноутбук, он-лайн, папарацци, поп-корн, прайс, пресс-релиз, промоутер, ремикс, сайт, секьюрити, сиквел, сингл, слоган, тамагочи, ток-шоу, транш, холдинг, эксклюзивный* и множество других, разной степени освоенности. Поэтому можно утверждать. Что феномен глобализации является одним из определяющих факторов процесса заимствования в современном русском языке.

Для более точного понимания нашей статьи следует отметить, что многие частотные слова преимущественно термины информатики, употребляются в текстах современных газет, журналов, деловой литературы в написании латиницей, что демонстрирует их недостаточную освоенность языком (Unix, notebook, BMW, CD, CD-ROM, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, on-line, Pentium, PR, VIP, Windows).

Встречается также еще одно новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения иноязычной лексики русским языком – комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (IBM-совместимый, PR-акция, PR-бизнес, PR-менеджер, VIP-клиент, VIP-номер, VIP-мероприятие, Web-сайт, WEB-страница, Web-сервер), а также некоторых слов, образованных от иноязычного слова по словообразовательной модели русского языка (PRщик, VIPовский).

Основным способом освоения русским языком иноязычных оборотов является калькирование – процесс, при

котором устойчивое словосочетание возникает в результате пословного перевода иноязычного фразеологизма: *citizen of the world* – гражданин мира, *golden parachute* – золотой парашют, *lame duck* – хромая утка.

Этот лексический материал чрезвычайно важен для современного языкового сознания, так как дает возможность «схватить» момент соприкосновения двух разноязычных систем и зафиксировать самый первый шаг на пути процесса заимствования слова.

Совершенно справедливым является утверждение профессора лингвиста Н.К. Ивановой о том, что «период между первыми появлениями нового слова и его регистрацией в словаре, поскольку оно стало фактом языка, может быть достаточно длительным, а может быть совсем коротким» [1, с. 41]. Это зависит, прежде всего, от того, имеются ли в русском языке семантические аналоги заимствованной единицы, которые какое-то время могут употребляется в русском языке параллельно с иноязычным неологизмом, или же заимствованная единица обозначает совершенно новое, неизвестное в России прежде понятие, предмет, явление.

В наше время иностранные слова и фразеологизмы особенно широко распространены в медийных текстах различных жанров: в публицистических выступлениях и интервью политиков, государственных деятелей и ведущих экономистов, политических обзорах аналитиков, в прессе по актуальным проблемам современной жизни российского общества.

Известный российский ученый А.А. Леонтьева назвал тенденцию возрастного влияния языка СМИ на общелитературный язык «медиализацией» русского языка [2, с. 214]. Иными словами, средства массовой информации оказываются главным посредником в перемещении новых заимствованных слов в общекультурный язык. В начале XXI века ученые единодушно во мнении, что максимально быстро

отражается смена социально-политических ориентиров и культурных ценностей, давая практически мгновенную картинку происходящих в мире событий, но и являются главным проводником новых слов.

Проанализировав исследования ученых о иноязычной лексике в современной публицистике, можно сделать следующий вывод. В связи с прогрессивным развитием языкознания как науки стали функционировать слова иноязычного, чаще всего английского происхождения. В то же время круг новых понятий и явлений, имеющих русское происхождение, ограничен, поэтому более простым и эффективным считается заимствование уже существующей номинацией вместе с заимствованным понятием и предметом.

В работе были определены стилистические средства средства массовой информации с точки зрения уместности употребления в них заимствованной лексики. Отображает основные социально-экономические процессы в обществе и процессе преобразования в языке. Задачей публицистического стиля является информирование читателя и воздействия на него, причем последнее журналисты достигают путем использования заимствованных англоязычных слов в своих статьях.

Мы также пришли к выводу, что функционально-стилистическая роль иноязычной лексики слов весьма разнообразна.

Литература

1. Иванова Е.В. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов / Е.В. Иванова; Отв. ред. Н.Б. Попова. – Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. – С. 41–43.

2. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / А.А. Леонтьев. – М.: МПСИ, 2003. – 214 с.

3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В.Н. Ярцева [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/158a.html> (дата обращения: 13.04.2021).

4. Нарочная Е.Б., Шевцова Г.В. Иноязычные слова в современной российской публицистике / Е.Б. Нарочная, Г.В. Шевцова // Язык и культура. – 2009. – № 4 (8). – С. 84–86.

5. Складаревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Складаревская // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 36–39.

УДК 811.161.1'373. 7 : 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЗАГОЛОВКАХ СМИ

Цымлякова В.А.,
магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

Аннотация. Статья посвящена происхождению и трансформации фразеологизмов в заголовках русскоязычных средств массовой информации.

Ключевые слова: фразеологизмы, трансформация, заголовок, приемы.

Annotation. The article is devoted to the origin and transformation of phraseological units in the headlines of the Russian-language media.

Keywords: phraseological units, transformation, heading, techniques.

Актуальность данного исследования заключается в популярности использования трансформированных при помощи того или иного приема фразеологических единиц в целях придания им новизны, экспрессии, выразительности

или дополнительной семантики в публицистических текстах, выпускаемых современными издательствами.

Объектом данного исследования стали заголовки публицистических текстов, **предметом** исследования являются особенности использования фразеологических единиц в газетных заголовках.

Цель данного исследования состоит в выявлении и наблюдении приемов трансформации традиционных фразеологизмов в заголовках печатных СМИ.

Фразеология изучает сложные по составу языковые единицы, имеющие устойчивый характер, их типы и особенности функционирования в речи. Однако наравне с устоявшимся мнением на фразеологию как науку об устойчивых речевых оборотах все большее распространение набирает толкование фразеологии как раздела языкознания, изучающего лексико-семантическую сочетаемость слов. В состав фразеологии также включают пословицы, поговорки и крылатые выражения.

Основные понятия фразеологии были сформулированы в трудах В. В. Виноградова, он уделял внимание вопросам сходства и различия фразеологизмов и слов, а также вопросу сочетаемости слов [2]. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» использовал фразеологизмы для иллюстрации употребления в народном языке того или иного слова [6, с. 148].

Исследуя фразеологизм как структурную единицу лексико-семантической системы языка, нельзя обойти стороной вопрос о происхождении этой единицы.

Работой по изучению источников ФЕ занимались такие ученые как Н.Ф. Алефиренко, А.И. Власенков, А.А. Гируцкий [1;3;4].

А.И. Власенков предлагает делить фразеологизмы в зависимости от их происхождения на несколько групп: исконно русские, заимствованные и славянского происхождения [3, с.48]. Н.Ф. Алефиренко говорит о том, что

«по происхождению ФЕ делятся обычно на две группы – исконно существующие в данном языке и заимствованные [1, с.264]. То есть Н.Ф. Алефиренко объединяет исконно русские и фразеологизмы славянского происхождения в одну группу. А.А. Гируцкий в своей работе перечисляет источники ФЕ. Теперь подробнее рассмотрим данную проблему.

Фразеологизмы с исконно русским происхождением, по мнению А.И. Власенкова, возникают: 1) из оборотов разговорно-бытовой речи: *из огня да в полымя, с гулькин нос, во всю ивановскую*; 2) из пословиц, поговорок, крылатых слов и устойчивых сочетаний из русского фольклора: *красная девица, добрый молодец, чистое поле*; 3) от отдельных выражений профессиональной речи: *через час по чайной ложке; без сучка, без задоринки; тянуть ляжку*; 4) выражения из книжного языка: *Свежо предание, а верится с трудом*.

О фразеологических оборотах старославянского происхождения А.И. Власенков лишь упоминает, зато приводит много примеров: *«на сон грядущий, камень преткновеня, хлеб насущный, внести свою лепту...»* [7, с.48]. Как видно, данные обороты – в основном цитаты из Библии.

К фразеологизмам с исконно русским происхождением, по мнению Н.Ф. Алефиренко, относятся: 1) разговорно-бытового происхождения, составляющие ядро фразеологического состава языка: *засучив рукава, на босу ногу*; 2) пословично-поговорочного происхождения: *старый воробей*; 3) возникшие в профессиональной и жаргонной речи (*заложить фундамент, карта бита...*); 4) книжного происхождения: *а воз и ныне там*; 5) связанные с историческими событиями, традициями и обычаями народа: *как Мамай прошел, пропал как швед под Полтавой* [1, с.265].

Таким образом, А.И. Власенков и Н.Ф. Алефиренко среди общих приводят такие источники ФЕ, как появление фразеологических оборотов из разговорно-бытовой речи; из

пословиц, поговорок, крылатых слов; от отдельных выражений профессиональной речи; из книжного языка. Кроме того, Н.Ф. Алефиренко указывает также и на возникновение фразеологизмов из жаргонной речи и их появление, связанное с историческими событиями, традициями и обычаями народа.

Фразеологизмы, заимствованные из других языков, по мнению А.И. Власенкова, являются 1) дословным переводом иноязычных пословиц, поговорок: *с высоты птичьего полета, веселая мина при плохой игре, о вкусах не спорят*; 2) выражениями и цитатами из литературных произведений, изречений, афоризмов: *узы Гиминя; игра не стоит свеч; золотая середина*; 3) выражениями, употребляющимися без перевода: *постфактум, нотабене, terra incognita* [3, с. 48].

Н.Ф. Алефиренко источниками возникновения фразеологизмов иноязычного происхождения считает: 1) Священное писание (рус. *вавилонское столпотворение, волк в овечьей шкуре*); 2) античную культуру и мифологию (рус. *троянский конь*); 3) произведения иноязычных авторов (*авгиевы конюшни, ахиллесова пята*); 4) цитаты, употребляемые без перевода (итал. *Finita la commedia* – представление окончено) [1, с. 265].

А.А. Гируцкий приводит следующие источники возникновения ФЕ. «Одним из источников фразеологии, – по его мнению, – является фольклор: *мели, Емеля, твоя неделя; не до жиру, быть бы живу*». «Важным источником пополнения русской фразеологии, – продолжает он, – является профессиональная речь представителей различных профессий, жаргоны: *тянуть лямку* – из речи бурлаков, *тянуть канитель* – из речи мастеров золотых нитей» и т. д. К ним также примыкают переосмысленные составные термины наук и производств: *отрицательная величина, центр тяжести*. В качестве источников пополнения фразеологического запаса языка А.А. Гируцкий называет

также крылатые выражения, восходящие к тексту Библии, то есть библеизмы (*вавилонское столпотворение, блудный сын, суета сует*), цитаты из мировой литературы (*между Сциллой и Харибдой*), русские кальки [4, с.170].

Фразеологизмы в газетных текстах могут выполнить не только функции образных и экспрессивных характеристик, но и одновременно использоваться как композиционно-стилистические средства. Возможности фразеологизмов в этом плане будут зависеть от такого фактора как позиция их в тексте и особенности структуры самого текста.

Заголовок – это способ дать читателю возможность с первого взгляда сориентироваться, нужно ли читать остальной текст. Трансформация фразеологизма обусловлена стремлением авторов усилить экспрессивную окраску заголовка. Такое изменение фразеологизмов служит «противоядием» от речевых штампов. Преобразуя фразеологизм, журналист повышает эффект сознательного воздействия на эмоции и чувства читателей. При трансформации «изменяется стилистическая окраска фразеологизма, ему придается значительная весомость и экспрессивность» [5, с. 42]. В результате трансформации фразеологизма заголовок получается более броским, ярким, обращающим произвольное внимание читателей.

В качестве броских, обращающих читательское внимание газетных заголовков, широко используются фразеологические обороты. Т.С. Гусейнова считает, что особенно важную роль трансформированные фразеологизмы играют в газетном заголовке, т.к. «...отклонения от нормы, традиционного облика устойчивой единицы, выступающей в качестве заглавия газетной статьи, уточняет ее содержание, выделяя такое заглавие в общем потоке названий публицистических материалов»[5, с. 31].

Трансформированный фразеологизм в заголовке выступает в роли ассоциативного элемента, при помощи которого наша память находит нужную информацию,

связывая измененное выражение с исходным. При изменении фразеологизма создается языковая игра, рождается некий новый смысл, но смысловой каркас остается. Этот смысловой каркас являет собой рациональное состояние фразеологизма, т.е. объективный, всеобщий характер.

Наиболее активно трансформируются фразеологизмы, которые, с точки зрения их семантической слитности, являются фразеологическими выражениями: пословицы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, известные многим фрагменты литературных произведений, песен и т.п. Трансформация фразеологизмов данного типа в большей степени характеризует стиль «массовых» газет, читатели которых принадлежат к разным возрастным и социальным группам и хорошо знакомы с названиями нашумевших фильмов, известных книг, часто исполняемых песен, фрагментов рекламных роликов и т.д. В связи с узнаваемостью подобных выражений, их употребление четко маркирует журналиста как «своего», что, в свою очередь, способствует сближению автора и адресата газеты, и делает последнего более «открытым» для восприятия текстовой оценки.

В нашем исследовании был проделан анализ трансформации фразеологизмов в заголовках печатных изданий ЛНР. В качестве примеров семантической трансформации можно привести изменение в заголовке фразеологизма по цели высказывания:

- «Надежда умирает последней?» (XXI век 10.06.18). Семантика фразеологизма, восходящего к известной евангельской притче о Вере, Надежде и Любви, меняется за счет перевода утверждения в вопрос (таким образом выражается сомнение в благоприятном исходе дела).

- «Кто кого водит за нос?» (XXI век 22.01.19) – трансформация фразеологизма «водить за нос» со значением «вводить в заблуждение, обманывать». Утвердительная конструкция заменяется вопросительной.

Использование вопросительных фразеологических единиц связано, по мнению некоторых ученых, с таким инновационным процессом, как активное проникновение в публицистический текст конструкций диалогической речи. [5]. Подобного рода изменения фразеологизмов позволяют авторам устанавливать более близкий контакт с читателем, как бы вести с ним беседу.

Фразеологизм «*Много воды утекло*» подвергся двойной семантизации во фрагменте «У пенсионерки в квартире прорвало трубу. Много воды утекло, пока явился слесарь-сантехник» (Жизнь Луганска 16.01.19). В данном примере столкновение образного значения «долго» с буквальным значением создает яркий образ плохо работающей коммунальной службы. Контекст подбирается таким образом, что обыгрываются образное и буквальное, являющееся этимологическим прототипом значения фразеологизма, возникает фразеологический каламбур, чем достигается комический эффект и выражается ирония по поводу происходящего. Аналогичный пример: «*Посетителей летнего кафе ветром сдуло*», т.е. они быстро ушли, т.к. на улице был сильный ветер.

Таким образом, журналистам необходимо активно пользоваться возможностями, заложенными в структурно-семантической природе фразеологизмов для создания новых, неожиданных, экспрессивных образов, для языковой игры, способной привлечь, удержать и активизировать внимание читателей.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Наука, 2004. – 368 с.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке /

В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.

3. Власенков А.И. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи. Учебник для 10-11 класса общеобразовательных учреждений / А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова. – М.: Просвещение, 2004. – 350 с.

4. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. Учебное пособие / А. А. Гируцкий. – М.: Наука, 2003. – 288 с.

5. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии / Т.С. Гусейнова. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997. – 175 с.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Наука, 1978. – Т. 1. – 567 с.

УДК 811.161.1`373.6 : 070

АББРЕВИАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Чернова В.А.,

магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,

г. Луганск

***Аннотация.** Статья посвящена аббревиатуре, рассматриваемой как активно функционирующий в современных русскоязычных СМИ знак.*

***Ключевые слова** аббревиатура, языковая игра, коннотация, номинация, экспрессивность.*

***Annotation.** The article is devoted to the abbreviation, which is considered as an active sign in the modern Russian-language media.*

***Keywords:** abbreviation, language game, connotation, nomination, expressiveness.*

Актуальность данного исследования заключается в том, что в последние десятилетия в языках мира отмечается

значительное увеличение количества аббревиатур, и русская языковая культура не стала исключением.

Обилие сокращений привело к созданию многочисленных словарей современных аббревиатур, которые иногда совершенно необходимы при чтении текстов СМИ для их адекватного понимания.

Причины широкого распространения аббревиатур в языке СМИ следующие: во-первых, употребление аббревиатур соответствует принципу экономии языка, в других функциональных сферах языка (деловой, научной) аббревиация помогает решить проблему сокращения объема материала, который нужно вместить в рамки одной публикации. Во-вторых, стало очевидным, что аббревиатуры способны выполнять не только номинативную, но и экспрессивную функцию [3, с. 10], которой лишена их производящая база и которая придает аббревиатуре статус самостоятельного знака с оценочной функцией (эксплицитной и имплицитной). В языке СМИ ценность аббревиатуры определяется не ее номинативностью, а ее креативными возможностями, природа и форма воплощения которых различна, но экспрессивный эффект одинаковый.

Термин «аббревиатура» традиционно определяется в лингвистике как имя существительное, которое состоит из усеченных отрезков производящих аббревиатуру слов, опорный компонент которого может оставаться целым, неусеченным словом [1].

Если обратиться к авторитетным словарям лингвистических терминов [1], то в них, несмотря на различия в интерпретации этого языкового феномена, в аббревиатурах выделяется общий параметр – это наличие в их составе в разной степени усеченных начальных элементов производящей базы (как правило, словосочетаний) и их комбинации. На основе этого параметра и происходит основное разделение аббревиатур на: а) «собственно аббревиатуры» (или аббревиатуры инициального типа,

акронимы), в состав которых входят (при узком понимании термина «акроним») либо начальные звуки в их полном (*ВУЗ, ЗОЖ*) или редуцированном, если речь о гласных, виде (*РОНО, ОСАГО*), либо (при более широком понимании термина) начальные буквы производящих слов (*МГУ, ЛДПР*), либо начальные звуки и буквы одновременно (*ЕГЭ, ЦСКА*); б) «сложносокращенные слова», составленные, как правило, из начальных элементов (слогов или морфем) базового словосочетания в их разной комбинации друг с другом и с акронимами (*завхоз, лавсан, ГОРОНО*), а также включающие целые слова, взятые в их определенных словоформах (*Минобрнауки, завкафедрой*).

В текстах СМИ «сухие» и «скучные» аббревиатуры становятся эффективным экспрессивным средством, поскольку языковая креативность говорящего может превратить «скучные слова» в интересные, останавливающие взгляд читателя и притягивающие мысль лингвиста инструменты оценки. С другой стороны, сами аббревиатуры становятся предметом оценки – как общей, так и частной (в основном эстетической и утилитарной). Аббревиатуры, рождение которых предопределено компрессивной функцией языка, а изначальная их роль как вторичного знака приписывает аббревиатуру к множеству номинативных средств лексикона, в текстах СМИ становятся орудием социального воздействия на читателя, захватывающим его эмоциональную сферу [9, с. 118].

Аббревиатуры-неологизмы обладают всеми достоинствами и недостатками окказиональных слов, ориентированных «на более точное, полное и образное выражение мысли адресата... появление в литературной речи (аббревиатур) создает ощущение новизны и экзотичности, неожиданность их употребления способствует смене пассивного восприятия активным, появлению сильных эмоциональных реакций» [8, с. 124]. Однако эмоциональные

реакции на неологизмы (и аббревиатуры в частности) бывают не только сильными, но и резко отрицательными.

М.А. Кронгауз считает переименования (аббревиатуры в том числе) «затрудняющим коммуникацию» «важным бюрократическим принципом», главный смысл которого состоит в том, чтобы «делать людей беспомощными перед бюрократической машиной» (комментарий к проблеме аббревиатуры) [4, с. 273].

Бесспорно, во многих сферах культуры (особенно в финансовой, юридической, медицинской) существуют аббревиатуры, известные лишь представителям этих сфер, и это нормальное явление, поскольку профессиональные сообщества объединяются предметом своего интереса, необходимостью категоризации очерченного им пространства, мировоззренческими установками, что находит свое выражение в профессиональных дискурсах. Проблема выявления функции сакрализации (может быть, «корпоративизации») аббревиатур в современном обществе как способа выражения «особости» профессиональной картины мира, в основе которой лежит архаическая оппозиция «свой – чужой», требует специального социолингвистического анализа и разработки методов ее изучения.

Что касается сферы образования на всех его уровнях (от школьного до высшего), то наплыв аббревиатур объясняется формализацией образования. Так, например, в полученных свыше «компетенциях» (их около 40), которым преподаватели-филологи обязаны обучить студентов, значатся такие аббревиатуры, как *РЯФКА* (русский язык в функционально-коммуникативном аспекте) и *СКИФКА* (современный русский язык: системно-когнитивный и функционально-коммуникативный аспекты) и т.п.

В текстах русскоязычных СМИ часто встречаются новые сокращения, которые выполняют сугубо номинативную функцию, но никак не отражают наличие

языкового вкуса у их авторов, например: *суцпол* – существующее положение [Огонек, 2020, № 20, с. 17], *струкрук* – структурный руководитель [Огонек, 2019, № 6, с. 16], *наццели* («И такие наццели президент поставил в своем майском указе» [Огонек, 2018, № 46, с. 8], *нацбест* – национальный бестселлер [Известия, 15.07.2019, с. 10]).

Чего стоит такое современное сугубо номинативное сокращение, как *педобр* (педагог дошкольного или дополнительного образования). В своей антиэстетике *педобру* не уступает *сисадмин* (системный администратор) и многие другие компрессивы, которые находятся в отношениях паронимическими уже существующими единицами лексикона, имеющими негативные коннотации (*МРОТ* – *мрёт*, *ОГИБДД* – *погиб*).

В СМИ есть и аббревиатуры иного характера. Известно, что на страницах газет и журналов аббревиация используется и в качестве языковой игры (средства создания каламбурной экспрессии [2, с. 120-124]), и в качестве мощного инструмента оценки. В коммуникативном пространстве социума языковая игра выполняет разнообразные функции, такие, например, как дискредитация, снижение официальности, языкотворчество, развлечение, самоутверждение, маскировка [6, с. 26]. В текстах СМИ языко-творческая и оценочная функции слова занимают доминирующую позицию, потому что язык СМИ прочно связан не только с воплощением различных мировоззрений, бытующих в социуме на определенном этапе его развития, но и с их столкновением. По мнению исследователей, социальная оценочность является одной из главных особенностей языка газеты [7, с. 39], а язык современных газет и журналов стремится к сочетанию стандарта и экспрессии, которые соответствовали бы «состоянию знаний и навыков аудитории» [7, с. 201], а также ее мировоззренческим установкам.

Рассмотрим следующие контексты:

1. *Представить себя на большой войне большой страны наш креакл не может* [Литературная газета, 2020, № 89, с. 5].

Креакл представляет собой такую разновидность аббревиатур, как сложносокращенное слово, образованное из нейтрального словосочетания *креативный класс*. В современных толковых словарях прилагательное *креативный* определяется через синонимы *творческий, созидательный, новаторский*, как «то, что имеет возможность порождать новое, вносить изменение в окружающий мир» [5, с. 298]. Аббревиатура *креакл*, имея жестко ироническую (пародийную) окраску, в любом контексте выражает резко критическое отношение говорящего к такому сообществу, которое нейтрально (в режиме констатации) именуется *креативным классом*. Эта аббревиатура специально создана для словесного уничтожения этого сообщества. Следовательно, она существует самостоятельно по отношению к своей производящей базе – нейтральному аналитическому наименованию – как его стилистический синоним с отрицательной оценкой.

2. *Мир переживает нашествие смомби*, или «мертвых ходоков», предупреждают эксперты. Все это, по сути, летопись нового явления: люди настолько увлечены гаджетами, что не замечают мира вокруг [Огонек, 2020, № 19, с. 5].

Аббревиатура *смомби* является сложносокращенным словом, образованным из сочетания частей слов *смартфон* и *зомби*. Через аббревиатуру *смомби* ее автор выражает и негативную оценку смартфона как зомбирующего, лишаящего человека собственной воли инструмента, и, проявляя озабоченность состоянием индивидуального сознания (а также коллективного), призывает людей очнуться, вернуться из виртуального мира смартфонов в жизнь реальную.

3. *Школьников пугают Бабой-ЕГЭ* [Московский комсомолец, 15.08.2018].

В этом контексте прецедентное собственное имя *Баба-Яга*, имеющее отрицательную оценочную коннотацию, включено в языковую игру с аббревиатурой *ЕГЭ* на базе народной этимологии (*Яга – ЕГЭ*) с явным аксиологическим прицелом – усилить негативное отношение к тому виду экзаменов, который стоит за аббревиатурой и оценивается подавляющим большинством общества как негативный результат реформирования системы образования, представляющий собой угрозу знаниям, которые должны получить входящие в жизнь выпускники школ.

Креакл, смомби и Баба-ЕГЭ – это разные и по аксиологической силе, и по структуре компрессивы, но объединяет их интенция говорящего: они созданы ради оценки, и именно они определяют статус речевого акта как экспрессива.

Таким образом, аббревиатура как знак-компрессив в эпоху информационного бума никуда не исчезнет, но на ее создателях лежит ответственность за экологию языка и русской речи.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 210 с.

2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / [В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др. ; отв. ред. Е. А. Земская]. – М. : Язык русской культуры, 2000. – С. 120–124.

3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 120 с.

4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] : [12+] / Максим Кронгауз. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : АСТ, Corpus, cop. – 2017. – 273 с.

5. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб. : РИПОЛ классик, 2008. – 298 с.
6. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 260 с.
7. Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи / Г.Я. Солганик. – М. : Русский язык, 2002. – 390 с.
8. Тибилова М.И. Роль современных аббревиатур в формировании языковой картины мира / М.И. Тибилова // Языковое образование в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 124–129.
9. Чернейко Л.О. Аксиологический потенциал аббревиатуры в свете общих проблем оценочной лексики / Л.О. Чернейко // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ / под ред. В.В. Славкина. – М. : Фак. журн. МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. – С. 118–120.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ЛНР И РФ

УДК 373.016:811.161.1

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Дубинина В.А.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий;

Зайцева А.В.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

г. Луганск

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию лингводидактических основ формирования речевой компетентности учащихся на уроках русского языка. Установлено, что практические умения и навыки владения языком на основе знаний о нормах литературного языка и умение творчески использовать речевые средства являются основой для развития связной речи учащихся.*

***Ключевые слова:** речевая компетентность, подход к обучению, принцип обучения, аудирование, говорение, чтение, письмо.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of linguodidactic bases of formation of speech competence of students at Russian language lessons. It is established that practical skills and language skills based on knowledge of the norms of literary language and the ability to creatively use speech tools are the main basis for the development of coherent speech of students.*

***Keywords:** speech competence, approach to learning, learning principle, listening, speaking, reading, writing.*

Формирование речевой компетентности учащихся – одна из основных задач учителя русского языка. Неумение выражать свои мысли, неправильное произношение слов, ошибки в устной и письменной речи создают дискомфорт в процессе общения со взрослыми и сверстниками, не дают ученику в полной мере раскрыть свои способности и задатки, проявить себя как личность.

В Государственном стандарте образования по русскому языку [2] отмечено, что основная цель обучения родному языку заключается в речевом развитии учащихся – формировании умений высказываться во всех доступных для них формах, типах и стилях речи. Поэтому первоочередная задача учителя – обеспечить формирование речевой компетентности учащихся, что свидетельствует об актуальности исследования.

Цель статьи – исследовать лингводидактические основы формирования речевой компетентности учащихся на уроках русского языка.

Практика работы над развитием речи представлена в статьях и методических пособиях М.Т. Баранова, Н.А. Ипполитовой, Т.А. Ладыженской, М.Р. Львова, которые указывали, что методика развития речи имеет:

1) объект изучения – процесс развития речи школьников;

2) предмет изучения – содержание, формы, методы и приемы работы над развитием речи на уроках русского (родного) языка;

3) систему понятий – «развитие речи», «высказывание», «речевая ситуация», «виды творческих работ», «коммуникативные умения» и другие [6, с. 34].

Содержание работы по развитию речи реализуется по трем направлениям:

1) обогащение словарного запаса учащихся и развитие грамматического строя их речи;

2) усвоение норм русского литературного языка;

3) формирование связной речи [там же].

Работа над связной речью – особая своеобразная отрасль в системе речевого развития учащихся. В основу работы над развитием речи положены два фактора:

1) практические умения и навыки владения языком на основе знаний о нормах литературного языка;

2) умение творчески использовать речевые средства (фонетические, лексические, грамматические) в зависимости от стиля, типа, жанра речи.

Первому фактору соответствует подготовительный уровень речевой деятельности: (овладение) речевыми способами и средствами выражения мысли. Второй – соотносится с основным уровнем речевой деятельности (развитием различных видов речи, формированием коммуникативных умений и навыков). Так, подготовительный уровень речевой деятельности предполагает воспроизведение, выбор имеющихся в языке вариантов языковых единиц (например, выбор слов из синонимического ряда, фонетических вариантов и т.п.). Этот вид речевой деятельности (конструирование) учащиеся осуществляют систематически, на основе усвоения языкового материала [1].

Основной уровень речевой деятельности предполагает работу с текстами разных типов и стилей речи. Такая деятельность реализуется в двух видах: анализе готовых текстов и создании собственных высказываний.

Этапы формирования речевых умений и навыков:

1) кумуляция: накопление лингвистических знаний (уроки изучения нового материала);

2) мотивация: обеспечение мотивирующего воздействия на учащихся лингвистической теории (уроки закрепления знаний);

3) осознание: изучение правил и примеров, текстов и образцов, направленных на переход от номинативных (правильно произносить, точно употреблять слова,

образовывать словоформы) к коммуникативных умений и навыков (уроки закрепления, урок связной речи, подготовка к пересказу, сочинению);

4) тренировки: проблемные упражнения, ситуативные задачи (уроки закрепления, повторения, уроки связной речи, нестандартные уроки);

5) обобщение: выявление уровня сформированности речевых умений и навыков (урок повторения, контроля, систематизации изученного, урок связной речи).

В научной литературе определяют различные подходы к обучению языку:

1. Системный подход к развитию речи в процессе обучения языку предполагает использование принципов целостности, иерархичности, структуризации, а также разделение сложных явлений на части и учета взаимодействия всех элементов.

2. Коммуникативно-деятельностный заключается в умении учащихся решать коммуникативные задачи, способствует овладению высоким уровнем общения на родном языке.

3. Личностно ориентированный подход имеет целью развитие речевых умений учащихся с учетом индивидуальных, возрастных и психологических особенностей для подключения тех методов и приемов, которые смогут дать лучший результат для отдельного ребенка.

4. Функционально-стилистический подход в процессе развития речи учащихся способствует осознание ими значения правильного отбора языковых единиц в соответствии с определенным стилем.

5. Текстцентрический подход заключается в осмыслении текста как стержневой доминанты, на основе которой формируется речь учащихся.

6. Компетентностный подход – направленность образовательного процесса на формирование общей

компетентности человека, которая является ее интегрированной характеристикой. Такая характеристика должна сформироваться в процессе обучения и включать знания, умения, отношение, опыт деятельности и поведенческие модели личности [8].

Структура занятий по развитию речи должна опираться на соответствующие принципы обучения языку, имеющие различные виды речевой деятельности. Если говорим о коммуникативно-деятельностном принципе, то отмечаем, что он предусматривает изучение языка как средства общения и состоит в том, чтобы ученики овладевали родной речью в процессе выполнения устных и письменных заданий.

Принцип органического сочетания обучения языку и речи как средства и способа речевой деятельности, ее содержания и формы означает, что изучение языковых понятий, правописания правил, орфоэпических норм не является самоцелью, а средством достижения основной образовательной цели.

Принцип осуществления полифункциональности родного языка в процессе обучения – коммуникативной, познавательной, культурной, экспрессивной, эстетической, идентификационной, креативной и т.д. – свидетельствует и реализует, при условии умелого его использования, неисчерпаемые потенциальные образовательные возможности русского языка, которые определяют исключительную роль этого учебного предмета.

Принцип практической направленности обучения находит проявление, в частности, в разностороннем и систематическом обогащении речи учащихся лексическими, фразеологическими, грамматическими, стилистическими и другими выразительными средствами языка, которые должны осуществляться в процессе реализации внутренне предметных связей и обеспечить стабильный прирост и расширение лексического запаса.

Вопрос о речевых ситуациях, ситуативные задачи имеют солидную историю как в лингвистике, так и в методике (лингводидактике). Под ситуацией понимают обстоятельства и условия коммуникации, отношение говорящего к тому, кто слушает, общая направленность высказывания.

Принцип ситуативности реализуется в связи с выполнением ситуативных упражнений – таких речевых задач, выполнение которых зависит от характера мнимой (или условной) речевой ситуации. Основным признаком ситуативного упражнения является наличие речевого стимула, вызывающего речевую реакцию ученика, определяет выбор той или иной языковой единицы.

Социокультурный принцип – обучение языку на основе созданной народом оригинальной и яркой культуры. В последнее время в практике школы получила распространение методика дополнения (завершения), которая используется в психолингвистике как восстановление деформированного речевого сообщения. Для этого в тексте (предложении) пропускаются слова-компоненты, которые нужно вставить вместо точек или других отметок пропусков. Дидактическими вариантами этой методики являются задачи, предусматривающие продолжение или завершение текста (например, разновидность творческого изложения), творческий диктант, в котором пропущены, как правило, отдельные части или члены предложения в зависимости от содержания и задач урока, клоуз-тесты – тестовые задания на продолжение и окончание предложений.

Как указано выше, на уроках русского языка речевая компетентность должна формироваться в тесной связи с языковой. Одним из путей реализации такого подхода к обучению может быть психолингвистическая методика прямого толкования слов. Применение ее к грамматическим понятиям предполагает описание содержания названий отдельных частей речи и их форм (имя существительное, имя

прилагательное, глагол, причастие, деепричастие, числительное, союз и др.) на основе учета мотивированной внутренней формы слова, то есть с использованием корня названия, которое толкуется. С помощью этого способа учитель имеет возможность, помимо прочего, проверить, сознательно учащиеся овладевают соответствующим грамматическим материалом и могут ли они своими словами в понятной форме дать определение определенной части речи.

Также для формирования речевой компетентности используют такие виды работы как аудирование, чтение, говорение и письмо.

Современная методика развития связной речи активно разрабатывает методы и приемы обучения рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, то есть аудирование, чтение, говорение, письмо. «Аудирование (слушание) и чтение (молча, вслух) – рецептивные виды речевого общения, говорение и письмо – производительные» [1].

По-разному подходят исследователи к определению аудирования. Так, Т.А. Ладыженская подчеркивает, что «аудирование – это смысловое восприятие как устной, так и озвученной письменной речи» [6, с. 266]. Г.В. Колосницyna рассматривает аудирование как динамическую многоуровневую систему «перцептивно-мыслительной, интеллектуальной, мнемической деятельности, принимая за единицу этого вида речевой деятельности элементарное действие, целостность которого обусловлено единством мотивационной, целевой и исполнительной сторон» [4, с. 9].

В.И. Ильина исходит из того, что «аудирование – это сложный вид речевой деятельности, который образуется из многих компонентов или уровней» [3, с. 18].

В.Ф. Сатинова трактует аудирование как «активный творческий процесс, который предусматривает мотивированные действия слушателя, направленные на

восприятие, узнавание и понимание реальной действительности, закодированной средствами языка и существующей в сознании говорящего» [7, с. 49].

Для развития аудиативных умений Т.А. Ладыженская предлагает следующие задачи:

- повторить задание учителя;
- записать во время слушания все, что слушатель считает необходимым запомнить;
- составить краткий или развернутый план прослушанного;
- подробно или кратко ответить на вопросы по прослушанному;
- закодировать полученную информацию в таблицах, схемах и т.д.;
- критически осмыслить услышанное; дать оценку сути и форме сообщения, обратить внимание на интонационное оформление [6, с. 268].

Психофизиологическая основа чтения – операции зрительного восприятия текста и понимание информации, которая попадает к читателю через зрительный канал чтения, сопровождается внутренним проговариванием и базируется на распознавании графических языковых единиц письменного текста. Процесс чтения состоит из одновременного восприятия и осмысления информации. От качества восприятия зависит характер и уровень понимания текста.

Выделяют следующие способы чтения:

- углубленное чтение: внимание обращается на детали, которые анализируются и оцениваются, таким способом читаются учебники, научные тексты;
- ознакомительное чтение: осуществляется общее знакомство с содержанием, выделяются основные идеи и проблемы, уделяется внимание только основной информации, таким способом читаются публицистические и иногда художественные тексты;

– чтение-просмотр: используется для предварительного ознакомления с книгой, читается содержание, предисловие, заключительная часть;

– чтение-сканирование быстрый просмотр печатного текста с целью поиска нужных слов, фамилий, этим способом овладевают в процессе специальной тренировки;

– быстрое чтение отличается не только специально сформированной высокой скоростью чтения, но и качественным усвоением прочитанного [6, с. 270].

Умение говорить – одно из основных коммуникативных умений. Психологи (И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Н.А. Менчинская и др.) отмечают, что формированию этого умения способствует наличие определенных способностей – вербальная память, развитые до автоматизма механизмы мгновенного отбора нужных языковых средств, коммуникабельность и т.п. Поэтому на уроках русского языка совершенствование этих способностей становится ведущим направлением деятельности учителя-словесника.

Письменная речь – это такой вид речевой деятельности, который заключается в кодировании информации с помощью графических средств языка. Умение писать означает графически правильно изображать буквы алфавита, придерживаясь норм правописания; формулировать свои мысли в письменной форме. Овладеть письменной речью – значит научиться точно и грамотно выражать свои мысли в различных жанрах, типах и стилях речи.

Важно развивать речевые умения в три этапа. В основу каждого из них положено качество высказывания учащихся, причем это качество обязательно ведет к увеличению объема образцов речи, используемые учеником.

Задача первого этапа состоит в том, чтобы научить учеников объединять образцы речи уровня фразы в одно единство. Каждый ученик произносит одну фразу. Любые фразы считаются правильными, если они соответствуют теме и грамотно оформлены в языковом отношении. Уже на этом

этапе учитывается самостоятельность высказывания: учитель только называет тему, определяет общее направление мысли, а выбор конкретного содержания остается свободным.

На втором этапе ученики учатся самостоятельно строить высказывания, которые сложнее уровня фразы. Обучение речи на этом этапе осуществляется с помощью различных опор: изобразительных, вербальных, комбинированных.

Ведущая задача третьего этапа – научить учеников создавать монологические высказывания текстового уровня различных функционально-смысловых типов речи в таком объеме, который предусмотрен программой. Этот этап характеризуется развитием умений выражать свое личное отношение к фактам или событиям, о которых высказывается ученик; формулировать критическую оценку и доказывать правильность любого факта; включать в свою речь элементы рассуждения, аргументации. Одновременно должно происходить увеличение объема высказывания. Учащиеся должны заранее усвоить ряд словосочетаний и штампов, характерных для монологической речи.

Целесообразным для формирования речевой компетентности учащихся является использование соответствующих методов.

Метод беседы (эвристическая, повторяющая, закрепляющая) предполагает диалог между учителем и учениками на поставленные вопросы учителя, побуждает учащихся к высказыванию мнений.

Метод наблюдения учеников над языковыми явлениями помогает проникнуть в сущность языковых фактов, осмыслить связь между ними и сделать соответствующие выводы.

В практике обучения языку все чаще используют интерактивные методы:

1) ассоциативный куст (установление ассоциативных связей между отдельными понятиями для обобщения теоретического материала);

2) беседа по Сократу (учащиеся ставят проблемные вопросы и самостоятельно ищут пути их решения);

3) метод прогнозирования, или отрицания (по дидактическому материалу подтвердить или опровергнуть гипотезу, сформулировать тему урока) и др.

М.Р. Львов в методике развития речи определяет такие методы как: имитационный, конструктивный, творческий, коммуникативный.

Имитационный метод (метод обучения по образцам) предусматривает анализ текстов-образцов, построение собственных высказываний и текстов по аналогии, поисковую деятельность (выбор языковых единиц), построение моделей текстов-образцов, конструирование собственных текстов по этим моделям, близкие к тексту устные и письменные переводы с творческим дополнением или без, инсценировки, драматизации, литературное творчество [5].

Конструктивный метод (конструирование или реконструирование текста). К приемам конструктивного метода относятся логические приемы и упражнения (построение размышлений, доказательств, исправления логических ошибок и ошибок в последовательности изложения мыслей и т.п.); приемы и упражнения, в основу которых положена теория текста (составление текстов различных видов, редактирование собственных текстов и т.д.) [там же].

Кроме этого, необходимо обратить внимание на приемы и упражнения, которые выполняют подготовительную функцию в процессе развития речи (словарная работа, а также работа со словосочетанием, работа с предложением). Использование коммуникативного подхода при обучении диалогической речи учащихся дает возможность развивать их творческие способности в обосновании собственных мыслей и ответов. Ученики учатся размышлять над теми проблемами, которые ставят перед ними в процессе обучения.

Монологическое высказывание является сложной формой речи и требует подготовки, выражающейся в предыдущем его продумывании, четком планировании и соответствующем словесном оформлении. Существуют такие упражнения, способствующие развитию монологической речи: работа над словом, словосочетанием, предложением; конструирование текста, его редактирование, различные виды изложений (подробное, сжатое, выборочное), сочинение (сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение-рассуждение, сочинение по картине, по серии рисунков и т.д.); составление деловых бумаг (приглашение, объявление, заявление и др.).

Итак, работа над формированием речевой компетентности – это особая своеобразная отрасль в системе речевого развития учащихся. Методика развития связной речи базируется на двух факторах – это практические умения и навыки владения языком на основе знаний о нормах литературного языка и умение творчески использовать речевые средства. Формирование речевой компетентности опирается на такие принципы как: коммуникативно-деятельностный, социокультурный, принцип органического сочетания языка и речи, принцип осуществления полифункциональности родного языка в процессе обучения, принцип практической направленности обучения и использует такие виды работы как аудирование, чтение, говорение и письмо.

Литература

1. Ахмедова Л.Т. Практикум по методике преподавания русского языка / Л.Т. Ахмедова, О.В. Кон. – Ташкент : Voris nashriyot, 2006. – 216 с.
2. Государственный стандарт образования по русскому языку // Русский язык в школе. – 1993. – № 4. – С. 7–15.
3. Ильина В.И. Аудирование / В.И. Ильина // Материалы IX Международных семинаров преподавателей русского языка стран социализма. – М. : Издательство

МГУ, 1969. – С. 18–31.

4. Колосницына Г.В. Пути оптимального настроения и оформления учебного аудиотекста (на материале русского языка как иностранного) / Г.В. Колосницына. – М. : Наука, 1980. – 95 с.

5. Львов М.Р. Речь младших школьников и пути ее развития / М.Р. Львов. – М. : Просвещение, 1975. – 170 с.

6. Методика преподавания русского языка / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Н.А. Ипполитова, П.Ф. Ивченков. – М. : Просвещение, 1990. – 368 с.

7. Сатинова В.Ф. Некоторые вопросы обучения аудированию связной речи в 7 классе средней школы / В.Ф. Сатинова // Обучение связной иноязычной речи в средней школе. – Минск : Народная асвета, 1970. – С. 46–57.

8. Ушакова Н.И. Подходы образовательной парадигмы, не получившие отражения в методике преподавания русского языка иностранным студентам / Н.И. Ушакова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2014. – № 4. – С. 66–72.

УДК 373. 016 : 811.161.1

СОВРЕМЕННЫЙ УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

Гринчукова Н.В.,
старший преподаватель
кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий,
г. Луганск

***Аннотация.** В статье исследуются способы, методы и приёмы в обучении русскому языку с применением инновационных технологий. Делается акцент на анализ современных способов повышения познавательной активности учащихся в сегодняшней системе образования.*

Ключевые слова: методы, приемы, способы, урок, инновационные технологии, информационные технологии.

Abstract. In the article methods, methods and receptions, are investigated in educating to Russian with the use of innovative technologies. An accent is done on the analysis of modern methods of increase of cognitive activity students in the today's system of education.

Keywords: methods, receptions, methods, lesson, innovative technologies, information technologies.

Современное демократическое общество нуждается в изменении стратегии и тактики языкового образования, что приводит к поиску новых путей совершенствования процесса обучения в средней школе. Модернизация школьного образования, вызванная социальным заказом общества на развитие языковой самобытности учащихся, предполагает, что учитель будет искать новые формы работы, которые способны вызвать у учащихся интерес к предмету. Готовность работать в новой образовательной среде требует индивидуального похода к деятельности современных педагогов: способности принимать компетентные профессиональные решения. Осуществление компетентно направленной системы школьного языкового обучения требует высококвалифицированных специалистов-учителей, социально коммуникабельных, творчески развитых, имеющих необходимую профессиональную компетентность, умеющих работать не только на уроке, но и в интернет-пространстве с применением инновационных технологий в условиях дистанционного обучения, способных предсказать изменения и готовых прогнозировать результаты обучения.

Современный урок русского языка предполагает наличие концептуальных идей преподавания, эффективной интеграции традиционных и инновационных методов и средств обучения, продуктивных форм активной познавательной исследовательской деятельности учащихся.

Учитель-словесник должен быть новатором, профессионалом, который в ежедневной педагогической

работе внедряет инновационные технологии, владеет необходимыми компетенциями, имеет позитивные личностные качества и может эффективно реализовать образовательные проекты национального масштаба на уроках русского языка в основной школе.

Функционирование урока связано с определением его целей и процессом их реализации. Поскольку современный урок русского языка предполагает достижение высокого качества организации учебного процесса, учета индивидуального подхода к организации взаимодействия субъектов обучения, возникает необходимость детальнее остановиться на раскрытии его целей и обозначении форм и путей их достижения.

Цели урока современного русского языка вытекают из целей образования, обозначающих его задачи, которые являются конкретизацией целей, предусмотренных созданием адекватных организационных структур

Теперь в образовательном пространстве наблюдается общая тенденция акцентировать учебный процесс на коммуникативную компетенцию. Мы считаем, что разработка всеобъемлющей цели современного урока русского языка должна осуществляться в алгоритме: цель заключается в цели. Этот подход включает в себя определение целей в области образования, осуществление которых возможно во время конкретного урока.

Содержание урока, трансформированное в эффективный диапазон традиционных и инновационных методов и технологий, активных форм организации учебно-познавательной деятельности, новейших способов обучения обеспечивает на уроке развитие речевой и языковой компетенции, мышления, креативных способностей, исследовательской деятельности учащихся.

Основными положениями оптимального структурирования содержания учебного материала на уроке русского языка являются:

1. Смысловое обобщение, суть которого заключается в организации учебного процесса от абстрактно-общего до конкретно-частного. На уроке учащиеся должны усвоить абстрактные знания и выработать общие умения, а потом постепенно на практике обогащать их конкретными явлениями, понятиями, фактами. В результате такой организации учебного процесса учащиеся воспринимают и изучают язык как целостную систему, усваивают скрытые лексико-грамматико-стилистические взаимосвязи лингвистических единиц (звук-морфема-слово-предложение-текст), а не воспринимают как совокупность изолированных понятий и правил.

2. Текстовая основа, которая обеспечивает целостное восприятие языковых единиц в результате связного использования монологической или диалогической речи.

3. Модульно-блоковая систематизация, которая позволяет компактно структурировать содержание, последовательно излагать учебный материал, варьировать учебный процесс, используя традиционные и инновационные формы и методы

Объективной необходимостью в условиях современного образования становится освоение учителем и применение им на уроках инновационных технологий при обучении учеников. В основе инновационного обучения лежат следующие технологии:

- развитие критического мышления;
- технология “Метод проектов”;
- создание ситуации успеха на уроке;
- информационные технологии;
- кейс-метод.

При использовании инновационных технологий в обучении русскому языку успешно применяются на уроках следующие приемы:

- 1) мозговая атака;
- 2) групповая дискуссия;
- 3) синквейн;
- 4) эссе;
- 5) ключевые термины;
- 6) перепутанные логические

цепочки; 7) лингвистические карты; 8) лингвистические задачи; 9) исследование текста; 10) работа с тестами; 11) задания поискового характера; 12) нетрадиционные формы домашнего задания.

Рассмотрим одну из технологий инновационного обучения, кейс-метод.

Особенность этого метода заключается в том, что учебно-методические материалы комплектуются в специальный набор (кейс) и пересылаются учащемуся для самостоятельного изучения или выдаются в начале урока, на уроке ученики предлагают свои решения основных вопросов кейса, учитель корректирует выводы. Кейс может быть создан самими учащимися или создаваться в процессе урока. Задания могут не иметь точного решения, тогда выявляется проблема, и ученики ищут пути ее решения, опираясь на объективную точку зрения лингвистов, писателей, поэтов. Во время занятия педагог выступает в роли проводника идей. В этом случае педагог может использовать групповые формы работы и индивидуальные консультации в сети Интернет, ресурсы библиотеки и компьютерного класса. Кейс-метод совмещает в себе такие методы: метод проектов, ролевая игра, ситуативный анализ и многое другое. Процесс обучения с использованием этого метода позволяет формировать метапредметные компетенции обучающихся, индивидуализировать учебный процесс. Использование кейс-метода позволяет вызвать интерес к знаниям, обеспечивает возможности применения методов научного исследования, развивает познавательную самостоятельность и мыслительные творческие способности, а также развивает познавательную мотивацию.

Структура и содержание кейса:

- предъявление темы урока, проблемы, вопросы, задания;
- подробное описание спорных действий;

- сопутствующие факты, положения, варианты, альтернативы;

- учебно-методическое обеспечение: наглядный, раздаточный или другой иллюстративный материал; основная и дополнительная литература;

- режим работы с кейсом;

- оценки работы по этапам.

Развитию познавательной активности способствуют и нетрадиционные уроки, которые позволяют повысить интерес ученика к предмету и к обучению в целом.

Каждый урок по новой технологии должен носить исследовательский и творческий характер. Обучая русскому языку, необходимо помнить о связи правописания с произносительной стороной речи

Работа учителя в процессе обучения в образовательной среде рассматривается как преподавание, сутью которого является постановка перед учащимися познавательных заданий; сообщение новых знаний; организация наблюдений; работа учеников по усвоению, закреплению и использованию знаний; проверка качества знаний, учений и навыков. Мы понимаем деятельность учителя-словесника как процесс преподавания-проектирования, организации и реализации урока, передачи знаний, так и процесс собственно обучения, во время которого осуществляются определенные действия, формируются умения и навыки языковой, речевой, коммуникативной деятельности.

Литература

1. Волкова Т.Н. Новые технологии изучения гуманитарных дисциплин в школе (в контексте культурологического подхода к образованию) / Т.Н. Волкова // Проектирование образовательных процессов : Межвуз. сб. науч. тр. – Шуя : Весть, 2003. – С. 26–33.

2. Габдуллина М.В. Технология обучения русскому языку на основе моделирования интегративных связей в содержании учебного материала / М.В. Габдуллина // Вестн.

Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Соц. работа. Ювенология. Социокинетика. – 2011. – Т. 17. – № 1. – С. 47–52.

3. Горбич О.И. Анализ содержания понятия «технология обучения» / О.И. Горбич // Вестн. центра междунар. образования Моск. гос. ун-та. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – Т. 2. – С. 119–121.

4. Горбич О.И. Современные вузовские педагогические технологии на уроке русского языка в средней школе / О.И. Горбич // Вестн. правосл. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. Сер. : Педагогика. Психология. – 2006. – № 3. – С. 136–146.

УДК [37.091.26/.27:811.161.1]:37.018.93

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Кизилова И.А.

ассистент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
г. Луганск

***Аннотация.** В данной статье анализируются виды и формы контроля знаний и умений учащихся по русскому языку и культуре речи, рассматриваются некоторые актуальные проблемы дистанционного образования, связанные со спецификой организации учебного процесса и созданием современных средств обучения.*

***Ключевые слова:** виды контроля: предварительный, оперативный, текущий, промежуточный, итоговый, самоконтроль и взаимоконтроль; дистанционное обучение, дидактические тесты.*

***Abstract.** This article analyzes the types and forms of control of students' knowledge and skills in the Russian language and speech culture, discusses some current problems of distance education related to the specifics of the organization of the educational process and the creation of modern teaching tools.*

Keywords: *types of control: preliminary, operational, current, intermediate, final, self-control and mutual control; distance learning, didactic tests.*

Основным вопросом любой формы образования является его качество, поэтому в процессе становления дистанционной технологии обучения на первый план выходит вопрос качества знаний. Под качеством знаний будем понимать уровень усвоения пройденного материала, выраженный через оценку.

Успех преподавания зависит не только от хорошего изложения материала, полноценной самостоятельной работы обучающихся, но и от правильно поставленного учета и проверки знаний и навыков студентов.

Контроль – это способ определения уровня владения языком, достигнутого учащимися за определенный период обучения, и является важнейшим компонентом учебного процесса. Используя различные виды и формы контроля, преподаватель получает возможность составлять представление об уровне подготовки обучающихся, оценить, как они усвоили пройденный материал и могут им пользоваться в практических целях.

В основе всей системы обучения должен лежать принцип коммуникативной направленности. Значит, объектом контроля должна стать коммуникативная компетенция обучаемых, т.е. их умение пользоваться всеми видами речевой деятельности: чтением, аудированием, говорением и письмом. Контроль представляет собой сложное диалектическое целое, в котором тесно переплетаются деятельность преподавателя и учащегося.

Сущность и значение контроля заключается, во-первых, в том, что он позволяет преподавателю получать информацию о том, как происходит овладение учебным материалом в процессе самостоятельного изучения его каждым обучающимся, насколько верны, прочны и гибки приобретенные им знания и умения. Во-вторых, контроль призван помочь обучающемуся критически оценить свои

успехи и промахи в изучении данного материала, правильно организовать свою дальнейшую работу.

В преподавании русского языка и культуры речи следует различать следующие виды контроля: предварительный, оперативный, текущий, промежуточный, итоговый, самоконтроль и взаимоконтроль. Все виды контроля составляют единую систему. Система контроля отвечает потребностям процесса обучения русскому языку, является его составной частью и выполняет следующие функции: обучающую, диагностическую, корректирующую, контролирующую, управленческую, оценочную, стимулирующую, воспитывающую. В зависимости от вида учебного материала и целей, поставленных преподавателем на данном этапе обучения, используются разные формы контроля.

Используя различные виды и формы контроля, преподаватель получает возможность составлять представление об уровне подготовки обучающихся. Система контроля диалогична, то есть предполагает наличие обратной связи, которая позволяет преподавателю эффективно управлять ходом учебного процесса, осуществлять индивидуальный подход и т.д.

Предварительный контроль имеет важнейшее значение в обучении русскому языку. Он дает возможность выстраивать впоследствии процесс обучения с учетом исходного уровня контингента обучаемых. Данный вид контроля реализуется в виде диктанта или теста. И текст диктанта и тест состоят из заданий, связанных с орфографией (правописание приставок, корней, суффиксов и окончаний слов), проверкой первичных знаний о частях речи и др. Диктант служит средством проверки орфографических и пунктуационных навыков. Тексты предлагаемых диктантов должны быть рассчитаны на выполнение всеми учащимися данной ступени обучения и включать достаточное количество

орфограмм (примерно 60% от общего количества слов диктанта).

Оперативный контроль осуществляется непосредственно во время работы учащихся на занятиях. При этом проверяется степень сформированности грамматических, произносительных и лексических навыков, степень правильности выполнения учащимися речевых действий и использование при этом соответствующего языкового материала с учетом специфики вида речевой деятельности. Для этого вида контроля можно ставить перед учащимися различные коммуникативные задачи, решение которых они должны будут осуществить, используя изученные речевые образцы, грамматический и лексический материал. Например, одними из видов заданий могут быть следующие:

Задание 1

Проанализируйте собственную речь или речь вашего друга (преподавателя, однокурсника, члена семьи), расскажите, какие коммуникативные качества ей присущи. Обоснуйте свою точку зрения.

Текущий контроль позволяет видеть процесс становления умений и навыков, оперативно подбирать необходимые в данной ситуации приемы и виды работы. Текущий контроль проводится после проведения серии занятий по теме. Этот контроль предусматривает оценку качества усвоенного учащимися материала и уровень сформированности разных видов речевой деятельности. В процессе текущего контроля используются различные виды упражнений, например, вопросно-ответные упражнения или упражнения, в которых необходимо заполнить пропуски словами. Особое внимание хотелось бы обратить на тексты с ошибками, где необходимо исправить орфографические и пунктуационные ошибки, что позволяет развивать орфографическую зоркость и языковые умения и навыки.

Задание 2. Исправьте орфографические ошибки в тексте.

Старый, обширный, тинувшийся по зади дома сад, выходявший за село и потом проподавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освижал эту обширную деревню и один был вполне живаписен в своём картиннам опустение. Зелёными облаками и не правильными трепетно-лисными куполами лежали на небеснам гаризонте соеденёные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колосальный ствол берёзы, лишённый верхушки, отломленное бурею или грозою, подымался из этой зелённой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая коллона; косою остраконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белезне его, как шапка или чорная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и леснова орешника и прабежавший потом по верхушкам всего чистокола, взбегал наконец в верх и обвевал до половины сломленную берёзу. Достигнув середины её, он от туда свешивался вниз и начинал уже цыплять вершины других дерев илиже висел на воздухе, завизавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, колеблимые воздухом.

(Н. В. Гоголь)

Промежуточный контроль проводится после ряда занятий, посвященных одной теме. Объектом контроля являются речевые умения, но проверка носит не индивидуальный, а фронтальный характер. Формами промежуточного контроля являются тесты и контрольные работы, тематические сообщения, тематические диалоги, презентации, соответствующие этапу обучения.

Итоговый контроль включает проверку уровня владения студентами языковым материалом и способности использовать его в коммуникативно-ориентированных заданиях. На этапе итогового контроля используются тесты, включающие в себя грамматический и лексический материал, необходимый для определенного уровня владения русским языком.

Самоконтроль – когда обучающийся пытается сознательно контролировать свои действия, сравнивает конечный результат с запланированным, анализирует собственные поступки, давая им критическую самооценку, испытывает удовлетворенность или неудовлетворенность результатами своей деятельности, что ведет к укреплению установки на то должное, представление о котором личность вырабатывает на собственном опыте. Следовательно, эффективный самоконтроль является мощным средством повышения мотивации во время учебного процесса к изучению предмета.

Взаимоконтроль широко применяется в процессе текущего контроля, прежде всего для проверки первичного усвоения лексических единиц и речевых образцов, связанных с культурой речи. Предлагая учащимся составить проверочные задания для своих одноклассников, либо предлагая варианты заданий, включающие в себя элементы взаимопроверки, преподаватель на этом же занятии уже может судить, насколько студенты овладели навыками правильной грамотной речи.

Основные требования к контролю – это объективность, регулярность проведения, дифференцированный характер, ясность и четкость формулировки контрольных заданий.

В традиционных формах обучения любая проверка знаний обучаемого проводится исключительно с тем, чтобы помочь ему выявить пробелы в его образовании и адекватно оценить уровень его знаний. Однако когда мы начинаем рассматривать дистанционное обучение как равноценный традиционному обучению способ подготовки квалифицированных специалистов, тогда извечная для системы образования проблема контроля знаний и умений может возникнуть и в системе дистанционного образования. Ведь признание за пределами учебного заведения выдаваемых им дипломов и сертификатов в первую очередь зависит от того, насколько реальными знаниями обладает их

владелец. Причем сама форма дистанционного обучения значительно усложняет полноценный контроль знаний, из-за разнесенности в пространстве, а иногда и во времени обучающегося и преподавателя. Но так же, например, остаётся проблема идентификации личности при дистанционном обучении, в частности при прохождении контроля знаний. Пусть мы уверены, что экзаменуемый не мошенничает во время проверки знаний, но откуда мы знаем, что с нами взаимодействует именно тот человек, который является обучающимся, а не кто-нибудь другой? Этот вопрос до сих пор остаётся нерешённым, и пока что в системах открытого дистанционного обучения данное обстоятельство можно регулировать лишь принуждая обучающихся к периодическим чат-общениям и видеоконференциям, что не всегда возможно и приемлемо, как для обучающихся, так и для организаторов той или иной системы дистанционного обучения.

Выделяют основные принципы контролирования учащихся, которые необходимо соблюдать в дистанционном обучении:

- познавательная деятельность в дистанционном обучении должна оцениваться при минимальном воздействии субъективного фактора; принцип объективности
- в дистанционном обучении должны создаваться равные условия для всех обучающихся, принцип демократичности проходящих контроль;
- контроль с помощью дистанционных технологий должен быть организован так, чтобы за как можно меньшее время осуществить проверку знаний у большого количества испытуемых. Принцип массовости и кратковременности

Часто в условиях дистанционного обучения тестовая работа как способ контроля знаний становится ведущей.

Тест – это набор стандартизованных заданий по определенному материалу, устанавливающий степень усвоения его учащимися. Самые первые образцы тестов появились в конце XIX века. Широкое распространение они получили в англоязычных странах с 20-х годов нынешнего столетия. Дидактические тесты являются сравнительно новым методом (средством) проверки результатов обучения.

При составлении или использовании готовых тестов необходимо придерживаться следующих принципов:

- тест должен соответствовать целям тестирования;
- нужно определить значимость проверяемых знаний в общей системе обучения языку;
- должна быть обеспечена взаимосвязь содержания и формы теста;
- тестовые задания должны быть правильными с точки зрения содержания;
- должна соблюдаться репрезентативность содержания учебной дисциплины в содержании теста;
- тест должен соответствовать уровню современного состояния науки;
- содержание теста должно быть комплексным и сбалансированным;
- содержание теста должно быть системным, но вместе с тем вариативным.

Таким образом, проанализировав виды и особенности контроля при преподавании курса «Русский язык и культура речи», приходим к выводу, что контроль на занятиях русского языка может преследовать разные цели, однако во всех случаях он носит обучающий характер, позволяет совершенствовать процесс обучения, заменять малоэффективные приемы и способы обучения более эффективными, создавать более благоприятные условия для коррекции и улучшения практического владения русским языком.

Дистанционное образование не может заменить в полном объеме непосредственное сотрудничество ученик – учитель, но при грамотном использовании становится хорошим помощником в реализации образовательных программ.

Бесспорным является тот факт, что использование дистанционных образовательных технологий в традиционном обучении помогает создать атмосферу взаимного сотрудничества, позволяет учащемуся чувствовать поддержку со стороны преподавателя, может способствовать установлению более доверительных отношений между участниками образовательного процесса и, таким образом, индивидуализации обучения.

Литература

1. Андреев А.А. Введение в дистанционное обучение. Учебно-методическое пособие / А.А. Андреев. – М.: ВУ, 2007.

2. Дроздецкая Г.В. Вопросы дистанционного образования при обучении русскому языку и культуре речи / Г.В. Дроздецкая // Философия образования. – 2011. – № 6 (39). – С. 307–315.

3. Дистанционное обучение: учебное пособие / под ред. Е.С.Полат. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 320 с.

УДК 332.146.2

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ладченко С. С.,
ассистент кафедры русского языка и
коммуникативных технологий
г. Луганск

Аннотация. В статье анализируются возможности применения аксиологического подхода в преподавании русского языка с целью формирования у обучающихся ценностного понятия о родном языке, становления национального самосознания. Таким

образом, аксиологический подход подразумевает обучение русскому языку, как незыблемой национальной ценности.

Ключевые слова: аксиология, культуроведческая компетенция, национально-культурный компонент, прецедентный текст, концепт.

Abstract. *The article analyzes the possibilities of using the axiological approach in teaching the Russian language in order to form students' value concepts about their native language, the formation of national identity. Thus, the axiological approach implies teaching the Russian language as an unshakable national value.*

Keywords: *axiology, cultural competence, national-cultural component, precedent text, concept.*

Современный этап в истории России и всего постсоветского пространства, безусловно, - период изменения ценностей и приоритетов. 90-е гг. XX века принесли как положительные изменения, так и отрицательные события и явления, которых невозможно избежать на этапе грандиозных как социальных, так и политических перемен. И эти перемены негативно повлияли на общество, его нравственность и самосознание, на взаимоотношения людей друг к другу, на их отношение к государству, закону, труду, культуре, языку.

На этапе смены ценностей, приоритетов ломается сплоченность людей, меняются ориентиры у молодежи, нивелируются стремления старшего поколения, происходит разрушение общепринятых в социуме норм моральных и этических. Все это неизбежно привело к потере национальной самоидентификации и ее ценности в целом, как следствие, происходит падение самооценки населения, теряется преемственность поколений в сфере культуры. Исчезновение заинтересованности в повышении национальной культуры в современном социуме, падение уровня культуры в целом принимает все более ужасающий характер. [17]. Грамотное противостояние всеобщей духовной и культурной деградации может заключаться в поддержании и соблюдении исконных норм духовности,

нравственности, возвращение к истокам, так же и языковым. По этим причинам на сегодняшний день огромное значение имеет аксиологический подход к изучению и преподаванию русского языка.

Цель исследования: определить значение аксиологического подхода к преподаванию русского языка, выявить оптимальные приемы, с помощью которых возможно донести до учащихся мысль об ответственности каждого за сохранение самобытности, богатства и чистоты родного языка.

Аксиологические методы в преподавании русского языка подразумевают формирование у школьников и студентов мнения о родном языке как о национальном богатстве и достоянии. В 60-е годы XX века Р. Питерс выделил критерии образования и первым назвал именно ценности, потому что образовательный процесс – это передача именно важного, значимого материала, который наделен ценностью [14, с. 66]. По определению В.А. Слостенина, ценности представляют собой специфические образования в структуре индивидуального сознания, являющиеся идеальными образцами и ориентирами деятельности личности и общества [16, с. 100]. Переоценка ценностей происходит в моменты соприкосновения человека и общества. А ценности, видоизменяясь в силу индивидуальных особенностей, личного жизненного опыта, становятся частью личности в форме ценностных ориентиров. Иными словами, суть аксиологических методов обучения заключаются в том, чтобы способствовать приобретению и формированию у обучающихся определенных ценностей, которые обеспечат полноценное развитие личности.

Автор комплекса по русскому языку С.И. Львова обозначила, что «аксиологический подход в образовании способствует духовно-нравственному воспитанию детей, развитию у них стремления к совершенству через познание

ценностей отечественной культуры, помогает реализовать творческий потенциал личности, способность к самореализации и самоопределению в мире ценностей, создает условия для успешной социализации личности в современной жизни» [11, с. 444].

Аксиологический подход к преподаванию русского языка на сегодняшний день является приоритетным, потому как формирование у обучающихся ценностного понятия о родном языке приводит к росту национальной самоидентификации индивида и предусматривает обучение языку как незыблемой ценности, достоянию народа через связь с историей культуры и языка. Уровень владения языком формирует мнение о человеке, о его образованности, уровне культуры. Д. Дейкина говорит, что «в преподавании русского языка чрезвычайно важны те содержательные аспекты, которые идут от истории и культуры страны изучаемого языка и обогащают духовно-нравственный мир личности. В наши дни они должны быть заново и заинтересованно осмыслены и творчески осуществимы, ведь качество языкового образования тем выше, чем богаче культурная среда обучения» [7, с. 9].

Если говорить о компетентностном подходе к обучению, аксиологическая направленность обеспечивается, прежде всего, формированием культуроведческой компетенции, благодаря которой обучающийся способен осознать родной язык как способ выражения аутентичной культуры, понять связь истории и языка своего народа, освоить нормы речевой этики, культуру международной коммуникации, объяснить семантику слов с национально-культурным компонентом.

Формированию именно культуроведческой компетенции уделяется много внимания. Так, например, Е.А Быстрова, считает, что для данной цели нужно «не предполагаемое сегодня в учебниках эпизодическое знакомство с высказываниями о богатстве, выразительности

русского языка, а создание определенной системы, раскрывающей феномен отечественного языка как одной из значимых ценностей русского народа» [5, с. 9]. При формировании такой системы необходимо понять спектр ценностных ориентиров и способы их внедрения. С.И. Львова, Л. И. Новикова, Н. Л. Мишатица, Л. А. Ходякова предложили выбирать ценностно важные компоненты – концепты, на их основе необходимо формировать мировосприятие обучающихся [11; 23; 13]. Концепт наделен неким особенным свойством для выражения ментальности народа: возможностью копить в себе итоги дискурсивного мышления в их образно-оценочном и ценностно-ориентированном представлении [1, с 115-116].

Концептуальные исследования показывают, что подсознание личности обращается в первую очередь к прецедентным словам. В данном вопросе необходимо согласиться с мнением Ю. А. Сорокина, который считает прецедент показателем ментальности. Определение «прецедентный текст» впервые находим у Ю. Н. Караулова, а позже встречаем у Г. Г. Слышкина, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Н. Д. Бурвиковой [18; 9; 6]. Прецедентные тексты являют собой слова и выражения, имеющие значение для определенной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, которые имеют сверхличностный характер, привычные и известные окружению человека и такие, к которым личность обращается неоднократно в процессе коммуникации [8, с. 216].

Д.Б. Гудков, В.В. Красных считают обращение к прецедентным текстам обоснованным, потому как они знакомы всем носителям языка; имеют устойчивый инвариант восприятия и служат образцом художественных текстов в целом [6; 9].

Восприятие прецедентных феноменов носителями одного языка может различаться. Нельзя отрицать существование связи: символ прецедента -инвариант

восприятия. Кроме того, прецедентные тексты отсылают коммуникантов к фоновым знаниям, которые появляются у человека в процессе познания и освоения мира. Фоновые знания представляют собой «ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека» [10, с. 11]. Формирование подобных знаний и связей является основной задачей изучения прецедентных феноменов на уроках русского языка в школе.

С целью исследования данного вопроса нами был проведен анализ психолингвистических особенностей видения прецедентных феноменов учащимися 9 классов и разработана система, которая включает в себя вопросы и задания. Данная система актуализирует в сознании обучающихся информацию о прецедентных феноменах. В процессе диагностики помимо желаемых данных мы выполнили обучающую функцию, потому как задания составлены так, что они дают ученикам дополнительные культуроведческие знания: пословицы, поговорки, устойчивые выражения, связанные с историческими событиями и особенностями быта Древней Руси, русские слова, которых нет в других языках мира. Более того, выполнение предложенных заданий является еще и контролем, потому как выявляет наличие определенных знаний, умений. В процессе выполнения заданий актуализируются знания о культуре своего народа. В конечном итоге предложенные задания выполняют воспитательную функцию, наталкивая обучающихся на размышления об отношении к русской культуре.

Участниками эксперимента стали 30 учащихся 9 классов общеобразовательной школы г. Молодогвардейска. При обработке результатов диагностического комплекса выявлено, что абсолютное большинство учащихся имеют крайне низкий уровень восприятия прецедентных феноменов.

Учащиеся 9 классов относительно успешно справились с первым заданием, однако далеко не все смогли правильно указать, какие животные в русской культуре символизируют упрямство, лень, подлость. Крайне малое количество учащихся смогли объяснить прецедентные высказывания и указать их источник. Задание, в котором нужно было продолжить пословицы и объяснить их значение, оказалось для многих учеников непосильным.

В заданиях 5-7 школьникам предлагалось не только выделить прецедентные феномены, но и оценить уместность/неуместность использования найденных выражений в данных контекстах. В задании 8 информантам были предложены трансформированные (переименованные) журналистами прецедентные высказывания с просьбой восстановить их первоначальную форму. Участникам эксперимента следовало также предположить, чему были посвящены статьи, из которых извлечены данные выражения.

Результаты проведенного эксперимента показали, что в отношении прецедентных высказываний литературного происхождения процесс узнавания зачастую ограничивается обобщенным уровнем и не переходит на уровень дифференцированный. Другими словами, информанты видят и узнают в текстах немаркированные цитаты, но затрудняются с указанием их источника.

Таким образом, формирование культуроведческой компетенции следует осуществлять с помощью аксиологически ориентированного дидактического материала - художественных текстов, русских народных пословиц, поговорок и прецедентных феноменов, определяющих особенности национальной ментальности. Данная компетенция предполагает способность учащихся к лингвоэстетическому анализу, т. е. узнаванию и пониманию национально-культурных компонентов в семантике слов культуроведческих текстов лингвистического и экстралингвистического содержания. Главная цель подобного

обучения - донести до учащихся мысль об ответственности каждого за сохранение самобытности, богатства и чистоты родного языка.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

2. Бабунова Е.С. Место культуры и ее этнических функций в этнокультурном образовании [Текст] / Е.С. Бабунова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №3. – С. 221–228.

3. Куликова Л.Н. Взаимопонимание субъектов педагогического процесса [Текст] / Л.Н. Куликова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №2. – С. 166–180.

4. Ахметова М.Н. Факторы становления субъектности учащихся в диалоговых отношениях обучения литературе [Текст] / М.Н. Ахметова // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №2. – С. 228–240.

5. Быстрова Е.А. Аксиологический подход в преподавании русского языка в современной школе [Текст] / Е.А. Быстрова // Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка (профессиональный и общеобразовательный уровни): Материалы Международной научно-практической конференции (19–20 марта 2009) / науч. ред. и составление: д. пед. н., проф., зав. кафедрой методики преподавания русского языка Дейкина А. Д.; д. пед. н., проф. Еремеева А. П.; д. пед. н., проф. Ходякова Л. А.; к. пед. н., доцент Янченко В. Д. – М.: МПГУ, Ярославль: РЕМ ДЕР 2009. – С. 7–9.

6. Гудков Д.Б. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории [Текст] / Д.Б. Гудков // Актуальные проблемы языкознания. Сборник работ молодых ученых фил. ф-та МГУ им.

М.В. Ломоносова. – Вып. 2. – М.: Изд. МГУ, 1998. – С. 169–177.

7. Дейкина А.Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка [Текст] / А.Д. Дейкина. – М., Оренбург: ООО «Агентство «Пресса», 2009. – 308 с.

8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

9. Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации [Текст] / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

10. Кузьминская С.И. К вопросу о трансформационном характере использования воспроизводимых словесных комплексов в текстах массовой культуры [Текст] / С.И.Кузьминская // Язык и межкультурная коммуникация. – Майкоп, 2004. – № 1. – С. 11.

11. Львова С.И. Аксиологические основы современного школьного курса русского языка [Текст] / С.И. Львова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр.: вып. 4 / сост., отв. Ред. Т. В. Симашко. – М., Архангельск, 2009. – С. 444–448.

12. Милинис О.А. Личностная парадигма формирования ценностных ориентаций будущих педагогов [Текст] / О.А. Милинис // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 11. – С. 119–122.

13. Мишати́на Н.Л. Лингвокультурологический поход к развитию речи учащихся VII–IX классов: дис. канд. ... пед. наук: 13.00.02 [Текст] / Н.Л. Мишати́на. – СПб., 2000. – 223 с.

14. Национальная доктрина развития образования до 2025 г. – Режим доступа: <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm> (дата обращения 01.02.2021).

15. Беловолов В.А. Образование и культура в развитии современного общества [Текст] / В.А. Беловолов // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 1. – С. 28–39.

16. Новикова Л. И. Культуроведческий аспект обучения русскому языку в 5-9-х классах как средство постижения учащимися национальной культуры: дис. ... д-ра пед. наук: 13. 00. 02. [Текст] / Л.И. Новикова. – М., 2005. – 515 с.

17. Слостенин В.А. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / В.А. Слостенин, Г.И. Чижакова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

18. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.

19. Трапицына О.Г. Формирование гуманистических принципов старшеклассников на уроках литературы [Текст] / О.Г. Трапицына // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 3. – С. 187–192.

20. Ходякова Л.А. Культурный концепт как смысловая ценность текста [Текст] / Л.А. Ходякова // Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка (профессиональный и общеобразовательный уровни): Материалы Международной научно-практической конференции (19-20 марта 2009) / Науч. ред. и составление: д. пед. н., проф., зав. кафедрой методики преподавания русского языка Дейкина А. Д.; д. пед. н., проф. Еремеева А. П.; д. пед. н., проф. Ходякова Л. А.; к. пед. н., доцент Янченко В.Д. – М.: МПГУ, Ярославль: РЕМДЕР 2009. – С. 17–20.

21. Яковлев С.В. Аксиология как методологическая основа общей теории воспитания [Текст] / С.В. Яковлев // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 1. – С. 28–39.

УДК 811.161.1'374'373.7'33:004
**СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Калюжная М.А.,
магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

Аннотация: *Рассматриваются проблемы формирования умения учащихся пользоваться словарями, возможности введения практического курса на уроках русского языка в развитии умений работать с современными лингвистическими словарями для формирования познавательного интереса школьников.*

Ключевые слова: *словарь, типы словарей, подготовка учителя, орфографический словарь, упражнение, познавательная деятельность, игра, игровая технология.*

Abstract. *Examines the problems of forming the ability of pupils to use dictionaries, the possibility of introducing a practical course in the lessons of the Russian language in the development of skills to work with modern linguistic dictionaries to form a cognitive interest in students.*

Keywords: *dictionary, types of dictionary, teacher's training, orthographic dictionary, exercises, cognitive activities, game, game technology.*

Применение словарей, умение работать с ними – это одно из требований ФГОС НОО. В современной школе необходимо работать с разными словарями – толковыми, словообразовательными, орфографическими, синонимов и антонимов, фразеологическими и др. Систематическое использование этих словарей способствует развитию познавательного интереса, осознанию учащимися своей этнической принадлежности, знанию истории, языка, культуры и наследия своего народа.

Современному человеку важно уметь пользоваться словарями, потому что ежедневно на него через СМИ и

Интернет обрушиваются потоки информации, причем самой разнообразной: актуальной, полезной, правдивой и устаревшей, ненужной, недостоверной. Теперь учитель должен на каждом уроке предусмотреть работу со словарями русского языка, учить детей находить в них нужную информацию, проверять результаты своей деятельности [12]. О степени выражения познавательного интереса можно узнать по эмоциональному отношению школьника к изучаемому предмету. Л.С. Выготский пишет: «Интерес – как бы естественный двигатель детского поведения, он является верным выражением инстинктивного стремления, указанием на то, что деятельность ребенка совпадает с его органическими потребностями. Вот почему основное правило требует построения всей воспитательной системы на точно учтенных детских интересах» [2, с. 116].

Проблема формирования умения пользоваться словарями нашла свое отражение в работах, посвященных обучению русскому языку учащихся как начальной, так и средней школы. В научной литературе проблема обучения школьников пользованию лингвистическими словарями рассматривалась в аспекте формирования у учащихся общеучебных умений (Н.М. Лаврова, И.В. Осипова, Н.П. Пикалова), лексикографической компетенции (М.Л. Кусова, С.В. Плотникова, В.Д. Черняк), определения принципов составления учебных словарей разных типов (А.А. Бондаренко, И.В. Гуркова, В.В. Репкин, Н.А. Шестакова и др.). Исследователями определена структура умения пользоваться словарями и педагогические условия его формирования у школьников, однако научные исследования в этой области пока не нашли полноценного методического воплощения.

Создание учебного словаря, словаря для школьника – это серьезная лингвистическая проблема, которой занимались и продолжают заниматься ведущие ученые: Д.Н. Ушаков, С.Е. Крючков, А.Н. Тихонов, П.А. Грушников, З.А. Потиха,

М.Р. Львов и др. Профессор М.Р. Львов подчеркивает, что цель издания словарей для учащихся – снабдить их справочной литературой по языку, тем самым повысить уровень их самостоятельной работы, обеспечить доброкачественным, отобранным языковым материалом. Это должен быть языковой материал, который будет способствовать развитию и формированию культуры речи, материал для размышлений, наблюдений, раздумий над загадочным и удивительным русским языком [10, с. 190].

Для современных школьников выпущено богато иллюстрированное издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Как написал в предисловии художник и составитель этого словаря Ю.М. Медведев, В.И. Даль не только показал во всей красоте и выразительности живое русское слово, но фактически создал энциклопедию быта, нравов, обычаев, ремесел, игрищ и обрядов прошедших столетий. Словарь В.И. Даля – не просто словник, а история русского народа, воплощенная в словах, пословицах, поговорках, песнях, преданиях [8]. Читатель узнает не только значения старинных слов «остожье», «посох», «адамант» и многих других, но и видит изображения предметов на картинах знаменитых художников – В.М. Васнецова, И.Я. Билибина, В.Е. и К.Е. Маковских, Б.М. Кустодиева и др. У читателей есть возможность рассмотреть на рисунках уникальные вещи, принадлежащие царской семье, великим князьям и духовным лицам: зеркало царя Михаила Федоровича, шлем великого князя Александра Невского, старинные латы, обувь. На картинах предстают кулачные бои, пляски скоморохов, народные забавы, костюмы, герои былин и преданий. Использование словарей различной направленности целесообразно и в проектной деятельности. В качестве примера предлагаем исследовательский проект «Тайна моей фамилии» в рамках изучения темы «Написание имен собственных» в период

обучения грамоте УМК «Планета знаний», проводимый в 1 классе.

Как правило, выпускники школ привыкли работать с двумя типами словарей – орфографическим и толковым. Поэтому следует знакомить учащихся с основами лексикографии, ее историей, достижениями и перспективами, а также с ее главными понятиями. С этой целью в школах можно организовать курс или отвести время внеурочной деятельности «Словари русского языка» или «Уроки языкознания для школьников», отводя на них примерно 30 – 45 минут в зависимости от уровня группы и включая в их содержание: раскрытие многообразия словарей и привитие навыков их систематического применения; объяснение важности словарей для исторического самопознания и описания народа; представление словарей множества народов; раскрытие словарной организации Интернета, словарно-энциклопедического способа представления информации, массового авторства словарных статей в нем; организацию выставки словарей и энциклопедий; проведение экскурсий по соответствующим разделам библиотеки, рассказ о многообразии словарно-библиографического описания мира как книги или библиотеки. Также можно обратить внимание на развитие терминологии, роль энциклопедий и словарей в разных отраслях современной науки и техники; отметить продуктивную роль словарного мышления в художественной литературе; выделить новый, быстро развивающийся жанр проективных словарей [13]. Умению работать со словарем надо учить. Оно основывается на знании типологии языковых словарей; представлении о современном русском языке и его нормах и вариантности норм, о нарушениях норм литературного языка; навыках обнаружения и квалификации языкового явления, требующего обращения к словарям, использования справочной литературы в соответствии с назначением, быстрого ориентирования в структуре словарной статьи [6].

Для этого выполняются следующие упражнения со старшими школьниками:

1) поиск в каком-либо словаре только устаревших, разговорных или просторечных слов на букву А; несклоняемых слов на букву Б; слов общего рода на букву З. Вопрос: на какую помету вы будете ориентироваться? 2) изучение данной словарной статьи. Вопрос: какую информацию о слове она содержит? составление схемы словарной статьи; 3) сравнение словарных статей одного и того же слова, представленных в разных словарях. Вопросы: что в них общего? чем они отличаются? которая из данных словарных статей дает, на ваш взгляд, наиболее полную информацию о слове и его употреблении? 4) составление словарной статьи для данного слова с подбором предложений или словосочетаний, иллюстрирующих различные значения и сочетаемость этого слова; 5) составление «словообразовательного гнезда» для указанного слова и др. Словари относятся к информативной литературе, их язык предполагает использование особой техники чтения, так как известно, что разные типы текстов требуют разных способов чтения, разных стратегий получения информации. Просмотровое чтение, сканирование, которым следует обучать старших школьников [5, 6], работа над структурой словарной статьи, овладением условными знаками словаря как специальные задания на дополнительных занятиях или уроках русского языка не только развивают познавательный интерес и умения работать со словарем, но и являются средством обучения русскому языку.

С младшими школьниками для освоения работы со словарем следует внедрять игровую технологию, кроссворды, работу в парах/группах, выполнение заданий на скорость, творческие задания (составить предложения, придумать текст и т.д.). По мнению В.В. Петрусинского, «игра является формой психогенного поведения, то есть внутренне присущего, имманентного личности» [11, с. 31]. Игру как

пространство «внутренней социализации» ребенка и средство усвоения социальных установок представлял себе Л.С. Выготский [4, с.180]. А.Н. Леонтьев охарактеризовал это понятие, как свободу личности в воображении, «иллюзорная реализация нереализуемых интересов» [9, с. 93]. На наш взгляд, наиболее полное определение представлено у Ш.А. Амонашвили: «Игра – это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складываются и совершенствуется самоуправление поведением» [1, с. 20].

Примером таких упражнений могут быть:

Игра «Эстафета». Напиши правильно. *Стюарде...а, гри...аса, инте...игенция, а...ликация, су...огат, а...улировать, ко...ерсант.* Самостоятельно проверьте правильность написания в словаре.

Игра «Диктор». Расставь ударения, произнеси правильно. *Диспансер, хаос, партер, договор, тефтели.*

Игра «Определи словарь!» «Мама предложила мне биточки, фрикадельки, винегрет, чай, какао. Но я съел бутерброд, торт и выпил чашку кофе с сахаром».

Игра «Кто быстрее?» Выпишите из словаря синонимы к словам *доброта, совесть, любовь, авторитет* и другие.

Игра: «Угадай слово». Учитель читает лексическое значение слов, а учащиеся записывают эти слова в тетрадь.

Кроссворд – разгадывание слов, используя их лексические толкования.

Сегодня перед учителями русского языка встает новая задача познакомить учащихся с существующими электронными словарями и справочниками, в том числе в сети Интернет, а также научить их работать с такими словарями более эффективно. Необходимо разработать соответствующие упражнения для закрепления навыков работы с электронной справочной литературой.

Таким образом, система в словарной работе состоит в том, чтобы слово было школьником правильно воспринято в

тексте, понятно со всеми его оттенками, усвоено, то есть вошло бы в его словарь и воспроизводилось в нужных контекстах, чтобы оно прошло через специальные упражнения, в которых углубляется его понимание, усваивается его сочетаемость, подготавливается его употребление, и наконец, чтобы оно было употреблено школьниками самостоятельно в собственных высказываниях.

Отметим, что эффективности работы со словарями на уроках русского языка способствует разнообразие видов деятельности на разных этапах урока, внеклассная работа, которая является неотъемлемой частью всего учебно-воспитательного процесса. Продолжая и подкрепляя классные занятия, она в то же время отражает присущую только ей специфику в содержании, организационных формах, методах и приемах реализации, стоящих перед нею задач. Эффективность образования зависит от умения учителя активизировать и развивать образное мышление детей, их интересы, склонности, творческие возможности на различных этапах учебной деятельности, будь то урок литературы, русского языка или внеклассной работы.

Литература

1. Амонашвили Ш.А. В школу с шести лет. Педагогический поиск / Ш.А. Амонашвили, И.Б.Баженова. – М. : Педагогика, 2000. – 165 с.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Л.И. Божович. – М. : Педагогика. 2007. – 324 с.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М. : Педагогика, 2001. – 408 с.
4. Галлингер И.В. Когда и как «работают» словари на уроках русского языка / И.В. Галлингер // РЯШ. – 1990. – №5. С. 5–14.
5. Галлингер И.В. О работе со справочной литературой на уроках русского языка в IV– VI классах / И.В. Галлингер // РЯШ. – 1986. – №2. – С. 24–30.

6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современное написание / сост. Ю.М. Медведев. – М. : АСТ, 2014. – 420 с.
7. Леонтьев В.Г. Формирование учебной деятельности обучающихся: Межвуз. сб. науч. тр. / В.Г. Леонтьев. – Новосибирск: НГПИ, 2005. – 134 с.
8. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка / М.Р. Львов. – М. : Просвещение, 1988. – 240 с.
9. Петрусинский В.В. Игры для интенсивного обучения / В.В. Петрусинский. – М. : Прометей, 2005. – 285 с.
10. Требования к уровню подготовки выпускников. Обязательный минимум содержания образования. Сборник 1. Начальная школа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/rub/standart/mp/ (дата обращения 10.02.2021).
11. Эпштейн М. Навстречу словарному празднику // Культура письменной речи. Русский язык. 01.11.2008. 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.50&PHPSESSID=5D6ac4bfc1797962de7009d71362a2ca/> (дата обращения 10.02.2021).

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81`276.3-055.6

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

Протазюк А.И.,

преподаватель гуманитарных дисциплин,
Обособленное структурное подразделение
Политехнический колледж ЛГАУ, г. Луганск

Аннотация. Современный молодежный жаргон справедливо занимает важную ветвь в современной русистике, являясь живым продуктом отображения действительности глазами подрастающего поколения. В статье представлен практический материал, разработанный совместным трудом практикующего преподавателя и представителей молодежной среды, касательно выявления, толкования и этимологического анализа.

Ключевые слова: жаргон, молодежный жаргон, языковая парадигма, современная языковая ситуация, результат педагогической деятельности, толкование, этимологический анализ.

Abstract. Modern youth jargon rightly occupies an important branch in modern Russian studies, being a living product of the reflection of reality through the eyes of the younger generation. The article presents practical material, developed by the joint work of a practicing teacher and representatives of the youth environment, regarding the identification, interpretation and etymological analysis.

Keywords: jargon, youth jargon, language paradigm, modern language situation, the result of pedagogical activity, interpretation, etymological analysis.

В рамках современной языковой ситуации молодежь слишком легко прибегает к заимствованию, синтезированию собственной среды и использованию атрибуции, которая часто не присуща ее ментально-культурному пространству. Не является исключением и явление «жаргона», «молодежного жаргона» в речевом потоке современного

поколения, проблема которого является актуальной уже не одно десятилетие.

Поскольку содержание термина «жаргон» довольно широкое, то стоит привести некоторые определения данного языкового явления, вычленив наиболее актуальные его положения. Классическое определение толкового словаря Ушакова Д.Н. представляет жаргон как 1) то же, что аргю. Школьный жаргон; 2) ходячее название какого-нибудь местного наречия, представляющегося говорящему на литературном языке испорченным, тем самым определив сам термин аргю как профессиональное слово или выражение [3, с. 205]. С течением времени, со сменой поколений, которые, безусловно, ведут за собой трансформацию языковых норм, имеет место видоизменение классического толкования. Определить жаргон как наречие можно лишь, рассматривая проблему молодежного жаргона в контексте группового явления, но не масштабного его проявления, где одна языковая форма может существовать в кругу определенных лиц, представляющих молодое поколение. И отождествлять жаргон и профессионализм также уже не всегда является возможным в сфере множества научных исследований и наблюдений. Большой Энциклопедический словарь под ред. Прохорова А.М. представляет понятие жаргон (франц. jargon) как социальную разновидность речи, отличающуюся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией [1, с. 532]. Молодежный жаргон также характеризуется как особым набором лексических единиц, так и спецификой их значения. Носители – это социально-демографическая группа в составе народа, которую объединяет, прежде всего, возраст [2, с. 28]. Иногда термин «жаргон» применяется для обозначения искаженной, неправильной речи. Данное определение в процессе исследования вычленяется как наиболее близкое, т.к. классифицируется вне понятий аргю, наречия и профессионализма, подчеркивая тем самым уникальность

своего явления в виде разновидности речи, искаженности, ее неправильности, ненормированности.

Если рассматривать язык как средство выражения, которое отражает культурно-исторический фон каждой эпохи и, как правило, максимально близкой и понятной только людям, живущим в эту эпоху и даже самый малый промежуток времени в несколько лет, то также можно и определить сам жаргон как неизбежную составляющую современной молодежи. А исследователи в свою очередь непрерывно стремятся систематизировать, классифицировать, только успевать изучать, исследовать и никогда, в сущности, не понять той природы молодежного жаргона настолько, как сами его носители.

Само исследование является продуктом педагогической деятельности, внимательным наблюдением за использованием студентами языковых норм, их трансформацией, исследованием этимологического значения. Также важным является преподнесение молодому поколению исконного значения употребляемых ими форм, т.к. толкование иногда может быть открытием, как для преподавателя, так и для носителя современной языковой культуры.

Наблюдение и исследование дает возможность утверждать, что языковая парадигма современного молодежного жаргона способна видоизменяться каждый год и непрерывно пополнять свой фонд.

2016-2018 года представляют собой следующий ряд современных жаргонных слов, которые дополняются толкованием языковых форм: *дисс* – текст, выражающий негативное отношение к конкретному человеку, от английского *disrespect* – «неуважение»; *изи* – легко, просто, элементарно, использование английского слова *easy*; *краш* – человек, к которому испытывается чувство влюбленности, от английского *crush* – «пылкая любовь»; *кринж* – стыд за другого человека, от английского *to cringe* – «содрогаться от

стыда»; *рофл* – неудержимый смех, русская транскрипция аббревиатуры *rolling on the floor laughing* – «катаюсь по полу от смеха»; *скилл* – навык, умение, от английского *skill*. Чаще всего используется среди игроков в компьютерные игры; *спиннер* – небольшая игрушка-антистресс, представляющая собой зажимаемую между большим и указательным пальцами вертушку с тремя лопастями; *хайп* – шумиха в интернете, от английского *to hype* – «раздуть»; *чилить* – отдыхать, тусить, русифицированная форма английского *to chill* – «прохлаждаться»; *шинперить* – говорить или считать, что некие люди состоят в романтических отношениях, когда это не так. От сокращенной формы английского слова *relationship* – «отношения».

Источником распознавания, выявления в рамках исследования послужила молодежная среда: СМИ, общение, комметарии в социальных сетях, использование непосредственно молодежью современных неологизмов. Современными обучающимися в формате творческого задания с большим удовольствием реализуется проектная работа по современному жаргону: выявить, найти толкование, обосновать с научной точки зрения, что способен реализовать преподаватель. Вся работа воедино дает возможность по-новому молодежи взглянуть на используемые ими языковые обороты. Большинство из них являются новыми, а анализ и исследование имеет непрерывный характер. Материалом исследования также могут быть фильмы, компьютерные игры, блогеры, современные книги – все то, чем живет молодое поколение.

2019-2020-е года обогатили языковую сокровищницу русского языка следующими формами современного жаргона, как *ауф* – выражение высшего восхищения чем-либо, синоним слова «класс»; *бумер* – любой человек от 30 лет, кто поучает. Сокращенное от английского *baby boomer* – «человек, родившийся в эпоху беби-бума»; *вайб* – особая атмосфера какого-то места или настроение от общения с кем-

то конкретным, от английского *vibe*; *вислово* – место, куда можно пойти оторваться. Ушло в массы после появления одноименной песни популярной группы «Время и Стекло»; *локдаун* – изоляция, блокировка, от английского *lockdown*; *падра* – сокращенный вариант слова «подруга», впервые появилось в песне исполнителей Miyagi & Andy Panda; *сяб* – выражение благодарности, сокращенное слово «спасибо»; *флейм* – словесная перепалка в интернете со взаимными оскорблениями, от английского *flame* – «пламя»; *швенс* – нечто новое, свежее. Ввел в обиход рэпер GONE.Fludd.

Наконец, начало 2021 годов ознаменовано появлением языковых конструкций, которые расширили горизонты молодежного жаргона последующими примерами: *крипово* – страшно, мерзко, ужасно, от английского *creepy* – вызывающий мурашки; *рэндом* – случайность, от английского слова *random*, которое переводится как «случайный». Также можно встретить и прилагательное «рандомальный»; *факап* – неудача, провал, поражение, от английского *fuck up* – «проиграть», «провалиться». Как правило, факап – это не просто досадная ошибка и неудача, а нечто масштабное, сравнимое с полноценным провалом, крахом; *ЭйчАр* – специалисты в области управления персоналом (менеджеры по персоналу, рекрутеры, специалисты по оплате труда, бизнес-тренеры), от английской аббревиатуры HR (**эйчар**), что стала синонимом профессиональной специализации.

Имеют место и прямые переводы слов, употребляемые в англоязычном эквиваленте, подразумевая его лексическое значение: *кейс* – случай; *рофл* – шутка; *рисерч* – исследование; *таргет* – цель; *скилл* – навык; *инкам* – доход; *фикс* – исправление, *roadmap* – план.

Помимо конструкций англоязычного происхождения, свое почетное место занимает молодежный жаргон, который имеет происхождение из восточных культур. Японская и китайская нация, охватив технологический процесс,

представили исключительный продукт комиксов, кинематографа, игровой продукция, которые непосредственно сосуществуют с весомой частью молодых представителей. Впоследствии происходит перенимание элементов жаргона и внедрение в непосредственный обиход общения. Примером может послужить выявленные жаргонные единицы, подкрепленные толкованием и этимологическим анализом.

Косплей – термин, который придуман японским журналистом Такахаси в 1984 году после посещения конвенции Fiction World Science 1984 Worldcon в Лос-Анджелесе как контаминация двух слов: costume (костюм), произносящегося по-японски «косутюму», взяты первые две моры, к которым добавлено слово play (играть), «пурэ». Представляет собой значение игры, участники которой переодеваются в костюмы персонажей аниме, манги, комиксов и т.п., имитируя речь и характерные жесты выбранных ими персонажей.

Манга – дословно означает «гротески», «странные (или веселые) картинки». Этот термин возник в конце XVIII – начале XIX века с публикацией работ художников Канкэй Судзика «Манкай дзуйхицу» (1771 г.), Санто Кедэна «Сидзино юкикай» (1798 г.), Минва Аикава «Манга хякудзе» (1814) и в знаменитых гравюрах Кацусики Хокуса, издавшего серию иллюстрированных альбомов «Хокусай манга» («Рисунки Хокусая») в 1814-1834гг. Считается, что современное значение слова ввел мангака Ракутэн Китодзава. Понятие «манга» вне Японии изначально ассоциируют с комиксами, изданными в Японии. Так или иначе, манга и ее производные, помимо оригинальных произведений, существуют в других частях света, в частности на Тайване, в Китае и Гонконге их называют маньхуа, а в Южной Корее – манхва. Названия сходны потому, что во всех трех языках это слово записывается одними и теми же иероглифам. Во Франции, la nouvelle manga (с фр. – «новая манга») – форма комиксов,

созданная под влиянием японской манги. Комиксы в стиле манга, нарисованные в США, называют «америкманга» или OEL, от англ. original English-language manga – «манга англоязычного происхождения».

Совместное со студентами исследование, безусловно, будет иметь свое продолжение. Также общим трудом был создан словарь молодежного жаргона, который насчитывает более 150 лексем за временной промежуток 2019-2021 годов.

Можно классифицировать всевозможные причины трансформаций. В первую очередь, это, конечно же, американизмы, которые определили свою роль в начале 2000-х годов, оставляя существенный отпечаток в последующие годы. Но на сегодняшний день ситуация, можно с уверенностью сказать, предстает в больших масштабах и несет огромную угрозу в непопулярности родного языка для молодежи и замещением английскими прототипами русских слов. Беседуя со студентами, были названы причины и теории, что молодежный жаргон берет свои корни также и с окружающей среды: рекламы, СМИ, компьютерные технологии, которые в свою очередь также «грешат» в чрезмерном употреблении американизмов. Продукции товаров, рекламные щиты, техника также пестры на иноязычные заимствования, что дает повод о продолжении этой тенденции. Также важен тот факт, что для исследования необходимо максимально «погрузиться» в изучаемую тему, начиная от музыки, течений, трендов, комиксов, сериалов, субкультур. Именно заимствование способствует изменению языка. В современном русском языке довольно часто встречается иностранные слова, значение которых участники общения не всегда осознают и понимают. Причиной заимствования являются тесные экономические, политические, культурные и иные связи между народами.

Язык – это душа и культура народа. Молодежный жаргон также не является исключением, хоть и, возможно, в некотором плане может легко уступить художественной и

богатой литературной речи, но про него не стоит забывать. Трансформация языковых средств давно имеет свое место и нуждается в непрерывном исследовании, что может произойти в непосредственном общении с самими носителями молодежного жаргона.

Литература

1. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.
2. Уздинская Е.В. Семантическое своеобразие современного молодежного жаргона / Е.В. Уздинская // Активные процессы в языке и речи. – Саратов: Саратовский университет, 1991. – С. 28.
3. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

УДК 332.146.2

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Тытюк В.А.,
магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

***Аннотация.** В данной статье рассматривается сленг как языковое явление, его особенности, причины появления. Поднимается вопрос о применении сленга как проявления речевой агрессии. Устанавливаются виды агрессии, её сущность и причины распространения в среде молодого поколения.*

***Ключевые слова:** жаргон, ненормативная лексика, молодежный сленг, речевая агрессия, нетерпимость.*

***Abstract.** This paper examines the linguistic phenomenon called "slang", its features, and the reasons for its appearance. The question of the use of slang as a manifestation of speech aggression is also raised. The types of aggression, its essence and the reasons for its spread among the younger generation are established.*

Keywords: *jargon, profanity, youth slang, verbal aggression, intolerance.*

Тема исследования предполагает изучение проблемы, с которой столкнулся наш родной язык на современном этапе развития: обилие сленговых выражений в речи современных подростков. Как оказалось, сленг стал неотъемлемой составляющей общения подростков в конце прошлого века; в сегодняшнее время молодежь вообще не представляет свою речь без него, а некоторые вообще не различают общепринятую лексику и сленг, поскольку сленг за столь краткий период времени вьелся в наш язык. Важно то, что с каждым годом сленг, с помощью которого выражается и речевая агрессия, всё активнее развивается и всё чаще используется в речи.

На сегодняшний день молодежный сленг распространён до такой степени, что его изучение видится актуальным.

Цель статьи: изучение речевой агрессии, проявляемой в сленге современных подростков.

Первоначально сленгом назывались исключительно иноязычные слова, но в дальнейшем сфера употребления этого слова была расширена.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой даны два определения термина «сленг»:

1. Разговорный вариант профессиональной речи.
2. Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску [2, с. 420].

На проблему выделения или невыделения сленга из ряда других понятий у отечественных лингвистов существует несколько точек зрения.

И.Р. Гальперин в своей статье «О термине «сленг»», ссылаясь на неопределенность этой категории, вообще отрицает ее существование.

Его аргументация основана на результатах исследований английских ученых-лексикографов, главным образом на их опыте в составлении словарей английского языка, которые показали, что одно и то же слово в различных словарях имеет различное лингвистическое признание; одно и то же дается с пометой «сленг», «просторечие», или без всяких помет, что свидетельствует о соответствии литературной норме языка.

И.Р. Гальперин не допускает существования сленга в качестве отдельной самостоятельной категории, предлагая термин «сленг» использовать в качестве синонима – английского эквивалента *жаргона* [4, с. 107-114].

Молодёжная культура – это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от взрослого своей экспрессивной, порой даже резкой и грубой, манерой выражать мысли, чувства, неким словесным абсурдом.

Молодежный сленг — это скорее словотворчество, а не искажение, коверкание языка. Несмотря на то, что чаще всего слова дерзкие, грубые и им придается смысл, противоположный первоначальному значению, они весьма значимы для коммуникации в подростковой среде. Это подтверждается и тем, что сленг видоизменяется со временем, но не исчезает совершенно.

Молодое поколение стремится к краткости, так как именно в данный промежуток жизни стараются делать все быстрее, следовательно, и говорить быстро. Слова часто передают переживания, которые не известны и не понятны старшим, но естественны в среде подростков. Потому что часто непередадимы.

Все чаще общение детей со взрослыми и сверстниками носят агрессивный характер. Дети стали активными потребителями агрессивной продукции: мультфильмов, фильмов, комиксов, компьютерных игр и т.д.

Не секрет, что современное поколение зависимо от гаджетов. Полная компьютеризация, формирование

интернета и его развитие, свобода слова — всё это как раз и оказывает огромное воздействие на речь молодежи.

Ребята боятся выдать собственные эмоции и чувства по той причине, что даже самые раскованные чувствительны и застенчивы. Поэтому сленг ироничен, груб. Но самое важное, что сленг «закрыт» для посторонних, ясен только лишь для избранных. Это очень ценно для молодежи, которой присущи объединения в группы, компании и т.д.

Употребление подростками сленга тесно связано с особенностями подросткового возраста. Для этого возраста характерны несколько поведенческих реакций: группирование, эмансипация и оппозиции, имитации и подражания, компенсации, увлечения.

Так как сленг придает эмоциональность речи, и одной из главных причин употребления в речи является оппозиция между коммуникантами, можно сделать вывод, что реализацией в дискурсе речевой агрессии является употребление сленга молодежью.

Наше исследование демонстрирует, что речевой агрессии и молодёжному жаргону, как всякому аргю и шире — как всякому субъязыку, характерна некая размытость границ.

Агрессии и сленгу свойственно скорее семантическое остроумие, юмор. Более всего ценится удачная — порой мрачновато-абсурдная — игра слов: новое чувство — «прусть» или восклицание — «босхитительно» и т.д.

Сленгом молодое поколение нашего города подчеркивает свою индивидуальность и самостоятельность. Они пытаются жить своей жизнью, в которую не могут вмешиваться старшее поколение.

На одиннадцатый год жизни персональное сознание человека переходит в более сложное соединение центростремительных и центробежных тенденций. Наступает формирование антагонистического сознания, дети хотят отличаться от остальных, быть не как все. И корпоративное — «быть подобно своим». Таким образом, формируется

специфическая лексика подрастающего поколения, сейчас идет речь о сленге подростков, которые связаны едиными увлечениями, территорией, образом жизни.

Главное в этом языковом явлении – отход от повседневности, забава, ироничность, маска. Непринужденный и раскованный молодежный сленг старается уйти от унылого мира взрослых, учителей и родителей. Они говорят: *Хорошо!*, молодежь: *Круто! Классно! Клево!* Они: *Вот незадача!*, ребята: *Ну и облом, непруха!* Они: *Это слишком сложно!*, молодое поколение: *Не грузи меня!* Они в восторге, а ребята тащатся и торчат.

Следует отметить, что отношение к молодежному сленгу различно. Одни непримиримо враждебны к этому «обезьяньему языку», считают его чуть ли не главным злом для современной русской речи и призывают вести беспощадную войну с жаргоном. Другие, напротив, видят в них динамизм, выразительность, яркость словесных образов, чего порой не хватает обыденному языку. «Кто же прав?» – спрашивает Л.П. Крысин. И отвечает так: «Ни те, ни другие. Истина, видимо, лежит посередине: нельзя жаргон искоренить декретом, но не стоит и особенно восхищаться им: выразительность его однобока, набор средств мал» [5, с.43].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что молодежь использует жаргонизмы как бы забавляясь, не осознавая того, что эти жесткие слова усиливают, том случае даже когда говорящий этого не желает, отрицательный процесс; в том числе жаргонизмы даже в товарищеских отношениях снижают качество этих отношений. Основное в данном языковом явлении – отклонение от повседневности, забава, ироничность, маска, шифр. Непринужденный молодежный сленг всеми своими силами старается удалиться от унылого мира общества старших, родителей и преподавателей.

Можно сделать вывод, что в некоторых случаях в лексике и фразеологии молодежного жаргона выражается желание к языковой игре, к ироничности, стремление «зашифровки» собственного языка. Однако, как подтверждают наши наблюдения, это явление – скорее исключение, чем правило. В основном отмечаемый нами в речи молодежи сленг отличался стремлением показать себя взрослым, модным и особенным.

Литература

1. Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода / О.А. Анищенко. – СПб.: ФН, 2012. – 280 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.
3. Бандура А. Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура. – М.: Апрель, Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2010. – 508 с.
4. Гальперин И.Р. О термине «сленг» / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – №6. – С. 107–114.
5. Крысин Л.П. Язык в современном обществе. Книга для внеслассного чтения (8-10 классы) / Л.П. Крысин. – М.: Просвещение, 1977. – 280 с.
6. Лазебная И.Б. Способы выражения речевой агрессии в английском языке / И.Б. Лазебная // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. – 2016. – № 8. – С. 254–266.
7. Майданова Л.М. Агрессивность и речевая агрессия / Л.М. Майданова // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 391 с.
8. Речевая агрессия как вид эмоционального реагирования // Вестник МГОУ (серия «Лингвистика»). – №1. – М.: Изд-во МГОУ, 2014. – С. 45–49.

УДК 332.146.2

**РОЛЬ И ФУНКЦИИ СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)**

Подгорная Ю.В.,
магистрантка 2 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

***Аннотация.** В статье анализируются общие и различные тенденции развития новообразований в русском языке, источники его пополнения, определяется эволюция семантических характеристик сленговых единиц с течением времени. Акцентируется внимание на том, что сленг рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов литературного стандарта в разговорной речи в чисто стилистических целях.*

***Ключевые слова:** сленговая лексика, семантическое поле, лингвистика, просторечие, жаргонизмы, интернет-дискурс, метафоризация.*

***Abstract.** The article analyzes the general and various trends towards new formations in the Russian language, the sources of its replenishment, and determines the evolution of the semantic characteristics of slang units over time. The article focuses on the fact that slang is considered as a conscious, deliberate use of elements of the literary standard in colloquial speech for purely stylistic purposes.*

***Keywords:** slang vocabulary, semantic field, linguistics, vernacular, jargon, internet discourse, metaphorization.*

В настоящее время лингвистика углубленно изучает проблемы нестандартной речи, исследует ее особенности и характерные черты в связи с тем, что в современном языке наблюдается широкое распространение сленга. Сленг является, пожалуй, наиболее противоречивой частью нестандартной речи. Это одно из наиболее интересных явлений современной лингвистической науки.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа влияния социальных сетей на

молодежный сленг русскоязычного молодого поколения. Ведь самые различные сленговые выражения активно используются в современной языковой ситуации, они стали привычным средством коммуникации в речи людей разных возрастов, профессий и социального статуса, а социальные сети прочно вошли в жизнь современного общества.

Целью статьи является рассмотрение функционирования и словообразовательного характера сленговой лексики в социальной сети «ВКонтакте», а также анализ лексико-семантических характеристик русского молодежного сленга в социальной сети.

В современной лингвистической науке у понятия «сленг» нет своего однозначного определения, объема его составляющих, содержания и границ как одного из видов ненормативной лексики в лингвистической науке.

Позиции исследователей по отношению к сленгу разносторонние. Есть ученые, которые отрицают существование сленга как лингвистической единицы, опираясь на факт неопределенности этой категории. Например, мнение И.Р. Гальперина основывается на исследованиях английских ученых-лексикографов (Дж. Хоттен, С. Джонсон и др.), а точнее на их опыт в составлении словарей английского языка, который показал, что одни и те же слова в различных словарях имеют разные лингвистические признания, т.е. к примеру, одно и то же слово дается с пометой «сленг», «просторечие» или совсем не имеет помет, что говорит о принадлежности к литературной норме языка. И.Р. Гальперин не принимает сленг как отдельную самостоятельную категорию, предлагая использование термина «сленг» в качестве эквивалента жаргону [6, с. 107–114]. Другие исследователи рассматривают сленг в двух значениях: как синоним жаргона; как совокупность различных видов жаргона.

Современный толковый словарь русского языка определяет сленг как:

1. Речь социальной или профессиональной обособленной группы; жаргон.

2. Элементы речи, совпадающие с нормами литературного языка (обычно экспрессивно окрашенные) [9, с. 755]. В этом определении обозначены наиболее общие черты, которые характерны для данного раздела лексики, отличающие его от взаимосвязанных с ним разделов и от лексики литературного языка.

Так же есть трактовка сленга в отечественном энциклопедическом лингвистическом словаре:

1) равнозначно жаргону (главным образом в русской литературе по отношению к англоговорящим странам);

2) собрание жаргонизмов, которые составляют пласт разговорной лексики, которая в свою очередь отражает грубовато-фамильярное, а иной раз и юмористическую позицию по отношению к предмету речи. Сленг включает в себя слова и фразеологизмы, возникшие и изначально употребляемые в отдельных социальных группах, и отражает ценностную ориентацию этих групп. Элементы сленга скоротечно исчезают из употребления, либо включаются в литературные языковые нормы, что приводит к появлению тонких стилистических и семантических различий [1, с. 1].

Данное восприятие сленга отчасти перекликается с определением сленга, данным А.И. Смирницким. С точки зрения ученого, согласно происхождению, сленг в основном «являет собой лексику, которая свойственна одной ограниченной профессиональной, социальной или любой другой особой группе населения» [10, с. 201]. Так, слова, которые первоначально вошли в лексикон, неся грубую и вульгарную окраску, время от времени могут сохранять свой негативный смысл, однако при этом терять свою изначальную коннотацию: *grease* «есть» или *screw* и *hose* «быть несправедливым по отношению к чему-либо».

Каламбурный эффект резко возрастает в случаях, когда образуемое на основе созвучия с новое слово вступает в

игровое взаимодействие с исходным (*йожиться* – «заниматься йогой», *крышееды* – «кришнаиты»). Он может достигаться также за счет контаминации, когда два или даже больше слов накладываются друг на друга, например: *мозжечокнуться* – «сойти сума» (мозжечок+чокнуться), *стипенсия* – «стипендия» (стипендия + пенсия).

Также в данную группу можно отнести выражения *«афтар жжот»* (восхищение текстом), *«выпей йаду»* (неудовольствие), *«превед»* (привет), источник которых – широко распространенное в Интернете явление, известное под названием «олбанский язык», или «язык падонкафф», главные принципы которого – упрощение, сознательное искажение и аграмматизм, стали достаточно стереотипными.

Минимальными единицами смыслового наращивания обладают искажения фонетической или морфологической формы слова, в результате которых образуются сленгизмы, внешне похожие на определенные слова русского языка и в то же время в такой форме в последнем не употребляющиеся (*вечеруха* – «вечеринка», *депра* – «депрессия», *врубон* – «понятно», *азер* – «азербайджанец»). Однако в том случае, когда образуемые на основе созвучия с исходным словом замены совпадают по форме с каким-либо имеющимся в языке словом, возникает уже элементарное взаимодействие смыслов (*шпага, шпора* – «шпаргалка», *герой* – «потребитель героина», *химера* – «учительница химии»).

В современном молодёжном сленге встречаются все виды метафорического переноса, в основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов, например: звук: *вжикалка* – «матричный принтер»; форма: *трубы* – «широкие штаны»; физическое действие, занятие: *цирк на льду* – «веселье, дурачество»; размер, объём: *толстый* – «заслуживающий особенного уважения»; назначение: *вратарь* – «вышибала в ресторане, баре и т.д.

В данной работе мы рассмотрели предложения с примерами сленгизмов, которые встретили в развлекательных, юмористических группах, в современном интернет-дискурсе (на материале социальной сети «ВКонтакте») проанализировали их функционирование. Создали краткий словарь сленгизмов. Наиболее распространенные семантические поля:

– «Человек», пример предложения *«Я больше не буду заходить на этот форум, админы здесь просто ужасные»* (Админ – этот термин является сокращением от выражения «Администратор Сети» или «Системный Администратор» (*сисадмин*));

– «Внешность», пример предложения *«На данном мероприятии, ты выглядишь как новогодняя ёлка! Скромнее нужно быть!»* (Елка – человек разодетый, со множеством украшений: колец, цепочек, браслетов и т.п., пытающийся привлечь внимание окружающих);

– «Одежда», пример предложения *«Посмотрите, у этой дамы настоящие гладиаторы!»* (Гладиаторы – вид сандалий с большим количеством ремешков и веревочек на плоской подошве);

– «Жилище», пример предложения *«Хотели купить себе малосемейку, да не хватает средств»* (Малосемейка – малогабаритная квартира в здании, которое в прошлом было «общежитием малосемейного типа»);

– «Досуг», пример предложения *«Сегодня пойдём на агрессив инлайн»*. (Агрессив инлайн – экстремальный спорт на роликовых коньках, с использованием прыжков, катания по граням, перилам, парапетам и других трюков.) Основной его частью являются разные сокращения и производные от них, а также заимствования из других языков или фонетические ассоциации.

В связи с актуальностью темы в ходе проведенного исследования было установлено, что сленг характеризуется некоторой социальной ограниченностью, но не определенной

групповой, а интегрированной: он не имеет четкой социально-профессиональной ориентации, им могут пользоваться представители разного социального и образовательного статуса, разных профессий и т.д. Поэтому можно отметить такую черту сленга, как общеизвестность и широкую употребительность.

Таким образом, сленг рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов литературного стандарта в разговорной речи в чисто стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от общепризнанных образцов, для отражения определённого настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, краткости, образности.

Литература

1. Арапов М.В. Сленг / М.В. Арапов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 461–469.

2. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Асмус. – Челябинск, 2014. – 82 с.

3. Беляева Т.В. Нестандартная лексика английского языка / Т.В. Беляева, В.А. Хомяков. – Л.: Изд. ЛГУ имени А.А. Жданова, 1985. – 135 с.

4. Береговская Е.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Е.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – №3. – С. 41–45.

5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина // Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – 124 с.

6. Гальперин И.Р. О термине «сленг» / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – №6. – С. 320–325.

7. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. / И.Б. Голуб. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 442 с.

8. Гуральник Т.А. Особенности молодежного сленга в американском варианте современного английского языка / Т.А. Гуральник // Семантика и прагматика языка в диалоге культур. – Самара: Самарский госуниверситет, 1999. – С. 61–67.

9. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

10. Смирницкий А.И. Лексикология современного английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Редакционно-издательский совет филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 259 с.

УДК 811.161.1`276.3 – 055.6

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ДИГЛОССИИ

Коценко В.В.,
магистрантка 1 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию процесса формирования у современной русскоговорящей молодежи жаргона под влиянием диглоссии от английского языка. Результаты проекта можно использовать для более точного понимания лексики молодежи, составления словарей, посвященных проблеме диглоссии.*

***Ключевые слова:** диглоссия, двуязычие, жаргон, молодежный жаргон, сленг, лингвистика, родственные языки, английский язык.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the process of the formation of jargon among modern Russian-speaking youth under the influence of diglossia from the English language. The results of the project can be used for a more accurate understanding of the vocabulary of young people, compilation of dictionaries dedicated to the problem of diglossia.*

Keywords: *diglossia, bilingualism, jargon, youth jargon, slang, linguistics, related languages, English.*

Современная лингвистика, как отечественная, так и зарубежная, наблюдает процесс постепенного развития языка под влиянием социально-политических факторов. Взаимодействие различных государств и их обществ приводит к глобальным переменам в формировании современного языкового компонента – жаргона; изменяются общекультурные и общечеловеческие ценности, создаются новые субкультуры и группы. Всё вышеперечисленное приводит к образованию неологизмов, новых фразеологических частей в молодежной речи.

В нынешнее время изучение современного жаргона и сленга востребовано из-за процессов общественного развития молодежи, лингвокультурологического аспекта его взаимодействия с культурой речи, риторикой и лингвоэкологией. Всё вышепомянутое определяет **актуальность** нашей статьи.

Целью работы является рассмотрение способов формирования русского молодежного жаргона под влиянием диглоссии, сферы его применения в речи современного подростка.

Проблему формирования молодежного жаргона и межкультурную коммуникацию различных народов изучают следующие современные научные деятели: О.А. Анищенко, А.А. Бернацкая, М.А. Грачев, А.И. Марочкин, Н.О. Орлова, Н.В. Целепидис, О.В. Цибизова, Н.Л. Шамне и др. А вопросы развития диглоссии рассматривали: В.А. Аврорин, У. Вайнрайх, В.А. Виноградов, Л.Л. Звонская, Л.О. Ставицкая, Ч.А. Фергюсон, Ф.П. Филин и прочие.

Молодежное общество, по утверждению Н.В. Целепидис, является особым «социокультурным феноменом» и характеризуется такими элементами, как определенные ценности и ценностные ориентации, специфические нормы и образцы поведения участников

субкультурной группы, собственная статусная структура, источники информации и каналы коммуникации, определенный набор способов времяпрепровождения, вкусов и предпочтений, а также молодежная мода, жаргон и фольклор [6, с. 31].

При этом, в процессе изучения феномена жаргонной речи у молодого поколения, обнаруживаются спорные моменты, камни преткновения лингвистов. Таким камнем является лакуна и её неопределенность единым термином, что может позволить четко отличить её от других специфических лингвистических явлений, как диалект, жаргон, интернациональный жаргон и прочих. Из-за этого лакуну, употребляемую в речи современных подростков, зачастую определяют терминами молодежный жаргон или сленг, которые в отечественном языкознании уже приняты синонимичными.

Для более точного понимания сути нашей статьи следует отметить, что мы пользуемся термином «диглоссия» в интерпретации Ч.А. Фергюсона – это «относительно устойчивая языковая ситуация, при которой кроме диалектов того или иного языка существует также сильно отличающаяся строго кодифицированная и занимающая более высокое положение форма» [5, с. 326]. Диглоссия может образовываться при взаимодействии как родственных, так и неродственных языков.

Как пишет О.А. Анищенко, история молодежной речи «начинается с формирования лексико-фразеологического состава различных школьных жаргонов» [1, с. 108]. Это выражение отлично описывает ситуацию современного общества, в котором молодое поколение поглощают англоязычный материал, с которым тесно взаимодействует, обращает внимание на отдельные компоненты этого языка, его культуру. При таком контакте происходит ассимиляция языковых компонентов – усвоение отдельных частей; те компоненты иностранной речи, которые кажутся людям

более подходящими для самовыражения, заменяют привычные родные компоненты. Например, слова и производные от них *свэг* (от англ. *swag* – модный), *лайк/лайкать* (от англ. *like* – нравится), *дизлайк* (от англ. *dislike* – не нравится), *реал (пил)* (от англ. *real* – действительно), *сэвэдж* (от англ. *savage* – brutальный), *треш/трешнуться* (от англ. *trash* – мусор, здесь употребляется как ужас(-нуться)), *стэн/стенить* (от англ. *stan* – фанат), *крэм/кремить* (от англ. *cram* – зубрить), *пиллы* (от англ. *people* – люди), *плиз* (от англ. *please* – пожалуйста), *всем пис* (от англ. *peace* – мир).

Школьники усваивают материал, который подходит их возрастной категории. Фактически, это «первый уровень» жаргонизмов, которые они могут познать. Дети старшего возраста, подростки, взаимодействуют с языковым материалом иного вида – «второй уровень». Такие компоненты имеют более грубый характер – речь у подростков зачастую наполняется нецензурной лексикой, которая так же попадает под влияние иностранных языков и преобразовывается. Лексика второго уровня входит в обиход подростков через школьные материалы об иностранных языках, при просмотре иноязычных сериалов в оригинале, взаимодействие со своими сверстниками, во время посещения кафе, клубов и прочих общественных мест, которые в настоящем так же подвергнуты влиянию иностранных языков. К примеру, *шип/шиперить* (от англ. *ship* – отношения в паре), *ОТП* (от англ. *OTP/one true pairing* – пара, за судьбой которой активно следят), *флогнуть* (от англ. *flog* – продать), *кип/кипнуть* (от англ. *kip* – кратковременный сон), *на изи/изи-пизи* (от англ. *easy peasy* – проще простого), *крек/крякнуть* (от англ. *crack* – сильно смеяться). Также используются уже не отдельные слова, а полноценные фразы, перенятые из других языков и трансформированные для легкого произношения: *го бабана* (от англ. *go bananas* – сойти с ума от волнения), *краш среда/понедельник* (от англ. *crush Wednesday/Monday* – день,

когда в соцсети выкладывают фото с возлюбленными), баззми (от англ *buzz me* – открой мне дверь, чаще используется в смысле подожди меня), эпик фейл (от англ *epic fail* – провал, неудача).

Лексика «третьего уровня» присуща взрослой сформированной личности, которая тесно контактирует с иностранными языками. Существует негласное требование в современном обществе – для работы в престижной компании необходимо знать иностранные языки и самым востребованным является английский. Исходя из этой социальной установки, большая часть молодежи изучает английский язык, что является одной из причин диглоссии.

Проанализировав исследования ученых о диглоссии, молодежном жаргоне и проведя социальный эксперимент со школьниками, можно подвести такой итог: лингвистическая обстановка в нынешнем обществе склоняется в сторону развития диглоссии – данная языковая ситуация стремительно развивается и образует некую иерархию языков. Иными словами: положение, причины и сферы употребления этих языков пересекаются, хоть они и строго разграничены, но в нашем случае, английский и русский языки дополняют друг друга. Следует так же добавить, что каждый участник разговора самостоятельно принимает решение, какие речевые обороты использовать в различных ситуациях и социальных группах. Так, школьники при разговоре со старшим поколением меньше используют слова иностранного происхождения, но при общении со своими сверстниками явление диглоссии ярко выражается. Такое положение дел требует развития дальнейшего рассмотрения вопроса на основании обширного круга фактического материала.

Большинство зарубежных исследователей считают синонимичными понятия «сленг» и «молодежный жаргон», и относят эти понятия больше к студентам и подросткам старшего возраста, хотя отечественные лингвисты всё же

разделяют эти понятия за такими признаками, как социальное положение, возраст, сфера интересов молодежи, которая использует жаргон. Взаимодействие различных языковых культур приводит к их ассимиляции, в нашем случае, к заимствованию, которое в следствии перерастает в явление диглоссии. Изучение данного вопроса в будущем, возможно, поможет развитию общества в мультилингвальном направлении. Но в любом случае подобные проекты будут важны для развития молодой науки лингвоэкологии.

Литература

1. Анищенко О.А. Эволюция обозначения молодежной речи: от технического языка до жаргона / О.А. Анищенко // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 108–117.

2. Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка / А.А. Бернацкая // Вестн. КрасГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2003. – № 4. Филология и журналистика. – С. 122–125.

3. Орлова Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции / Н.О. Орлова // Ярослав. пед. вестн. – 2004. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vestnik.ysspu.org/releases/novye_Issledovaniy/24_6/ (дата обращения 01.02.2021).

4. Рыбникова М.А. Об искажении и огрубении речи учащихся / М.А. Рыбникова // Родной язык в школе. – 1927. – № 1. – С. 243–255.

5. Фергусон Ч.А. Диглоссия / Ч.А. Фергусон // Word. – Международная лингвистическая ассоциация. – Нью-Йорк, 1959. – № 4. – С. 325–340.

6. Целепидис Н.В. Взаимодействие народов и культур и проблема межкультурной коммуникации молодежи / Н.В. Целепидис // Вестн. слав. культур. – 2009. – Т. 13. – № 3. – С. 30–34.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 372.881.161.1

МУЛЬТИМЕДИА В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дубова М.А.,

д. филол. н., доцент, профессор кафедры
русского языка и литературы

г. Коломна, РФ

Озерова Н.В.,

бакалавр 4 курса филологического факультета

Государственного социально-гуманитарного университета

г. Коломна, РФ

Аннотация. В статье осмысливается проблема оптимального использования современных педагогических технологий в системе школьного филологического образования с целью повышения эффективности его результатов. Авторы предлагают активно включать в учебный процесс мультимедиа технологии, способные мотивировать обучающихся к изучению русского языка, разнообразить сам характер обучения и тем самым углубить и расширить предметные знания учащихся в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов.

Ключевые слова: мультимедиа технологии, русский язык, современные педагогические технологии, Федеральный государственный образовательный стандарт.

Abstract. The article comprehends the problem optimal use of modern pedagogical technologies in the system of school philological education in order to increase the effectiveness of its results. The authors suggest actively including multimedia technologies in the educational process that can motivate students to learn the Russian language, diversify the very nature of training and thereby deepen and expand the subject knowledge of students in accordance with the requirements of Federal State Educational Standards.

Keywords: multimedia technologies, Russian language, modern pedagogical technologies, Federal State educational standard.

В условиях стремительно меняющейся российской действительности, всё чаще называемой эпохой цифровизации и глобализации, изучение эффективности и целесообразности включения разнообразных технологий обучения в предметный учебный процесс общеобразовательной школы приобретает все большую востребованность и актуальность. Этой проблеме в последние десятилетия посвящено множество работ ученых разных научных областей знания (педагогов, психологов, филологов и т.д. [3, 6, 7]). Несмотря на обилие уже зарекомендовавших себя с положительной стороны современных технологий, среди которых особой востребованностью у учителей-филологов пользуются проблемное обучение, развивающее обучение, личностно-деятельностное и личностно-ориентированное обучение и др., проблема оптимизации предметного обучения и повышения его эффективности стоит все еще довольно остро.

Как известно, русский язык относится к числу сложных школьных предметов, и, чтобы его освоить, необходимо приложить довольно много усилий, что не устраивает современных школьников, привыкших, благодаря возможностям многочисленных гаджетов, быстро и без проблем получать информацию, не очень задумываясь о её достоверности и качественности. И перед педагогом встаёт актуальнейший вопрос – КАК заинтересовать обучающегося и по возможности удержать его внимание. И здесь на помощь приходит технология, которая основана на хорошо известных учащимся знаниях компьютера и других гаджетов. Конечно же, это мультимедиа – особый вид компьютерной технологии, оригинальность которой состоит в объединении традиционной статической и динамической информации. Активное включение мультимедийных технологий в уроки русского языка соответствует требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения [8], положительно влияет на качество образования

в целом, поскольку позволяет не только транслировать соответствующие предметные знания, но и раскрывать индивидуальные способности каждого ученика, готовить их к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире.

Цель данной статьи состоит в анализе возможностей и особенностей использования мультимедийных технологий на уроках русского языка в современной общеобразовательной школе.

Сразу отметим, что мультимедийные технологии предоставляют возможность в увлекательной форме передавать знания, качественно меняя в формате урока и внеурочной деятельности характер взаимодействия учителя и обучающихся. Учащиеся становятся не просто объектами учебной деятельности, а выступают активными субъектами этого двустороннего процесса, тогда как педагог – его непосредственным организатором. Меняются содержательные акценты и ориентиры образовательного взаимодействия. Обучение приобретает более конструктивные, творческие, активные формы. За счет мультимедийных средств поддерживается высокая учебная мотивация школьников. И.А. Зимняя справедливо отмечала, что чем более разнообразной является образовательная среда, используемые образовательные технологии, тем более интересным и продуктивным будет обучение [5, с.15]. А, в частности, Е.Е. Вьюнова утверждала, что применение компьютера в процессе обучения можно рассматривать с точки зрения целесообразности разработки новых обучающих программ и развивающих методик [2, с. 505].

Отвечая требованиям времени, в традиционной схеме уроков русского языка «учитель – ученики» появляется новое звено: компьютер, мультимедиа-проектор, интерактивная доска и т.д. Для прогрессивного учителя русского языка важно использовать мультимедиа на всех этапах урока: как при объяснении нового материала, так и при его закреплении, обобщении и контроле. Не вызывает сомнений тот факт, что

мультимедиа технологии позволяют донести до обучающихся учебную информацию в наиболее оптимальной форме.

На уроках русского языка целесообразно использовать специальные электронные ресурсы, составлять программы и тренажеры к конкретным темам и разделам, работать с компьютером при проведении и оформлении научно-исследовательских, а также других видов работ. Если на уроке русского языка планируется использование готовой иллюстрации изучаемого материала на слайде, то эффективно предлагать комментарии для его лучшего усвоения.

В числе мультимедиа технологий наибольшую популярность на уроках русского языка уже приобрели использование отдельных слайдов или презентаций, видеопрезентации или виртуальные экскурсии, дидактические задания, игры и тестовые формы с использованием элементов интерактивности. При подготовке к подобным урокам целесообразно использовать варианты интерактивных пособий со звуком и изображением для достижения спецэффектов, не менее интересно и целесообразно синтезировать и воспроизводить звук и видео. Высокий учебный результат обеспечивает включение разных видов анимации с учетом интеграции всех используемых видов работ в единое органичное целое, реализующее изучаемую тему учебной программы. Когда учитель объясняет новый материал, презентация, безусловно, дополняет его элементами увлекательности, наглядности, визуализации информации. Например, закреплять и расширять знания орфоэпических, морфологических и синтаксических норм старшеклассников можно, используя приём заполнения мультимедиа-таблиц, в которых отражено правильное написание речевых единиц и возможные ошибки.

В настоящее время мультимедиа технологии выступают как инновационные методики обучения в школе. Они дают возможность обучающимся учиться с увлечением и мотивацией, самостоятельно искать новые источники

информации, стимулируют развитие интеллектуальной деятельности и креативности. Разнообразные интерактивные средства и гиперссылки позволяют расширить спектр источников и материалов, к которым возможно обратиться на уроке, что, без сомнения, повышает, уровень знаний учащихся в процессе освоения программного материала [1, с.21].

По справедливому замечанию Н.А. Хохловой, использование мультимедиа технологий в образовании (цвета, графики, звука и т.д.) дает возможность педагогу моделировать разнообразные учебные ситуации. Например, игровые компоненты, которые могут быть включены в мультимедиа программы, способны активизировать познавательную деятельность обучающихся и оптимизировать усвоение учебного материала [9].

На уроках с использованием мультимедиа многие учащиеся становятся более активными, открытыми, раскованными, уверенными в себе. Меняющиеся и возникающие на экране изображения вызывают у школьников больший интерес, чем традиционные материалы и схемы учебника [4, с. 287].

Много полезных материалов для уроков русского языка содержится в ресурсах «Виртуальной школы Кирилла и Мефодия» (отметим, что уроки данной школы соответствуют Государственным образовательным стандартом образования РФ). За счет данных мультимедиа технологий возможно не только получить основные знания по русскому языку, но также познакомиться с энциклопедическими и хрестоматийными статьями, апробировать предлагаемые интерактивные тренажеры (для проверки знаний по отдельным структурно-содержательным компонентам урока, уроку целиком, теме). Вышеуказанный ресурс содержит много полезных материалов для подготовки школьников к ЕГЭ по русскому языку. Кроме этого, в средней школе, особенно в связи с современными тенденциями перехода к

дистанционным формам обучения, интересно использовать программно-методический комплекс «Репетитор» как для закрепления знаний и умений обучающихся по русскому языку, так и для тестирования и самоконтроля усвоенного материала. Необходимым для проведения уроков русского языка (тестовые задания, электронные словари, аудиозаписи, видеофильмы) материалом можно также воспользоваться, обратившись к таким ресурсам, как: «Библиотека электронных наглядных пособий», «Фраза», «Школьный наставник. Компьютерное обучение».

В качестве выводов нашего небольшого исследования считаем целесообразным подчеркнуть, что использование мультимедийных технологий на уроках русского языка оптимизирует учебный процесс, повышает его эффективность и уровень усваиваемых учащимися знаний. При этом не нужно забывать о возможностях органичного сочетания в работе традиционного обучения с интерактивным. Безусловно далеко не все уроки обязательно проводить в оригинальной форме. Думается такой задачи перед учителями-словесниками не стоит, но продуманное обращение при изучении конкретных предметных тем к возможностям мультимедиа, несомненно, разнообразит и активизирует учебный процесс.

Литература

1. Быхтина Н.В. Интерактивные образовательные технологии как средство развития коммуникативной креативности обучающихся / Н.В. Быхтина, И.А. Клестова // Инновационная наука. – 2016. – № 2–4 (14) – С. 19–26.
2. Вьюнова Е.Е. Развитие речи детей дошкольного возраста с системными нарушениями речи с использованием современных образовательных технологий / Е.Е. Вьюнова // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». – 2016. – № 5. – С. 504–506.

3. Даутова О.Б. Современные педагогические технологии основной школы в условиях ФГОС / О.Б. Даутова. – М.: Каро, 2015.

4. Ефимов П.П. Интерактивные методы обучения – основа инновационных педагогических технологий / П.П. Ефимов // Инновационные педагогические технологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014). – Казань: Бук, 2014. – С. 286–290.

5. Зимняя И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. – М.: Логос, 2004. – 384 с.

6. Киселева И.С. Инноватика в научно-педагогической деятельности / И.С. Киселева. – М.: Проспект, 2017. – 225 с.

7. Муштавинская И.В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя / И.В. Муштавинская. – М.: Каро, 2015. – 248 с.

8. Федеральный закон «Об образовании» в Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск №5976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения 10.02.2021).

9. Хохлова Н.А. Использование мультимедийного сопровождения в воспитательно-образовательном процессе ДОУ/ Н.А. Хохлова // Открытый урок «1 сентября» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/649690/> (дата обращения 15.02.2021).

Дубинина В.А.,
к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
г. Луганск
Зайцева А.В.,
к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий
г. Луганск

ПОНЯТИЕ «СТЕРЕОТИП» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие «стереотип», его функции и основные характеристики. Представлен анализ лингвистических исследований, которые посвящены исследованию стереотипов.*

***Ключевые слова:** стереотип, типология, функции, культура.*

***Abstract.** The article discusses the concept of "stereotype", its functions and main characteristics. The analysis of linguistic studies devoted to the study of stereotypes is presented.*

***Keywords:** stereotype, typology, functions, culture.*

Интерес к феномену стереотипа среди лингвистов является неслучайным и появился относительно недавно. Понятие стереотип исследовали этнолингвисты (Е. Бартминский, С. Толстая), психолингвисты (В. Красных, Ю. Сорокин), лингвокультурологи (В. Маслова, В. Телия), социолингвисты (Ю. Прохоров), представители теории межкультурной коммуникации и др.

Первыми собственно лингвистическими исследованиями стереотипов считаются работы немецкой исследовательницы У. Квастхофф, которая провела четкое разграничение между обычной языковой компетенцией и прагматической компетенцией как «знанием о мире» (между стандартным знанием о мире, так называемой «языковой картиной мира», и знанием о мире, независимым от языка,

которое часто не совпадает с языковой картиной мира). Стереотип, по ее мнению, – это «вербальное выражение убеждения, которое касается социальной группы или представителей социальной группы (...) имеет логическую форму оценочного суждения, которое в упрощенном и обобщенном виде приписывает группе те или иные свойства или модели поведения» [10, с. 116]. Ученый подчеркивает, что устойчивый компонент стереотипа имеет чисто языковой характер. Стереотипная мысль, содержащая эмоциональную оценку, является результатом упрощенного, схематизированного мышления, в некотором смысле искаженного образа мира, присущего многим людям. В жизни общества стереотипы выполняют определенные социальные функции, ведь они усваиваются в процессе социализации и инкультурации (погружение человека до определенного социума и культуры).

У. Квастхофф различает три функции стереотипов:

- 1) когнитивную (усвоение определенной схемы помогает людям ориентироваться, различать, кто есть кто);
- 2) аффективную (эмоциональную) – создание наставления против других (мне не нравятся..., не люблю...), которую можно рассматривать как защитный механизм;
- 3) общественную – поддержание внутреннего единства группы в отношении других групп [10].

В своих трудах У. Квастхофф предлагает выделять четыре формы выражения стереотипа, три из которых можно описать на уровне предложения, а четвертую на уровне текста:

1) стереотип с простой формой предикации – наиболее распространенная форма стереотипа (немец трудолюбивый или немец является трудолюбивым, немец старательный, британцы вежливые);

2) стереотип с ограниченной достоверностью, учитывая границы, налагаемые определенными индикаторами, то есть предикации, которые ограничены поверхностной структурой

предложения: говорящий высказывается косвенно, используя косвенную цитату, риторические вопросы, глаголы менее категорического характера (саксонец считается молчаливым, неразговорчивым – жители Нижней Саксонии считаются немногословными);

3) стереотип, в котором высказывается позиция говорящего, то есть высказывание собственного мнения говорящего (У меня складывается впечатление, что американцы не отличаются от нас. По моему мнению, французам нельзя доверять);

4) текстовое высказывание стереотипа – простое, свободное описание стереотипного представления в виде предложения или развернутого текста, то есть имплицитные стереотипы, которые читатель или слушатель должен излагать самостоятельно (выражение стереотипных представлений можно встретить в сказках, легендах, песнях, анекдотах, художественных текстах и др.) [10, с. 116–126].

Преимущественно стереотипы мешают в межкультурном и межнациональном общении, однако, знание стереотипов может быть полезным в политике межкультурных и межнациональных связей.

Исследуя национально-культурные особенности речевого общения, Ю. Прохоров выделяет следующие характеристики национальных социокультурных «стереотипов речевого общения» или «стереотипов речевого поведения»:

- стереотип рассматривается как устойчивая социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения;

- стереотип является нормативной социокультурной единицей речевого общения представителей определенного этноса;

- стереотип может проявляться в форме речевого клише или вербализованного / невербализованного штампа сознания [17, с. 98].

Стереотип речевого общения, по Ю. Прохорову, – это социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [17, с. 98]. Таким образом, стереотип выступает как определенная «модель», «образец», «канон». По мнению исследователя, стереотип вербального общения может быть реализован «в форме языкового клише (традиционно к этим единицам относятся все виды устойчивых словосочетаний и фраз – фразеологизмы, пословицы, поговорки, идиомы, литературные цитаты и проч.) и в форме вербализованного / невербализованного штампа сознания, который выступает сигналом принадлежности участников общения к одному социальному пространству» [17, с. 97–98].

Заемствованное этнолингвистами у социологов понимание стереотипа существенно изменилось и значительно расширилось. В этнолингвистике оно стало применяться не только к определенным этническим, социальным или профессиональным группам людей, но и к каким-либо предметам, явлениям, событиям, людям, животным, растениям и т.д., которые получают выражение в языке и с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности. Вначале исследователи понимали стереотип как некое «субъективное» приложение к «объективному» образу объекта, а речевой стереотип воспринимался как коннотативное (оценочное) приложение к лексическому значению слова, отражал коллективное мнение о соответствующем денотате. На сегодня этнолингвисты начали трактовать стереотип как целостную «наивную теорию» объекта (предмет, явление),

которая состоит не только из оценки (коннотативная, интегральная), но и из категориальных (идентифицирующих) признаков (как выглядит лицо или предмет, как действует), в соответствии с более глубоким пониманием лексического значения слова.

Представители польской этнолингвистической школы Й. Мацькевич, Я. Адамовский и ее основоположник Е. Бартминский рассматривают стереотипы традиционной культуры и формы их языкового выражения, руководствуясь теорией прототипов «в рамках антрополого-лингвальной концепции языковой картины мира, которая существует в том или ином обществе», ибо только такой подход дает возможность в полной мере раскрыть «познавательные основы языка, элементарные механизмы видения и интерпретации действительности человеком, нивелирует границы между понятийной и семантической системами, следовательно, между языковым и ментальным. Становятся возможными совместные трактовки языковых и культурных явлений» [5, с. 12].

В общем смысле стереотипом Е. Бартминский считает «представление о предмете, оформленное в определенной общественной рамке и такое, что определяет, чем этот предмет является, как он выглядит, как действует, как его трактует человек, при этом представление, закрепленное в языке, доступно через язык и касается коллективного знания о мире» [6, с. 79]. В своих трудах исследователь писал, что стереотипы – это «стабилизированные в культуре и языке характеристики предметов, которые соотносятся с названиями» [5, с. 20] в другой статье ученый приводит еще одно определение: стереотип – это «субъективно детерминированное представление о предмете, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом толкования действительности в пределах социально выработанных познавательных моделей» [4, с. 7].

Языковые стереотипы, по мнению Е. Бартминского, – это сложные единицы, семантически или формально стабилизированные, которые закреплены и регулярно воспроизводятся в языковом узусе. Такая теория понимания стереотипа отличается от общепринятых, большинство из которых имеют негативные коннотации. Во многих языках слово стереотип имеет негативную окраску, поскольку определяется через слово шаблон (банальный, лишенный оригинальности, выразительности). Однако, при всей своей схематичности и обобщенности, стереотипные представления о других народах и культурах готовят индивида к столкновению с чужой культурой, ослабляя удар, уменьшая культурный шок. Языковые стереотипы позволяют человеку представить мир в его лаконичной целостности, выйти за пределы своего узкого личного восприятия действительности.

В своих исследованиях Е. Бартминский выделяет четыре типа стереотипов: 1) образец – «такой, какой должен быть»; 2) реальность – «такой, какой есть»; 3) мифическое изображение (воображаемое) – «такой, какой может быть»; 4) изображение идеологическое – «такой, который может и должен быть» [6, с. 43; 6, с. 86].

Важной для определения механизмов создания, использования и хранения культурных стереотипов является теория прототипов и концептуальный анализ «культурной семантики» слова. Теорию семантических и лексических универсалий, которая основывается на комбинациях семантических примитивов (семантические примитивы – это набор лексических универсалий, применение которых при описании различных языков и культур делает возможным их сопоставительный анализ), предлагает А. Вежбицкая [7]. Ученый отмечает: «возможность удачной коммуникации между различными культурами зависит от универсальной базовой множественности семантических примитивов, с которыми каждый язык может создавать практически бесконечное количество «более или менее»

идиосинкретических (специфических для определенной культуры) понятий. Существованием множественности примитивов можно объяснить психологическую общность человечества» [8, с. 269]. Набор лингвокультурных универсалий-констант, определенных А. Вежбицкой, можно считать набором определенных стереотипов. Сама идея универсалий, по мнению исследовательницы, отражает уровень мастерства владения человеком сущности реалий бытия идеального через повседневное. Это помогает выявить уровень эволюции знания и познания этих реалий говорящим. От этнолингвистического постулата об этноцентрической составляющей структуру культурно-языковых феноменов А. Вежбицкая обращается к поиску общечеловеческого (антропоцентрического), что отражается в языке через концептуализацию мира с помощью констант культурной традиции.

Представительница московской этнолингвистической школы С.М. Толстая акцентирует внимание на том, что стереотип относится как к содержательной, так и формальной стороне языка [19, с. 262]. Стереотип как когнитивная дефиниция в этнолингвистике – это совокупность суждений о предмете, реконструированных на основе всех языковых единиц [19, с. 263].

Важной и теоретически значимой является монографическая работа В.Н. Телия «Русская фразеология» (1996), в которой автор исследовала культурно-национальные особенности идиом в пределах лингвокультурной модели мира, среди составляющих которого она называет архетипы, эталоны, стереотипы. По мнению В.Н. Телия, стереотипы являются «тем звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык. Они составляют своеобразные константы языковой картины мира, поскольку через эти номинации в концептуальную картину мира вплетается то бытовое представление о мире, которое зафиксировано этим языком» [18, с. 46].

В этнопсихолингвистике стереотипы определяют как устойчивые, эмоциональные по своей природе психические образования, которые в упрощенной форме отражают достаточно сложный факт действительности. Это чувственно окрашенные социальные образы, объединяющие социальный и психологический опыт общения, взаимоотношений между людьми [3, с. 87].

В своих работах В.В. Красных сравнивает стереотип с основными лингвокультурными и этнопсихологическими понятиями, а именно: концепт, прецедентный феномен, культурное пространство. Исследовательница подчеркивает, что явление стереотипа сложное. По ее мнению, стереотип – это важнейшая единица культурного пространства [13, с. 230]. С позиции лингвиста (в связи с коммуникативным и, в первую очередь, вербальным поведением): стереотип – это «некоторая структура ментально-лингвального комплекса, которая формируется инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых определенной единице, и репрезентирующем концепт феномена, стоящего за данной единицей, в его [концепту] национально-культурной маркированности предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [12, с. 127]. В.В. Красных понимает стереотип как некий фрагмент концептуальной картины мира, который существует в сознании. Это образ-представление, некая ментальная «картинка», некое устойчивое минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации (речь идет не о конкретном предмете или ситуации) [14, с. 9–10]. Среди основных характеристик стереотипа В.В. Красных выделяет такие, которые отличают его от концепта. Стереотип – это образ-представление, более «ограниченное» чем концепт, ведь составляет ментальный образ-представление и его вербальную оболочку; в процессе возникновения происходит определенная минимизация, что

проявляется в предполагаемых ассоциациях, что сближает его с прецедентными феноменами; более конкретный (благодаря своей образности); проявляется в коммуникативном поведении, поэтому более функциональный; сохраняется в виде фрейм-структур [14, с. 186].

Исследовательница предлагает такую классификацию стереотипов:

1) стереотипы первого уровня: а) стереотип-поведение (хранится в сознании в виде штампов; выступает в роли канонов; выполняет прескриптивную функцию (репрезентирует и побуждает к соответствующему поведению и действию, которые нужно осуществлять в той или иной ситуации); б) стереотип-представление (хранится в виде клише сознания, функционирует как эталон; выполняет предикативную функцию, то есть предполагает не само поведение, а набор ассоциаций и влияет на речевую форму для их выражения: определяет то, на что стоит надеяться в той или иной ситуации, например: стереотип-представление «очередь» (крик, злость, агрессия и др.);

2) стереотипы второго уровня, на котором стереотипы-представления подразделяются на: а) стереотип-образ (форма хранения – клише: пчела – трудолюбивая, баран – упрямый, лимон – кислый, желтый и др.); б) стереотип-ситуация (форма хранения – клише или штампы: билет – компостер, аист – капуста) [13, с. 232–234].

Стереотипы, считает исследовательница, всегда национальные, если же в других культурах находим аналоги, то это квазистереотипы, что, совпадая в целом, различаются мелкими деталями, которые, однако, имеют принципиальное значение.

Роль эталонов, стереотипов культурно-национального миропонимания могут выполнять фразеологизмы, которые отражают типичные представления и указывают на символический характер, и при таких условиях выступают как языковые экспоненты культурных знаков [18, с. 250].

Определение стереотипов через сравнение фразеологизмов итальянского и русского языка осуществляет Т. Черданцева (общий обзор стереотипов-ситуаций и стереотипов-эталонов (стереотипов-образов), которые использованы в фразеологии). Исследовательницу интересуют факторы, которые влияют на образование в языке эталонов и стереотипов. Основой для различения понятий «эталон» и «стереотип» является развитие идиом и весомость первичного материала: «в отличие от эталонов, на основе которых возникают образные сравнения, образно-мотивированные сравнения обозначают стереотипные ситуации» [20, с. 87].

По мнению В.А. Масловой, стереотип, в отличие от эталона, – «это тип, который существует в мире, измеряет деятельность, поведение и так далее» [16, с. 44]. Стереотипы поведения как важнейшие среди стереотипов могут переходить в ритуалы. Фундаментом всех культурных стереотипов можно считать картину мира определенного этноса, которая отражается в содержательной стороне языка этого этноса. Под «языковым стереотипом», в отличие от Е. Бартминского и представителей его школы, исследовательница понимает «не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, то есть фразеологизм, клише и др.: лицо кавказской национальности, новый русский» [16, с. 109]. Употребление таких стереотипов, по ее мнению, облегчает и упрощает, даже экономит силы коммуникантов. Исследовательница подчеркивает, что именно тексты являются «истинными хранителями культуры» [16, с. 87]. Текст, который напрямую связан с культурой и множеством сквозных культурных кодов, отражает духовный мир человека. В тексте фиксируется и хранится информация об истории, этнографии, национальной психологии, поведении – обо всех составляющих культуры. Правила построения текстов зависят от контекста культуры, в

котором они возникают. Тексты создаются из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Такими единицами исследовательница считает фразеологизмы, являющиеся наиболее яркими языковыми единицами, которые отражают народную культуру, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. Рассматривая стереотипы как элемент языковой картины мира, В.А. Маслова выделяет: социальные стереотипы, которые проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности; этнокультурные стереотипы – обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ (немецкая аккуратность, китайские церемонии, африканский темперамент и др.). Ученый отмечает, «что «стереотип – это фрагмент концептуальной картины мира, ментальный рисунок, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации» [16, с. 110]. На основе того, что думают представители одного народа о себе и о представителях других народов, В.А. Маслова отличает: автостереотипы – отражают то, что думают люди сами о себе; гетеростереотипы – касаются другого народа и являются более критичными [15, с. 58]. Например, то, что у представителей определенного народа считается экономией, у представителей другого – скупостью. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым нужно соответствовать, чтобы иметь доступ к определенной коммуникативной группе. Подытоживая свои исследования, В.А. Маслова определяет стереотип как «явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие соответствующей культуры, а с другой – представлять себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [15, с. 59].

О существовании взаимосвязи между стереотипом и языковой картиной указывает в своих научных трудах Ю. Прохоров и др. В частности Е. Бартминский отмечает, что с позиции лингвиста «стереотипизация должна охватывать всю картину мира: как образ вещи, так и образ человека» [5, с. 12].

Средством выражения стереотипа лингвокультурологи считают фразеологизм, который связан с определенным представлением или образом и является отраженным в соответствующем фразеологизме. В свою очередь, формирование фразеологизмов и стереотипов взаимосвязано: фразеологические единицы могут формироваться через стереотипы, а стереотипы имеют способность формироваться через фразеологические единицы. Например, фразеологизм *горбатого [лишь] могила исправит (расправит)* формирует в нашем сознании стереотип, что плохого человека уже не перевоспитать, он останется таким, как есть, не станет лучше; ничто не изменит кого-то.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, если под культурой понимать идеи и поведение, то к его составляющим стоит добавить общепринятые знания и стереотипы поведения. Тогда культура – это «совокупность принятых ценностей, стереотипов поведения, верований, которые характерны для отдельного общества или популяции» [1, с. 40–41]. Ученый доказывает, что коннотации языка генетически связаны с этнокультурными стереотипами. Под стереотипом Н.Ф. Алефиренко понимает субъективно детерминированное представление (...), в котором находят отражение объективные и оценочные признаки предмета или явления, о которых идет речь, выделены в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей; лингвокультурные стереотипы предопределяют характер коннотаций языковых значений, создавая трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака [2, с. 11].

На протяжении истории человечества происходило усложнение лингвокультурного окружения человека: звуковые сигналы превращались в систему символов, наиболее совершенными из которых были языковые. Вначале такие знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Впоследствии произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо языку не только для того, чтобы хранить и передавать информацию, но и для выполнения культурных и стереотипных функций. Структуры языковых стереотипов – основа когнитивно-культурной синергетики языкового сознания. В отличие от культурного концепта, стереотип культуры – это инвариантный образ одного из фрагментов картины мира, схематично-инвариантная «картинка», культурно обусловленное протOVERBальное представление, зафиксированное этнокультурным сознанием во время социализации личности, усвоение ею вторичного опыта. Концепт культуры – это производное понятие лингвосемиотичной системы, свернутая точка потенциальных смыслов, которые не получили своей формы и явлены в своих содержательных формах как образ, понятие, символ: «своеобразный культурный ген, который входит в генотип культуры» [1, с. 8].

Изучая языковую личность, Ю.Н. Караулов дал определение стереотипу как «упрощенному представлению о человеке (например, о поведении, чертах характера, внешности), событиях, фактах и отношениях между ними и др., которые используются как когнитивные образцы для категоризации мира и помогают человеку адаптироваться в мире и обществе» [9, с. 86]. По мнению исследователя, в стереотипах обобщается социальный опыт носителей конкретной языковой культуры в отношении не только других культур, но и своей собственной культуры. Поэтому он тоже выделяет автостереотипы (о своей культуре) и

гетеростереотипы (сложившиеся о представителях другой культуры). Стереотипы, возникшие в результате личного контакта индивида с представителями другой культуры или же культурой, определяются как прямые. Те стереотипы, которые индивид воспринял от других людей, из других источников – переносные. Исследователь различает оценочные стереотипы: положительные, отрицательные и нейтральные [9, с. 86].

Среди ведущих функций стереотипов лингвисты выделяют: познавательную, регулирующую, экономии познавательных усилий, защиты групповой идеологии. Определяя функции стереотипов, не стоит опираться только на конкретные речевые акты, не связывая их с языковой системой, которая является своеобразным институтом, формирующим коллективное восприятие мира и отношение к нему. Формирование стереотипов происходит под влиянием познавательных процессов, поскольку стереотипы выполняют ряд когнитивных функций, в частности, – схематизации и упрощения; формирование и хранение групповой идеологии [16, с. 110].

Выделяя общие свойства стереотипов (признаки и атрибуты, содержащиеся в стереотипах, используются говорящими для оценки отнесенности предметов / лиц к тому или иному классу на основе сходства), А.В. Кириллина подчеркивает выполнение ими функций: когнитивной (генерализация при упорядочивании информации); аффективной (эмоциональная и оценочная окраска, постоянное выделение и противопоставление «своего» и «чужого»); социальной (различение «внутренне группового» и «вне группового», что приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни) [11, с. 96].

На основе проанализированных научных работ можно сформулировать определение понятия «стереотип – это

представление человека об окружающем мире, сложившееся под влиянием культурных факторов (культурно-детерминированное представление), которое может существовать как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки; стереотипы – это результат общения или поведения в связи с определенными семиотическими моделями.

Принимая во внимание многочисленные дефиниции, можно утверждать, что стереотип – это лингвоментальный комплекс, который аккумулирует социальный, психологический, исторический опыт человека и проявляется в различных областях ее культурной деятельности. В отличие от концептов, стереотипы составляют традиционные формы выражения определенных значений, в сознании они существуют как стабильные знаки. Речевая репрезентация их разнообразна: тропы, фигуры, устойчивые выражения со стертой образностью. Они могут выражаться как словом, так и устойчивым выражением.

Таким образом, стереотипы – это концентрированное знание, схематизированная информация, устоявшаяся в структурах коллективного сознания, которая сформировалась в результате совместной деятельности представителей определенного этноса, сообщества, группы; зафиксированная в языке и культуре определенной нации. Благодаря научным исследованиям языковой фиксации стереотипов можно углубить представление о средствах этнической и культурной идентификации народа, его истории, отношениях с представителями других этносов. Многообразие приведенных классификаций функций стереотипов свидетельствует, что стереотип является многофункциональным явлением.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 282 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Стереотипы семантического пространства лингвокультуры / Н.Ф. Алефиренко // Язык и культура: материалы Междунар. науч. конф., Белгород, 25–26 марта 2010 г. / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород, 2010. – С. 6–12.
3. Баронин А.С. Этнопсихология / А.С. Баронин. – К. : МАУП, 2000. – 116 с.
4. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993–1994 гг. / Е. Бартминский // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тези конф. – М., 1995. – С. 7–9.
5. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях / Е. Бартминский // Славяноведение. – 1997. – № 1. – С. 12–24.
6. Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминский. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 780 с.
8. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 272 с.
9. Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций / Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л. – М.: РУДН, 2008. – 139 с.
10. Квастхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация — лингвистический анализ стереотипа / У. Квастхофф // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: Сб. ст. / сост.: А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013. – С. 113–137.

11. Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кириллина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
12. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
13. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
14. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
15. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
16. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 202 с.
17. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. / Ю.Е. Прохоров. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
18. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 288 с.
19. Толстая С.М. Стереотип и картина мира / С.М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции, 8–12 сент. 2009 г. – Екатеринбург: Изд-во Ур. Ун-та, 2009. – С. 262–264.
20. Черданцева Т.З. Эталоны и стереотипные ситуации во фразеологизмах различных типов / Т.З. Черданцева // Культурные смыслы во фразеологизмах. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – С. 86–93.

Луценко И.В.,

к. пед. н.,

доцент кафедры русского языкознания

и коммуникативных технологий

г. Луганск

Мельничук А.И.,

ассистент кафедры русского языкознания

и коммуникативных технологий,

г. Луганск

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

***Аннотация.** Статья содержит анализ нормативного, коммуникативного и этического аспектов культуры речи, составляющих современную концепцию рассматриваемого феномена. По определению автора, культура речи, наряду с культурой чтения, культурой работы с текстом, информационной культурой, составляет структуру языковой культуры личности*

***Ключевые слова:** теория культуры, языковая культура, культура речи, стилистика русского языка, нормативность речи, коммуникативные качества речи, этика общения.*

***Abstract.** The article includes the analysis of conventional communicational and ethical aspects of speech culture that form contemporary concerned phenomenon concept. According to the author's definition the term speech culture, along with the terms reading culture, text work culture and informational culture form the structure of personal language culture.*

***Keywords:** theory of culture, language culture, speech culture, the Russian language stylistics, speech normatively, communicational speech qualities, communicational ethics.*

Проблема «язык и культура» относится к наиболее сложным и актуальным проблемам гуманитарного знания. Невозможно представить себе развитие человека вне языка и культуры. Языковое сознание неразрывно связано с культурой через язык. Не случайно лучшие отечественные

педагоги стремились сориентировать обучение на общекультурное, личностное развитие обучающихся, раскрыть для них когнитивную, коммуникативную, эпистемическую функции языка, сделать обучение культурологически насыщенным.

Такой подход нацеливает науку на дальнейшие исследования проблем языка, сознания и культуры, на определение факторов, от которых зависит степень их взаимовлияния.

Феномен «языковая культура», являясь интегративным образованием, включает в себя, по нашему определению, такие конструкты, как «культура чтения», «культура работы с текстом», «информационная культура» и «культура речи».

Культура речи возникает, когда появляется литературный язык – высшая форма национального языка. Основными признаками литературного языка являются: нормативность; вариантность языковых единиц; наличие функциональных стилей; обработанность; наличие письменной и устной форм [2, с. 28].

Учение о речевой культуре зародилось в античном мире – в теории и практике ораторского искусства. Расцвет ораторского искусства в России приходится на XVII–XVIII века. Первым риторику как науку о красноречии осмыслил и развил М. В. Ломоносов. В XIX веке место риторики заняла стилистика, а на ее основе в XX столетии появилась культура речи как научная дисциплина.

Культура речи, по определению Б.Н. Головина, представляет собой совокупность и систему коммуникативных качеств речи [4, с. 13].

В Большом энциклопедическом словаре дается такое определение:

«Культура речи: 1) владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в

различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи; 2) раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры [1, с. 479].

Как видим, в понимании Б.Н. Головина понятие «культура речи» содержит только коммуникативный аспект, а в трактовке автора словарной статьи – коммуникативный и нормативный. Между тем существует еще один аспект названной категории – этический. Поэтому наиболее удачным мы считаем определение, данное Е.Н. Ширяевым: «Культура речи – это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [8, с. 10].

Остроумное высказывание по поводу содержания категории «культура речи» находим в Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «культура речи – уровень речевого развития, степень владения нормами языка или диалектом совместно с умением обоснованно отступать от этих норм» (МЭСБЕ) выпускался в 1899—1902 годах (в 3 томах); в 1907—1909 годах вышло его второе издание в 4 томах).

В самом общем выражении под языковой нормой понимается общепринятое и узаконенное употребление слов, словосочетаний и синтаксических конструкций. Норма отражает объективно существующие в данном обществе тенденции к совершенствованию речевой культуры. Степень правильности, точности, ясности, логичности, выразительности, богатства, целесообразности и уместности литературного языка определяется языковой нормой.

Языковые нормы отражают закономерные процессы и явления, проявляющиеся в языке, и поддерживаются речевой практикой. При выявлении источников языковой нормы учитываются тенденции развития современного русского

языка: демократизация литературной речи, влияние устной речи на речь письменную, унификация речевых моделей, стремление к экономии речевых средств, к семантической ясности.

Историческая смена норм литературного языка – объективное явление. Не изменяться язык не может, поскольку меняется сама жизнь; в то же время отсутствие требований к строгому соблюдению норм и правил чревато утратой общепонятности и целостности родного языка. Поэтому одной из основных задач культуры речи является охрана литературного языка и его норм.

«Высокая культура речи, – писал С.И. Ожегов, – это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти точное средство для выражения своей мысли, наиболее доходчивое (то есть наиболее выразительное) и наиболее уместное (то есть самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное» [5, с. 287].

Выбор средств, необходимых для данной цели общения, – основа коммуникативного аспекта культуры речи. Этот выбор детерминирован степенью владения разными функциональными разновидностями и стилями языка.

«Стилистика изучает совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий языкового общения», – считает Г.О. Винокур [3, с. 120].

Общение между людьми является и социально-психологическим взаимодействием, и каналом передачи информации. Однако прежде чем перейти к обмену логико-понятийными сведениями, необходимо войти в речевой

контакт, а для этого необходимо знать и правильно применять определенные нормы речевого этикета.

Слово «этикет» вошло в международный обиход в XVII веке. Во времена правления французского короля Людовика XIV на одном придворном приеме гостям раздали карточки с перечислением некоторых правил поведения. От французского названия этих карточек произошло слово «этикет», вошедшее впоследствии во многие языки мира.

Речевой этикет – система устойчивых формул общения, предписываемых обществом как правила речевого поведения для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке.

Национальная специфика русского этикета нашла отражение в пословицах и поговорках нашего народа: *«Красна беседа смирением», «Без рассуждения не твори осуждения», «Своего спасибо не жалея, а чужого не жди», «От учтивых слов язык не отсохнет», «Поклониться – вперед пригодится»* и т.д.

На использование правил речевого этикета большое влияние оказывают экстралингвистические факторы: возраст участников речевого действия, их социальный статус, характер взаимоотношений, время и место речевого контакта и т.д.

Р.О. Якобсон обращает внимание на следующие функции речевого общения: 1) обозначение внеязыковой действительности; 2) отношение к действительности; 3) магическую функцию; 4) поэтическую функцию; 5) фактическую или контактоустанавливающую функцию [10, с. 122].

Учитывая социально-экономические, технические, политические и морально-этические трансформации, происходящие сегодня в стране, по нашему убеждению,

уместно говорить дополнительно о таких функциях общения, как функция формирования собственного имиджа, воспитательная функция, функция адаптации к условиям речевого взаимодействия в виртуальном мире.

Этический аспект культуры речи предусматривает знание и применение правил языкового поведения в различных ситуациях общения, при этом накладывается жесткий запрет на сквернословие в процессе общения, осуждается разговор на «повышенных тонах» с использованием обидных, оскорбительных и просто неуважительных слов в адрес оппонента.

Итак, грубый, ненормированный язык, пошлые высказывания и разговоры порождают соответствующее поведение. Эта истина, перейдя в народное сознание, выразилась в поговорке: *Дурные слова развращают добрые нравы*. Речевая культура индивидуальна. Правильное пользование родным языком предполагает наличие собственного чувства стиля, верный и достаточно развитый эстетический вкус, что является предпосылкой формирования нового уровня культуры речи и языковой культуры личности.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. – М.: Научное издательство «Большой энциклопедический словарь»; СПб.: Норинт, – 1997. – 479 с.
2. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – Ростов н/Д : Феникс, – 2002. – 280 с.
3. Винокур Г.О. Культура языка / Г.О. Винокур. – М. : Наука, 1979. – 220 с.
4. Головин Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
5. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С.И. Ожегов. – М. : Наука, – 1974. – 287 с.
6. Федосюк М.Ю. Русский язык / М.Ю. Федосюк и др. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 320 с.

7. Холодович А.А. О типологии речи / А.А. Холодович // Историко-филологические исследования: сб. – М.: Наука, 1967. – С. 324–329.

8. Ширяев Е.Н. Что такое культура речи / Е.Н. Ширяев // Мы сохраним тебя, русская речь. – М.: Наука, 1995. – С. 10–15.

9. Шмелев Д.Н. Русский язык и его функциональные разновидности / Д.Н. Шмелев. – М., 1997. – 265 с.

10. Яacobсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Р.О. Яacobсон. – М.: Наука, 1975. – С. 122–128.

УДК [811.161.1+ 811.161.2]'24'272 (477.61 – ЛНР)

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
КОНЦЕПТА «ДОНБАСС» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ЛНР**

Ожедрянова А.Ю.,

ассистент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

г. Луганск

***Аннотация.** В статье обоснована функция «интеграции картин мира», выполняемая концептуальным образом мира как наиболее универсальным, общим познавательным образованием. С помощью анкетирования, опроса и ассоциативного эксперимента изучен концепт «Донбасс» как один из наиболее важных в глубинной структуре культуры ЛНР. Предложена идея дальнейшего исследования концептов, которые входят в языковую картину мира жителей города Луганска.*

***Ключевые слова:** концепт, дискурс, самоидентификация, Русский мир, ЛНР, Донбасс, ментальность.*

***Abstract.** The article justifies the function of "integration of world paintings", performed conceptually by the world as the most universal, general cognitive education. With the help of questionnaire, survey and associative experiment, the concept of Donbass was studied as one of the most important in the deep structure of the LPR culture. The idea of*

further research into concepts that are part of the linguistic picture of the world of residents of the city of Lugansk was proposed.

Keywords: *concept, discourse, self-identification, Russian world, LPR, Donbass, mentality.*

Главной исследовательской единицей лингвокультурологии выступает концепт, который в самом общем виде сводится к понятию как совокупности существенных характеристик предмета, погруженных в язык и культуру. Важно учесть то, что лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, а лингвоконцептология изучает отдельные лингвокультурные фрагменты, чаще всего, в сравнительном аспекте.

Однозначной точки зрения на концепт в современном языкознании не сформировано. Он рассматривается как «сгусток культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов), «зерно первосмысла» (В.В. Колесов), «идея предмета в совокупности всех валентных связей» (В.В. Красных), «алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной речи» (Д.С. Лихачев), «ментальная репрезентация связей между объектами действительности» (А.П. Бабушкин), «глобальная мыслительная единица» (З.Д. Попова, И.А. Стернин), «единица ментального лексикона» (Е.С. Кубрякова). Принимая во внимание мнение представителей когнитивного направления в лингвистике, в частности Е.С. Кубряковой, мы понимаем под концептом ментальную структуру, идеальную сущность, которая представлена как систематическое и интегрированное знание объекта в течение относительной продолжительности [8, с. 57].

Цель статьи – проанализировать лингвокультурный концепт «Донбасс» на современном этапе изучения языковой ситуации жителей ЛНР. Данная тема актуальна для жителей нашего региона, так как рассказывает нам о важнейших ценностях прошлого, которые и в настоящее время являются базисом духовно-нравственной культуры молодых луганчан. Концепт «Донбасс» представляет собой ключевой и

универсальный концепт, передающий специфику образа жизни и мышления луганчан.

Важно понимать, что одно и то же слово в разных коммуникативных ситуациях представляет в речи разные признаки концепта и даже разные концепты. В речи концепт реализуется с помощью готовых лексем и словосочетаний, текстов и комбинаций текстов. Метод концептуализации – это язык, фразеологический пласт, национально-культурные тексты, фольклор и авторские слова.

Именно в языке проявляются наиболее интересные и порой неожиданные для культурологического и лингвистического исследования концепта свойства. В этом нам достаточно результативно помогают различные вербально-коммуникативные методы анализа: анкетирование, интервью, опросы, тестирование, ассоциативный эксперимент и т.д. Например, в нашей ассоциативной анкете респондентам (студентам Луганского государственного педагогического университета) предлагалось написать первые пришедшие на ум ассоциации к концептуально значимому для нас слову **«Донбасс»**. Получившиеся ассоциации к данному слову весьма интересны: *«угольный бассейн с ценным антрацитом»*, *«территория»*, *«Донецкий край»*, *«локомотив»*, *«край металлургов»*, *«центр индустриализации»*, *«паровозы»*, *«танки»*, *«отец угля»*, *«урбанизация»*, *«Родина “Молодой гвардии”»*, *«Казак Луганский – В.И.Даль»*, *«русский мир»*, *«русская весна – 2014»*, *«марка холодильника»*, *«любовь к родному дому»*, *«родные люди»*, *«сорт гороха»*, *«город роз»*, *«первый встречает рассвет»*, *«край голубых терриконов»*, *«шахты»*, *«уголь»*, *«курганы»*, *«Родина»*, *«стахановец»*, *«свобода»*, *«стрельба»*, *«война»*, *«слова поэта П.Беспощадного: “Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано...”»*, *«ополченец»*, *«разгром»*, *«разруха»*, *«бедность»*, *«освобождение»*, *«Россия»*, *«фильм “Ополченочка”»* и т.д.

В ходе эксперимента использовались разные классы концептов, такие как социальные, духовные, космические. Опрашиваемым было предложено подобрать ассоциации к слову «Донбасс» в следующих категориях: **«Народ», «Природа», «Политика», «Кухня», «Вера», «Дом», «Люди, прославившие и прославляющие Донбасс».**

В категории **«Народ»** наиболее распространенными ассоциациями стали *«русский», «гостеприимный», «дружный», «сплоченный», «гордый».*

Природа Донбасса ассоциируется у молодежи с такими словами, как *«степь», «поля», «терриконы», «уголь», «курганы».*

Что касается категории **«Политика»**, то главными для большинства респондентов являются ассоциации *«война», «ополченцы», «освобождение», «референдум», «Россия-спасительница», «республика», «агрессор», «блокада», «беженцы».*

В категории **«Кухня»** респонденты называли такие ассоциации, как *«борщ», «вареники», «пирог», «блины», «голубцы», «оливье».*

С **верой** у молодежи Донбасса связаны такие ассоциации: *«православие», «христиане», «Христос», «крещение», «иконы», «храмы», «Библия», «крест».*

Понятие **«дом»** для молодых луганчан ассоциируется со словами *«Родина», «семья», «гнездо», «уют», «камин», «тепло», «тишина».*

В категории **«Люди, прославившие и прославляющие Донбасс»** были названы такие ассоциации, как *Владимир Даль, Олег Кошевой, Иосиф Кобзон, Алексей Мозговой, Сергей Бубка, Алексей Стаханов, Сергей Прокофьев, Георгий Береговой, Георгий Седов, Архип Куинджи, Леонид Быков, Никита Хрущев, Александр Ревва.*

Также отдельным, не менее важным и интересным, этапом изучения концепта **«Донбасс»** было исследование

студентами стихотворений и песен, в которых авторы произведений используют это потенциально значимое слово.

Одним из таких поэтов студенты называли Павла Григорьевича Беспощадного, который жил и умер на Донбассе. Многие критики называют его «донбасским Бернсом», певцом шахтерского труда. В своих стихотворениях он затронул такие темы, как красота нашей природы и уважение к тяжелому труду шахтеров.

Например, в своём стихе «Пчёлы» (1948 г.) он сравнивает шахтеров и рабочих заводов с пчёлами, которые тяжело трудятся: *«Донбасс – обильный, / Донбасс – огромный, / В Донбассе столько / Цветов и меда. / В степи донецкой, / Такой цветистой, / Такой просторной, / Такой веселой, / Дождем сквозь солнце / Сверкают искры: / То над заводом – / Мартенов пчелы»* [2, с.25].

В другом своём стихотворении П.Г. Беспощадный сравнивает шахтера с великим Прометеем, который так же, как и шахтер, дал людям огонь: *«Когда идёт шахтёр навстречу – благоговей! / Он света нового предтеча, он – Прометей!»* [2, с.34]

В своём произведении «Земля моя» (1944 г.) он называет нашу землю *«хранительницей кладов, сокровищницей пламенных даров»* [2, с.73].

Павел Григорьевич горячо любил наш край, и именно он является автором строк, очень точно олицетворяющих характер нашей Родины: *«Донбасс никто не ставил на колени. И никому поставить не дано!»*.

Также о нашем крае писал луганский поэт Михаил Матусовский, автор одной из главных песен Донбасса «Шахтёрский характер». Он, как никто другой, понимал все тонкости нашей природы Луганска и умело передавал в своих стихах: *«Мне по сердцу степные эти воды, / Бормочущие что-то по весне, / Важнее генетического кода – / Донецкий код, таящийся во мне...»* [9, с.21].

Родной Луганск для Матусовского был самой близкой и сердечной темой, которая «никогда не кончается».

Также хочется привести пример из стихотворения Ольги Емельяновой «Донбасский край», в котором автор сравнивает нашу степь Донбасса с краснощекой девицей: «Чернеют пашни и надеются, / Что урожайным будет год, / А степь, как щеки красной девицы, / Пунцовым маком зацветет...» [5, с.151].

Конечно же, рассматривая нашу культуру, невозможно не вспомнить почетного гражданина Донецка, поэта и прозаика Виктора Шутова, для которого Донбасс – это его родная маленькая планета: «Не за морями-океанами – / Передо мной мой шар земной, / С его судьбы меридианами, / С его рабочей широтой. / Мой шар земной – планета малая, / Отцовский край – родной Донбасс...» [3, с.62].

Также хочется рассказать о советском поэте, родившемся в Енакиеве, Михаиле Пляцковском, который с гордостью говорил: «Я родом из Донбасса!». В своём произведении Михаил Спартакович называет Донбасс песней: «Откуда я родом? / Оттуда, / Где спит под землей антрацит... / Откуда я родом? / Из песни, / Названьё которой – Донбасс» [3, с.79].

Несомненно, события 2014 года имеют большое влияние на нашу культуру и менталитет. Ведь теперь Донбасс – это не только степь, красота природы, тяжелой труд шахтеров, но и воин, который стоит за свою свободу до последнего.

Боевые действия часто сравнивают с музыкальным произведением. Такую метафору в своих стихах использовала С. Иваница: «Битв симфония слышна: / Пуль дискант, снарядов бас прошибает весь Донбасс» [6, с.73].

Николай Готовчиков, как в свое время Павел Беспощадный, сопоставляет Донбасс, который сейчас переживает войну, с Прометеем в огне: «Донбасс – в огне! /

Как Прометей-герой, / Непокоренный и непобедимый!» [4, с.369].

А ведь в таком состоянии наша Родина находится уже почти восемь лет. Но народ не сдался. Донбасс выстоял и выстоит ещё столько, сколько нужно будет. Докажет свою несломленность и независимость, несмотря ни на что. Именно этот смысл передает Е. Сажнова в своих строках: *«Умыт Донбасс кровавыми слезами, / Но снова он не сдался – устоял» [5, с.29].*

Война обязательно когда-нибудь прекратится. И тогда наша Родина, как феникс, возродится, и мы сможем жить, как раньше. Именно такую метафору использует Нина Медведева: *«Мы будем жить, будем трудиться. / Как птица феникс возродится, / Излечится от ран войны / Наша земля, народ страны» [5, с.93].*

Современные поэты нашего края пишут не только о войне, но и о красоте природы Донбасса. И очень часто сравнивают данный регион с другими известными странами и местами.

Оксана Кожемякова в своём стихотворении сравнивает наши терриконы, поросшие травой и деревьями, с Карпатами: *«И ковылёвые ковры / Седые волны катят в море, / Поросший лесом террикон – / Мои донецкие Карпаты» [7, с.49].*

Таким образом, указанные ассоциации позволяют составить ассоциативный портрет Донбасса, сформировавшийся в сознании молодежи города Луганска. Концепт «**Донбасс**» – это базовый концепт современного общественного сознания молодых луганчан. Образ родного края является одним из важнейших составляющих собственной самоидентификации.

Анализируемый в содержательной, когнитивно-оценочной динамике концепт «**Донбасс**» как ключевой концепт дискурса ЛНР даёт важные представления не только о лингвокультурологическом статусе лексемы «**Донбасс**», но

и о характере духовно-нравственной самоидентификации луганского социума, осознании молодыми луганчанами своей цивилизационной идентичности.

Материалы таких исследований могут использоваться в вузовском преподавании лексикологии и лингвокультурологии, а также в школьной программе, для воспитания гражданско-патриотических чувств учащихся.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении понятий, существующих в языковом мировоззрении жителей нашего региона. Также важно учитывать необходимость изучения специфики вербализации концептов в пространстве дискурса и вопросов, связанных с существованием социальной лингвистической осведомленности в контексте внедрения дискуссионных инноваций.

Для изучения могут стать ключевыми такие концепты как: «Родина», *Луганичина* «Луганск», «Донецк», «ЛНР», «ДНР», «Россия», «Русский мир», «Русская весна», «родной язык» и многие другие.

В связи с общественно-политическими и социально-духовными событиями, произошедшими за последние 8 лет, индивидуальный и национальный языковой имидж луганского молодежного мира существенно изменился. Между указанными концептами существует безусловная связь с формированием системы ценностей и жизненных приоритетов, с оценкой процессов собственной жизни и действий, своего места в геополитическом пространстве. Это способствует определению луганского этноса своего места в рамках Русского мира.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
2. Беспощадный П. Стихи / П. Беспощадный. – М. : Художественная литература, 1977. – 190 с.

3. В сердце моем Донбасс : альманах стихотворений поэтов-любителей Донецкой Народной Республики, участников Республиканских конкурсов чтецов и поэтом-любителей «В сердце моем – Донбасс!» 2016–2017 годов / сост. Г.Н. Калинина-Снеговская. – Донецк: ДРУМЦКИ, 2017. – 192 с.

4. Выбор Донбасса. Литература народных республик : альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск: Большой Донбасс, 2017. – 672 с.

5. Донбасс в женской строке : сборник стихов. – Донецк: Проминь, 2017. – 272 с.

6. Донецкий край, в стихах воспетый : сборник стихов / сост. И.А. Пилипенко; ред. О.А. Пинзона; отв. за выпуск И.А. Горбатов. – Донецк, 2017. – 152 с.

7. Душа Донбасса : сборник / сост.: В. Архипов, И. Силенок. – Краснодар: Флер-1, 2016. – 115 с.

8. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М. : Русский язык, 1997. – 245 с.

9. Матусовский М. Стихотворения. Песни / М. Матусовский. – М. : Художественная литература, 1986. – 414 с.

УДК811.161.1`373.7

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Будняк О. В.,
магистрантка 2 курса обучения, специальность
«Русский язык и литература»,
г. Луганск

Аннотация. В данной статье на материале русского языка рассматриваются фразеологизмы с числовым компонентом. Уделено внимание этнокультурной специфике таких фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, числовой компонент, символ, концепт.

Abstract. This article uses the material of the Russian language to consider phraseological units with a numerical component. Attention is paid to the ethnocultural specifics of such phraseological units.

Keywords: phraseological unit, numeric component, symbol, concept.

Культура этноса находит отражение в языке в целом, следовательно, во фразеологии каждого языка воплощаются этнокультурные особенности, которые характерны только для определенного национального мировосприятия.

Главной **целью** статьи является исследование фразеологизмов, в состав которых входят имена числительные.

Русская народная традиция пронизана числовой символикой, проявляющейся в сказках, былинах, христианских преданиях, пословицах и поговорках. Присутствие чисел в русской культуре отмечается постоянно, и почти всегда числа выступают как сакральные и глубоко символические. Необходимость описания таких единиц с точки зрения этнокультурной специфики обуславливает актуальность исследования.

По мнению лингвиста А.В. Кунина, фразеологизмы – это «устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных словосочетаний» [1, с. 34].

Некоторые лингвисты не включают в разряд фразеологизмов пословицы, поговорки и крылатые выражения, считая, что они по своей семантике и синтаксической структуре отличаются от фразеологических единиц. Так, например, считает В.М. Мокиенко, все же отмечая при этом, что, пословицы являются источником фразеологизмов.

В.М. Мокиенко называет фразеологической единицей «сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением» [2, с. 26]. При этом автор подчеркивает относительность таких важных аспектов фразеологии, как устойчивость и семантическая целостность, а также придает особое значение экспрессивности [2, с. 56].

Числа не только показывают нам уникальную картину русского мира, организовывая его, но и просто содержат в себе культурный код. Рассмотрим, те числа, которые особо значимы для русской нумерологии. В религиозном аспекте число один считается числом Божественной активности. Можно выделить ряд особенностей, символизирующих данное число:

- символ сущности, представляющий фигуру Бога-отца и символ совершенного единства Святой Троицы;
- символ целого, выраженного в единице, составляющего основу всего.

Рассмотрим влияние символики этого числа на значение ФЕ со стержневым словом *один*.

Один как перст – о том, кто не имеет семьи, о совершенно одиноким человеке.

Один-одиношенек – в полном одиночестве.

Одним миром мазаны – обладают одними и теми же недостатками, негативными чертами характера.

Одного поля ягода – о том, кто схож с кем-нибудь в поведении, взглядах.

На одно лицо – лишены индивидуальных, существенных отличий; одинаковы, очень похожи друг на друга.

При рассмотрении ФЕ с числовым компонентом «один», обнаруживаем, что числительное имеет различную частоту сочетаемости с разными частями речи. Так, чаще всего это числительное сочетается с существительными. Все перечисленные ФЕ имеют положительную коннотацию.

Чаще мы встречаем противопоставление числительного «один» в значении «очень малое количество» словам, обозначающим «неограниченно большое количество».

Идея и символика двойственности в целом не характерны для русской культуры, особенно в христианский период её существования, однако в язычестве её присутствие гораздо более заметно и проявляется, например, в образах Чернобога и Белобога, или Ивана и Купалы, олицетворявших собой две половины года. Можно выделить ряд особенностей, которые символизируют данное число:

- символ разделения, оппозиции (возражения);
- символ, отклоняющий от единицы, который представляет собой что-либо грешное.

Проанализируем влияние символики этого числа на значение ФЕ со стержневым словом два.

Два сапога пара – о двух людях, вполне сходных, в особенности по своим недостаткам.

Голова два уха – неодобрение какого-либо действия, поступка или свойства характера собеседника.

Не мочь, не уметь связать двух слов – быть неспособным связно сказать что-либо, изложить свои мысли.

Два вершка от горшка – очень низкий, низкого роста, маленький (о человеке);

Сидеть между двух стульев – в своем поведении, действиях, поступках быть непоследовательным, ориентируясь на различные мнения, взгляды.

В славянской культуре число «два» получало преимущественно отрицательную коннотацию, считалось дьявольским числом; реже оценивалось положительно.

Для славянской культуры число «три» символизировало завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец. Можно выделить ряд особенностей, которые символизируют данное число:

- символ создания жизни, как ритма и развития;
- священное число для русского народа.

Рассмотрим влияние символики этого числа на значение ФЕ.

Наплетет с три короба – подразумевается, что содержание чьих-либо слов не вполне соответствует реальной действительности.

Плакать в три ручья – горько, долго и безудержно плакать.

В три шеи (знать) – грубо, с побоями и руганью гнать.

В три погребели (гнутья) – жестоко, безжалостно эксплуатировать.

В трёх соснах заблудиться – не суметь разобраться в чем-то простом, несложном.

Как видим, символика числа не влияет на значение ФЕ: символика у тройки – положительная, а у ФЕ, по большей части, отрицательное значение либо нейтральное.

Проанализировав ФЕ с данным числительным мы можем отметить, что чаще всего числительное «три» сочетается с существительными.

Большой интерес вызывает концепт «число» как компонент фразеологизмов. Данный концепт носит универсальный характер, т.к. присутствует в любой культуре. Это один из древних концептов человечества, он отражает мир, быт людей. Числа представляют большой интерес не только как древний слой лексики, но и как особый ряд «культурной» лексики, которая хранит связь с культурными традициями, с представлениями о мире. Числа выступают как своеобразная сфера традиционной символики каждого народа, каждой языковой личности.

Как видим, символика числа не влияет на значение ФЕ: символика у тройки – положительная, а у ФЕ, по большей части, отрицательное значение либо нейтральное.

Таким образом, в современном русском языке фразеологизмы с числовыми компонентами – лексемами именами числительными – составляют достаточно обширный пласт русского языка. Символика чисел была всегда

интересна людям, особенно часто её связывали с религиозными культами, поэтому многие из них отражают верования русского народа, их мифологические представления о тех или иных числах.

Литература

1. Кунин А.В. Что такое фразеология / А. В. Кунин. – М.: Наука, 1966. – 93 с.

2. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 2005. – 257 с.

3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 552 с.

КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.161.1`27`22`398.91

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Луценко И.В.,

к. пед. н.,

доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий

г. Луганск

Аннотация. *Статья посвящена описанию коммуникативно-прагматического потенциала русских пословиц. Дается анализ пословиц, употребляющихся в определенной речевой ситуации.*

Ключевые слова: *коммуникативно-прагматический потенциал, паремии в коммуникации, коммуниканты.*

Abstract. *The article is devoted to the description of the communicative and pragmatic potential of Russian proverbs. The analysis of proverbs used in a certain speech situation is given.*

Key words: *communicative and pragmatic potential, paremias in communication, communicants.*

Актуальность исследования. Пословицы как вербальное выражение мудрости народа, передаваемой из поколения в поколение, представляют собой неписанный моральный устав здравого смысла и закладывают нравственные и этические предпосылки для формирования социально адекватной личности. В пословицах зафиксированы особенности быта, мировоззрение, обычаи народа. Отражая окружающую действительность и выражая суждения того или иного языкового сообщества, пословицы представляют чрезвычайно интересный материал для исследования.

В последние десятилетия наметилась тенденция к более широкому коммуникативному и семантическому анализу пословиц (до тех пор они рассматривались в основном с точки зрения семиотики, фразеологии или фольклористики),

увеличилось количество семантико-синтаксических и коммуникативно-прагматических исследований.

Коммуникативно-прагматический подход к изучению пословиц позволит определить цели употребления паремий в коммуникации, раскрыть свойства пословиц, которые проявляются в живой речи, т.е. в коммуникативном взаимодействии партнеров в процессе обмена мыслями и чувствами для решения жизненно важных задач. Этот подход также предполагает учет значимого компонента пословицы, который связан с человеком, использующего паремию в общении и делающим свой выбор для достижения определенной цели, ориентируясь в ситуации в целом, в социальных признаках адресата (статус, роль и т.д.) в соотношении с собственными такими показателями. Как отмечает Н.И. Формановская, «коммуникативно-прагматический подход к описанию языка сосредоточивает внимание именно на коммуникативных единицах. С этой точки зрения в центре описания оказываются единицы общения» [8, с. 25].

Цель нашего исследования заключается в определении коммуникативно-прагматического значения русских пословиц и их применение в процессе общения.

В исследовании под коммуникацией мы понимаем общение людей как речевое взаимодействие, а под прагматикой – закрепленное в языковой единице отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату.

Пословицы, накопив многовековой опыт жизни народа и сконцентрировав его мудрость, являются своеобразными регуляторами человеческого поведения и миропонимания, представляющими собой клишированные суждения, выражающие опыт народа в отношении моральных или категориальных императивов. Так, в пословицах с предикатом - императивом в первичном значении реализуется прямое волеизъявление адресанта и побуждение адресата,

направленное на будущее, подразумевая его дальнейшие действия. Во-вторичных – актуализируется либо общее назидание, без определенной временной и адресной направленности, либо оценка действий какого-либо лица в прошлом. Проиллюстрируем сказанное на примере пословицы: *«Век живи, век учись»* в определенных условиях реализации может выступать побуждением учиться, ориентированным на временной план будущего и адресата в форме 2 - го лица, преимущественно ты-общения.

Пословицы употребляются в общении говорящими с различной частотностью и целями, например, если человек берется делать то, что ему не по силам, мы говорим: *«Не в свои сани не садись»*. Когда человек отчаивается, сомневается в чем-то, мы скажем *«Колотись да бейся, а все же надейся»*. Если кто-то преждевременно радуется успеху, не зная, как кончится начатое дело, то говорим: *«Не говори гоп, пока не перепрыгнешь»*. *«На Бога надейся, а сам не плошай»* – слова подбадривания, веры в свои силы, наставление быть молодцом и т.д.

Статус коммуникантов симметричен, общение протекает в дружеской тональности, используя пословицу, характеризующуюся семантической и коммуникативной дву-/многоплановостью, говорящий намерен переключить внимание адресата с текущей речевой ситуации на пословичную *«не рассчитывай на чью-либо помощь, надейся на себя»*. И тем самым описывает свои действия в экстремальных ситуациях. В данном тексте пословица выполняет следующие функции: экспрессивно-образную, кумулятивную, характеризующую.

Возникает вопрос: какую роль играют пословицы, кто и с какими коммуникативными намерениями их употребляет?

Т.М. Николаева утверждает, что в речевой ситуации говорящему для преодоления комплекса социального одиночества *«... важно создать иллюзию стоящего за ним плотного и гомогенного социального пространства»* [5, с.

398], и для этого ему необходимо ввести в речь пословицу, подчеркнув тем самым, что его мнение основывается не на оторванных от человеческой жизни представлениях.

Пословицу как коммуникативную единицу можно считать речевым актом говорящего, предполагающим эффект воздействия на адресата.

Стремясь воздействовать определенным образом на вербальную, ментальную, физическую деятельность адресата, говорящий прибегает к определенным речевым тактикам, т.е. тем речевым приемам, которые позволяют достичь поставленных целей в конкретной ситуации общения. При этом говорящий, организуя дискурс, стремится к достижению определенного эффекта реагирования.

Используя пословичное высказывание, говорящий «задает» свою шкалу прагматической понимания его содержания. Тем самым, он находит способ выразить свое отношение к предмету речи, стремясь наиболее точно передать средствами языка свое субъективное отношение к сообщаемому и оказывает этим на адресата эмоциональное и интеллектуальное воздействие.

В пословицах русского народа четко сформулирована житейская мудрость и опыт поколений, обобщается и раскрывается общественный уклад. С уверенностью можем сказать, что изучение пословиц – целая наука – паремиология, которая применяет научный подход к изучению свойств пословиц и их сбору.

В.И. Даль, Казак Луганский, много лет посвятил собиранию и изучению пословиц. Исследователь определял пословицу как «...коротенькую притчу... это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица - обиняк, с приложением к делу, понятный и принятый всеми» (Даль 1957,18). Кроме того, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим еще одно толкование термина «пословица» – «краткое изречение,

поучение, более в виде притчи, иносказания или в виде житейского приговора» (Даль, т.3, 344). В 1862 году В.И. Даль опубликовал труд «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч.». Сборник содержит около 32 000 фраз, представляющих *малые жанры фольклора*. Это один из важнейших источников по бытовой стороне жизни и философии русского народа. Уроженец Луганска был избран в почетные члены Академии наук, получил премии – Ломоносовскую и «За выдающиеся успехи в области языкознания», Константиновскую золотую медаль, Анненскую ленту и Высочайшую грамоту с перечислением его заслуг. Его неопределимый вклад и сейчас берегут и почитают благодарные потомки.

Русские пословицы издавна отображали свойства национального характера такие, как фатализм, пессимизм, человеколюбие, импульсивность, эмоциональность, добросердечие, терпимость, трудолюбие и мастерство как меру достоинства человека. В пословицах отмечено, что «русский» и «смелый» находятся в синонимических отношениях: «Смелость города берет», «Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать», «Смелый там найдет, где робкий потеряет». Одной из отличительных черт русского характера, нашедшей отражение в пословицах, является физическая и нравственная сила одного человека, вопреки бытующему мнению о том, что один в поле не воин: «И один в поле воин, если по-русски скроен». В пословицах отображались лучшие качества русских воинов: благородство «Лежачего русский не бьет» (Алексеев,1973); отсутствие страха в бою за Отечество и веру «Турки падают, как чурки, а наши слава Богу, стоят без головы» (Даль,1998); храбрость «Удалой о том не тужит, что конь не служит»; смекалка «У сметливого солдата и рукавица – граната» (Спирин,1996).

По определению Лингвистического энциклопедического словаря, пословица – это краткое,

распространенное в речевом обиходе, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, обычно имеющий формулу законченного предложения [4]. Пословицы обладают стилистической и эмоциональной окраской, улучшают коммуникативную функцию языка и поэтому часто употребляются в устной и письменной речи.

Под пословицами мы понимаем краткие устойчивые и воспроизводимые в готовом виде единицы, которые могут быть подвержены контекстуальным (дискурсным) трансформациям. Пословицы имеют буквальное или переносное значение, оформлены в синтаксическую структуру предложения, и часто носят назидательно-рекомендационный характер.

Пословицы составляют существенный элемент культуры народа, отличаются смысловым разнообразием, поэтичностью художественной структуры и образностью. В них заложено восприятие и оценка сфер жизни человека, в первую очередь, таких как семья, работа, чувства и другие. Паремнологический фонд языка по праву считается энциклопедией народной жизни, поскольку пословицы фиксируют мировосприятие народа, его оценку частной и общественной жизни людей; ценное лингвистическое наследие народа, отображающее его обычаи, традиции, историю.

В пословицах сохранен опыт простых людей, их жизненных правил и мудрости, заключенных в лаконичной и вежливой форме, но который основывается на разных конкретных случаях.

Можно отметить, что в силу принятых норм вежливости речевого общения, в соответствии с которыми неуместны прямые дидактико - морализирующие высказывания, говорящий предпочитает действовать обходными путями. Следовательно, пословицы используются как средства выражения косвенных дидактико-морализирующих

высказываний. Можно сказать, что каждая пословица имеет мораль.

Как показал анализ исследуемого материала, наиболее значимыми моральными ценностями, отображенными в пословицах, были дружба, труд, ученость, скромность, риск, любовь к родине, смелость, мудрость. В этой связи нами были детально изучены пословицы данной тематики. Таким образом, результаты исследования показали, что ценности, имеющиеся в каждом народе, передаются по наследству. Основная масса этнокультурной информации усваивается в детстве вместе с родным языком и сохраняется на протяжении всей жизни человека.

По итогам исследования был сделан вывод, что посредством употребления пословиц расширяются возможности разговорной речи, выражается отношение коммуникантов друг к другу, к ситуации, а растущий интерес к пословицам способствует сохранению языковых традиций русского народа на Луганщине.

Литература

1. Даль В.И. Напутное / В.И. Даль // Пословицы русского народа. – М.: Худ. лит., 1984. – Т.1. – С. 5–21.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – М.: Рус. яз., 1978–1980. – 450 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – Сборник: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1984. – 320 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Николаева Т.М. «Модель мира» в грамматике паремий / Т.М. Николаева // От звука к тексту. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 398–405.
6. Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / А.С. Спирин. – М.: Сюита, 1996. – 250 с.

7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 340 с.
8. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический поход / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с.

УДК 81,42

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Мачай Т.А.,

к. пед. н., доцент, заведующий кафедрой русского языка
г. Донецк

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности оформления несогласия как компонента оценки в процессе речевого общения специалистов. Выявлены языковые конструкции, используемые носителями русского языка для оформления субъективной позиции коммуникантов в профессиональном речевом общении.*

***Ключевые слова:** общение специалистов, устная форма, письменная речь, языковые средства, оценка, несогласие, разновидности несогласия*

***Abstract.** The article discusses the features of the design of disagreement as a component of the assessment in the process of verbal communication of specialists. The linguistic constructions used by native speakers of the Russian language to form the subjective position of communicants in professional speech communication have been identified.*

***Key words:** communication of specialists, oral form, written speech, language means, assessment, disagreement, types of disagreement*

Проблема изучения оценочного аспекта научного, научно-профессионального общения, оценочных значений в целом насовременном этапе развития лингвистических исследований, представляет интерес, потому что отражает очень своеобразное и недостаточно известное соотношение и

взаимодействие семантики и прагматики. Семантические и прагматические характеристики в оценке взаимообусловлены. В оценочном аспекте высказывания отражаются как значения языковых единиц, так и особенности процесса коммуникации. В ситуации распространения Интернет-общения очень важно донести научную информацию, новую научную идею в неискаженном виде как специалистам, так и широким кругам Интернет-пользователей. В современном мире специфика научного общения, часто опосредованный обмен научной информацией, предопределяют ценность умений ведения дискуссии, в частности выражение несогласия. Несогласие в научном общении, как правило, рассматривается в тесной связи с высказываемыми участниками общения оценочными суждениям.

Характеристике общих особенностей оценки уделено внимание во многих работах лингвистов. Одна группа ученых рассматривает оценку как компонент категории модальности. Авторы Русской грамматики-80 определяют модальность как категорию включающую характеристику содержания высказывания говорящим и отношение его к этому содержанию, как его понимание ситуации, которая отражается в высказывании, и как отражение цели, поставленной перед собой говорящим. Описывая понятийную категорию модальности, авторы в качестве смежных явлений уделяют внимание и оценке.

К их точке зрения близка позиция Е.М.Вольф. Исследователь считает, что оценку можно рассматривать как один из видов модальности. По утверждению Е.М. Вольф, высказывания, содержащие оценку, могут отражать как одобрение, так и неодобрение действий участников описываемой ситуации. Ученый убежден, что в высказывании оценка находит реализацию в целом, а не наличием оценочных слов, и таким образом «оценочная модальность является компонентом высказывания» [1, с.11].

Поддерживая авторов Русской грамматики-80, Е.М.Вольфа и других, Т.И.Муковозова говорит о семантических разрядах модальных слов: оценке достоверности высказывания, оценке недостоверности и логической оценке.

Другая группа ученых, например, И.А.Шевякова, Т.В. Шмелева, рассматривают оценку как стилистико-экспрессивную реализацию.

Несмотря на имеющиеся известные работы лингвистов, посвященные изучению оценочных речевых актов, несогласие как оценочная категория общения является одной из малоизученных проблем лингвистики, что обуславливает **актуальность** выполненного нами исследования

Цель нашей работы – охарактеризовать формы реализации оценочных значений на примерах выражения несогласия, которые имеют место в устных и письменных речевых актах специалистов научно-технического направления на материалах текстов устных выступлений в дискуссиях, на конференциях и письменных текстов в виде отзывов и рецензий на статьи, монографии и т.д.

Для выражения несогласия с определенной позицией или утверждением, как показывает анализ устных и письменных текстов-сообщений, специалисты-носители языка используют отрицательно-оценочные лексемы: «нереально», «ошибочно», «невозможно». Например, анализ устных сообщений специалистов во время дискуссии позволяет выделить незначительное количество высказываний такого типа, как «Это нереально!», где оценочная характеристика составляет их основное содержание.

Отдельную группу составляют сообщения, включающие оценочные слова. Например: *что никаких фактов у них нет, а это чисто кабинетные разработки...* (в данном случае оценочный смысл фрагмента выступления – «плохо»).

Четко выделяются высказывания, в которых имеются глаголы, сами содержащие оценочную характеристику, например:...*Большинство из присутствующих пытаются втиснуть...* (оценочный смысл этого фрагмента выступления – «плохо»).

Интересен тот факт, что наблюдается зависимость оценочного смысла аналогичных высказываний от изменения условий функционирования, то есть от изменения ситуации. Например, фрагмент высказывания *«щелочные плутоны имеют практически одинаковые палеомагнитные характеристики»* может провоцировать разные, даже противоположные реакции адресата: *Как хорошо!* и *Как жаль!*

Не всякое высказывание с оценочной характеристикой представляет собой речевой акт. Для оценочных речевых актов характерны особые прагматические характеристики. Виды оценочных речевых актов мало исследованы. Часто бывает спорным вопрос характеристики анализируемого высказывания как оценочного или не оценочного.

Прагматическая ситуация, где находят реализацию оценочные речевые акты, предопределяет их структуру и семантику. В анализируемых нами материалах обычно это ситуация обмена информацией. Обмен информацией ведется выступающим (говорящим) и адресатами (чаще слушателями), к которым обращено высказывание.

Цель автора оценочных высказываний, которые являются оценочными речевыми актами, вызвать у слушателя желаемую эмоциональную реакцию.

Выступающий специалист и слушатели –специалисты, которые получают информацию, включающую оценочные характеристики, разделяют эмоциональное состояние, поскольку оценка затрагивает их общие профессиональные интересы. Чем ближе слушателям эти интересы, тем сильнее речевой акт, речевые действия выступающего оказывают на них большее эмоциональное воздействие.

Для выражения несогласия носители языка в процессе научной дискуссии широко используют отрицательные конструкции: «не...,а...». Например: *Был доклад, в котором говорилось о связи золота с гранитами. Никогда оно с гранитами не было связано,... а к самим гранитам никакого отношения не имеет.*

Участники научного общения часто употребляют в речи полинегативные конструкции, использующие префикс *ни* или частицу «*ни*». Например:

Я ничего не имею против, но они ничего не имеют общего ни с ...,ни с... Тем более, они ничего общего не имеют с трубкой Аргай.

Рассмотрим еще один ряд фрагментов высказываний. Например:

*Такой случайный процесс не может создать подобной
Таким образом собрать вместе эти элементы просто невозможно;*

...не может дать такой ассоциации;...картины. Это нереально! Как видим, суть эффекта таких высказываний различна. На первый план в первом выдвигается рациональное, во втором и третьем преобладает эмоциональный фактор. Тем не менее все они оказывают эмоциональное воздействие на адресата.

Результаты выполненного исследования позволяют утверждать, что адресант, вводя в высказывание оценочную характеристику, не всегда стремится оказать влияние на эмоциональное состояние адресата или изменить его. Высказывания, в которых преобладает рациональный аспект, обычно направлены на формирование согласия адресата с оценкой выступающего. Например: *Я хочу сказать о том, что фактами надо оперировать честно....Нельзя отметить те факты, которые установлены, и ничего о них не говорить.*

По мнению Е.М. Вольф, аналогичные высказывания целесообразно рассматривать как речевые акты утверждения,

которые информируют получателей информации о мнении адресанта [1, с. 68]. Бесспорно, в этом случае преобладает не эмоциональный, а рациональный аспект оценки.

Возможность двойственной характеристики рассмотренных речевых актов предопределяется одновременным взаимодействием двух направлений: сообщением информации говорящим и воздействием на эмоциональное состояние адресата. Конечно, если оценка затрагивает его интересы.

Как свидетельствуют результаты выполненного исследования, в настоящее время, например, наблюдается тенденция к снижению категоричности оценок. Например: *К сожалению, по непонятным причинам эти микрофотографии отсутствуют в каталоге, хотя, не вызывает сомнений тот факт, что у автора они есть* (из рецензии на монографию).

Подводя итоги выполненного исследования, следует отметить, что для выражения несогласия в процессе научного общения, в частности научной дискуссии, чаще всего носители языка используют отрицательно-оценочные лексемы, отрицательные конструкции, полинегативные конструкции, противительные союзы.

Динамика вариантов оформления несогласия предопределяет необходимость дальнейшего изучения этого явления в разных формах научного общения как непосредственного, так и опосредованного.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
2. Мачай Т.А. Выражение оценки в научно-техническом тексте / Т.А.Мачай // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи». – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 37–42.

3. Рябцева Э.Г. Реплики несогласия в микродиалоге / Э.Г. Рябцева // Диалог глазами лингвиста: Межвуз. сб. науч. трудов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1994. – С. 86–91.

УДК 81'271:177.1

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОТ АГРЕССИИ

Миргородская А.Ю.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий

г. Луганск

***Аннотация.** В статье в рамках прагматического подхода рассматривается теория вежливости как способ защиты от агрессии. Изучены существующие стратегии и тактики дистанцирования и сближения, составляющие основу вежливых взаимоотношений. Особое внимание автор уделяет лингвокультурной специфике этикетных моделей.*

***Ключевые слова:** теория вежливости, негативная вежливость, позитивная вежливость, императивность, категоричность*

***Abstract.** The article considers the theory of politeness as a way to protect against aggression within the framework of a pragmatic approach. The existing strategies and tactics of distancing and rapprochement that form the basis of polite relationships are studied. The author pays special attention to the linguistic and cultural specifics of the label models.*

***Keywords:** theory of politeness, negative politeness, positive politeness, imperative, categorical*

В рамках прагматического подхода в лингвистике активно изучается теория вежливости как основа успешной коммуникации. Для достижения необходимого результата в общении могут использоваться определенные стратегии и тактики, создающие благоприятные условия для реализации программы коммуникации. Вежливость – это способность применять интерактивные стратегии, исходя из ситуации общения.

Теория вежливости была разработана в исследовании П. Браун и С. Левинсона «Вежливость: некоторые универсалии употребления языка» [7], в котором авторы ключевым элементом концепции называют «лицо». В этом термине сочетаются желание получить одобрение и положительную оценку собеседника с желанием иметь свою независимую точку зрения и свободу суждений. Вежливость в современном лингвистическом пространстве изучается в нескольких аспектах, среди которых: обоснование правил, норм, максимум речевого поведения (Г. Грайс, Дж. Лич), изучение вежливости как эстетической категории (А.А. Акишина, Н.И. Формановская), рассмотрение вежливости как статусной характеристики личности (В.Е. Гольдин, В.И. Карасик).

Целью статьи является изучение в рамках прагматического подхода теории вежливости как способа защиты от агрессии. Достижение поставленной цели обуславливает выполнение ряда задач:

- определить лингвистические характеристики понятия «вежливость»;
- рассмотреть существующие стратегии и тактики дистанцирования и сближения;
- проанализировать лингвокультурную специфику этикетных моделей.

Лингвистическая интерпретация понятия «вежливость» включает в себя умение правильно, исходя из ситуационных, временных характеристик общения, возрастных и социальных особенностей участников, использовать коммуникативные стратегии и тактики. Публичный образ каждого человека часто презентуется лингвистическим термином «лицо», его понимание основывается на фразеологизмах «терять своё лицо» – утрачивать свою индивидуальность, «ударить в грязь лицом» – не сберечь, обесчестить, «сохранить лицо» – не терять собственного достоинства, сберечь свою репутацию [5]. Лицо, как считают

исследователи, состоит из взаимосвязанных составляющих: негативного лица, выражающего независимость, свободу действий и мнений, отказ от притязаний, ограничивающих личное пространство, а также позитивного лица, характеризующего положительный публичный образ каждого человека, определяемый желанием найти одобрение и положительный отзыв у собеседника [7]. В соответствии с этими особенностями выделяют позитивную и негативную формы вежливости. Позитивная вежливость, основанная на сближении, связана с вербальным выражением согласия, объединяет людей на основе общих интересов. Негативная вежливость, основанная на дистанцировании, связана с вербальным ограничением, сдерживанием, стремлением избежать разногласий. Позитивная и негативная формы вежливости имеют соответствующие системы коммуникативных стратегий и тактик.

Сближение и дистанцирование составляют основу вежливых взаимоотношений, поскольку вежливость заключается в проявлении солидарности при сохранении определенной дистанции. Стратегия дистанцирования, направлена на то, чтобы «продемонстрировать собеседнику признание его независимости, личной автономии, заверить в отсутствии намерений со стороны говорящего нарушить существующие между ним и адресатом границы, а в случае необходимости покушения на свободу адресата минимизировать импозицию, воздействие на него» [3, с. 172]. Среди тактик дистанцирования (негативной вежливости) можно выделить следующие: косвенные вопросы («Не могли бы Вы назвать своё имя?»), сравнить с прямым вопросом («Как Вас зовут?»), уклонение от категоричности в выражении своего мнения, неимперативный (необязательный) характер утверждений, использование официальности в обращениях, тактичность и немногословность.

Побудительные речевые акты, могут по-разному реализовываться, например, нести угрозу независимости и

свободе действий объекта, вызывать его агрессию, если высказаны в директивной форме и не предоставлено право выбора. Для снижения категоричности в рамках стратегии вежливости в русском языке используются языковые средства, среди которых существенное прагматическое значение имеет слово «пожалуйста», смягчающее категоричность («Сделайте это, пожалуйста, до пятницы»). Вежливость императивного высказывания достигается с помощью обращения на Вы, по имени и отчеству («Сергей Иванович, подготовьте, пожалуйста, отчет»). В неофициальной сфере употребляются также уменьшительно-ласкательные формы обращений (Сашенька, доченька), существительных (часочек, глоточек, кусочек, кружочек) для смягчения императива («Доченька, каждый день звони мне»; «Сашенька, приходи через часочек»). В русском языке просьба с использованием двойного императива не уменьшает, а, наоборот, увеличивает степень вежливости [3]: окажите любезность (не сочтите за труд / будьте добры / будьте любезны), сделайте это в ближайшее время. Такие фразы, по утверждению Н.И. Формановской, манифестируют социальный статус говорящего и характеризуют высокий уровень вежливости [6].

Просьба может быть оформлена косвенно-вопросительными объектно-ориентированными высказываниями («Не поможете мне выполнить задание?», «Не подскажете, где кинотеатр?») и субъектно-ориентированными («Я могу попросить Вас о помощи?», «Можно мне сказать?»). Просьба может быть высказана с употреблением глаголов в сослагательном наклонении, что является менее категоричным, а значит более вежливым вариантом («Вы не могли бы сделать музыку тише?», «Вы могли бы идти быстрее?»).

Используются «декларативные конструкции, выражающие благодарность говорящего в случае выполнения адресатом действия [3, с. 226]: «Я буду очень признательна,

если Вы придете», «Я буду рада видеть Вас завтра»). Таким образом, вежливость побудительных речевых актов зависит от способа их воплощения, косвенное выражение просьбы, свидетельствует о меньшем давлении на адресата, соответственно, признании его самостоятельности и независимости. Однако следует отметить, что в русском языке более активно используются императивные высказывания, в 19 раз чаще, чем в английском языке [2]. Исследователи связывают это с тем, что социальная дистанция между собеседниками в русской коммуникации исторически короче, в связи с этим степень близости выше, поэтому нет необходимости минимизировать побуждение, как это делают английские коммуниканты. Вторым фактором является статусная дистанция, которая в русском общении выше, чем в английском, поэтому говорящий имеет достаточно оснований для того, чтобы давать приказы и просьбы, это снижает необходимость минимизации давления [3, с. 204]. Стратегия вежливости в английской коммуникации будет существенно отличаться, поскольку «неприкосновенность личности, незыблемость зоны ее автономии делают недопустимым прямое воздействие на адресата» [3, с. 229]. В связи с этим стратегия смягчения и дистанцирования приобретает огромное значение для английских коммуникантов.

Стратегия сближения как основа вежливых взаимоотношений направлена на сокращение дистанции, на сотрудничество и на удовлетворения желания каждого быть замеченным, положительно оцененным. Среди тактик сближения выделяют: внимание к собеседнику (приветствие, проявление симпатии, комплимент, благодарность, извинение), употребление имени в обращении, применение языковых средств, используемых собеседником (сленг, жаргон), общительность.

Тактика сближения нивелирует раздраженность и враждебность, проявляющуюся в коммуникации. Агрессия в

отношениях может быть вызвана недостаточным вниманием к собеседнику, критикой его принципиальных позиций. Часто извинение кардинально меняет конфликтную ситуацию от разобщения и отчуждения коммуникантов – к примирению, достижению взаимного согласия, восстановлению гармонии отношений. Русские, по сравнению с англичанами, извиняются гораздо реже, что вполне закономерно, поскольку вторжение в личное пространство, в русской культуре допустимы и не считается нарушением норм поведения. «Внутри своего круга людей извинения не являются необходимыми: Да что Вы так извиняетесь, свои же люди!» [4, с. 219]. Невнимание к личному пространству собеседника прямолинейность, однозначность и категоричность, свойственные русскому стилю коммуникации, могут провоцировать конфликтные ситуации. Стиль английского общения расценивают как неискренней и неправдивый из-за восторженных комплиментов, выражения благодарности извинений без видимого повода, преувеличенного интереса к делам партнера. Б.А. Душков характерной чертой англичан называет «потребность произвести впечатление на окружающих, умение показать специфические манеры общения» [1, с. 478]. В то время, когда в русской коммуникации, приоритетными являются искренность, прямолинейность, естественность и эмоциональность.

Таким образом, стратегия вежливого поведения способствует сохранению взаимоуважения между коммуникантами благодаря правильному балансу сближения и дистанцирования (позитивной и негативной форм вежливости). Агрессия в общении чаще всего может быть спровоцирована категоричностью в выражении своего мнения, императивным характером общения, критикой принципиальных позиций собеседника, безразличием. Правильное использование существующих стратегий и тактик дистанцирования и сближения может предотвратить агрессию как говорящего, так и адресата. Лингвокультурная

специфика этикетных моделей имеет существенное влияние на коммуникативную ситуацию, вследствие традиционно закрепленных шаблонов и стереотипов поведения. Детальное изучение стратегии вежливого поведения и тактик его реализации станет перспективой для дальнейших исследований.

Литература

1. Душков Б.А. Психология типов личности, народов и эпох / Б.А. Душков. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 734 с.
2. Егорова М.А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы : сопоставление британской, американской и русской традиций : дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Егорова Марина Азисовна. – Воронеж, 1995. – 180 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
4. Ратмайр Р. Прагматика извинения : сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. – М. : Языки слав. культуры, 2003. – 268 с.
5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.
6. Формановская Н.И. Русский речевой этикет : нормативный социокультурный контекст / Н.И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 160 с.
7. Brown P. Politeness: Some universals in Language Usage / P. Brown, S.D. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 325 p.

УДК 811.161.1:002

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Понасенко А.В.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языкознания и
коммуникативных технологий

г. Луганск

Аннотация. В данной статье охарактеризованы особенности официально-делового дискурса. Отражены основные характеристики и лингвистические особенности письменного и устного делового дискурса в контексте изучения одного из разделов дисциплины «Русский язык и культура речи».

Ключевые слова: официально-деловые документы, текст, дискурс, официально-деловой дискурс, документ, деловая документация, деловое общение.

Abstract. This article describes the features of the official business discourse. The article describes the main characteristics and linguistic features of written and oral business discourse in the context of studying one of the sections of the discipline "Russian language and speech culture".

Keywords: official business documents, text, discourse, official business discourse, document, business documentation, business communication.

В современную эпоху, которая характеризуется глобализацией деловой сферы человечества и появлением множества вопросов эффективных методов общения и развития деловых отношений, одним из самых актуальных направлений в лингвистике является исследование текстов официально-деловой документации. Использование значительных объемов информации в деловой сфере, необходимость ее передачи в письменном виде, потребность в быстром оформлении и обработке документов приводят к появлению новых форм официально-деловых текстов, которые бы в большей степени реализовывали тенденцию к унификации, отходили бы от индивидуального и были направлены на ускорение темпа работы делового человека.

В современной лингвистике, а также во многих гуманитарных науках, которые сталкиваются с изучением функционирования языка, понятие «дискурс» становится действительно «полипарадигматическим» образованием. Несмотря на тот факт, что научные исследования этого феномена продолжаются уже долгое время, он и сейчас не имеет однозначной трактовки. Дискурс – достаточно сложное явление современной науки. Этот термин использует логика, риторика, социология, психолингвистика, философия, языкознание. Каждая наука акцентирует внимание на различных особенностях дискурса.

На этом этапе развития лингвистики не существует четкого и общепризнанного определения понятия «дискурс». Сначала слово «дискурс» означало язык вообще или текст. Сейчас в лингвистической литературе употребляется много различных определений этого термина. Понятие «дискурс» такое же нечеткое, как и понятие языка, общества, идеологии, вызывает полемику среди ученых и, как следствие, разнообразие его формулировок.

Общеизвестно, что язык отражает и поддерживает функционирование любой сферы человеческой деятельности. Официально-деловой дискурс представляет собой статусно-ориентированную речевую деятельность в административно-правовой и деловой сферах. Поскольку результатом такой деятельности является документ, то уместно дать определение этого понятия.

В широком смысле документ (от лат. Documentum – образец, свидетельство, доказательство) – это материальный объект, содержащий информацию в зафиксированном виде и специально предназначенный для ее передачи во времени и пространстве [3, с. 46].

В узком смысле документ рассматривают как «информацию, закрепленную на материальном носителе или документированную информацию» [5]. По мнению лингвистов, документ – это текст определенного жанра,

«является элементом письменного делового общения и имеет юридическую силу» [8, с. 4], «текст, управляющий действием» [9, с. 108]. Т. В. Кузнецова [8, с. 4] предлагает такое определение: «Документ – письменный текст, который выходит из инстанций и от имени лиц, наделенных особыми полномочиями, который выполняет регулятивную функцию, содержит общественно значимую информацию и оформленный в установленном порядке».

В ракурсе нашего исследования документ рассматривается как продукт официально-делового дискурса, который несет определенную информацию, зафиксирован в письменном виде с соблюдением четких форм составления, нацеленный на сохранение и передачу информации в деловом пространстве. Документ является вербальным результатом официально-деловой дискурсивной деятельности, предшествовавшей его появлению. Он порождается соответствующими институтами с целью сбора, организации, систематизации данных. Текст является основой документа, который составляет объединенные содержанием предложения согласно определенным правилам языковой системы. Документы могут содержать различную информацию о процессах, происходящих в обществе. Назначение документа в общем понимании сводится к необходимости фиксации в письменном виде сведений, необходимых для выполнения различных действий.

Как результат общественного развития, документы появляются и функционируют в определенной социальной среде, поэтому при их исследовании необходимо учитывать как лингвальные, так и экстралингвальные факторы, поскольку «текст документа представляет собой лингвистический объект, находящийся под влиянием как собственно лингвальных факторов – функционального отбора стилистических языковых средств, так и ряда регулятивных положений, имеющих внелингвальные основания,

характеризующиеся стандартизацией и унификацией»[7, с. 11].

Если раньше лингвистов интересовали тексты документов с точки зрения жанра и стилей, то сейчас в центре внимания находится исследование документа в ракурсе официально-делового дискурса, поэтому к вниманию берётся не только сам текст, но и те факторы, которые участвуют в его формировании, когнитивная сторона процесса деловой коммуникации, которая включает следующие этапы: получение информации, распознавания, репрезентацию, хранения и воспроизведения.

Опорными признаками для выделения официально-делового дискурса следует считать: традиционность, точность, конкретность, стабильность, однозначность, употребление ограниченного количества лексических единиц, соответствующих типичным ситуациям деловой коммуникации.

Поскольку дискурс считается сложной единством, в которой пересекаются признаки нескольких речевых жанров, то возникает необходимость разграничения таких понятий, как стиль, жанр, дискурс. Для определения понятия жанра следует обратиться к трудам М.М. Бахтина [2, с. 159], где речевыми жанрами он называл устойчивые, сложившиеся типы высказываний, подчеркивая, что функциональные стили – это жанровые стили соответствующих сфер человеческой деятельности и общения.

Это мнение поддерживает и немецкий исследователь Клаус-Дитер Бауман. Он пишет, что «жанры задают определенные рамки для коммуникации, где сообщение информации происходит в определенной заданной форме, которая помогает необходимым образом воспринять и классифицировать данную информацию» [1, с. 20]. Итак, любой дискурс, в том числе официально-деловой, является сложной структурой, в центре которой расположены прототипные жанры, характерные для этого вида дискурса.

В то же время дескрипция официально-делового дискурса также невозможна без рассмотрения такого понятия, как стиль. По мнению В.В. Виноградова, функциональный стиль следует понимать как «общественно осознанную и функционально обусловленную внутренне объединенную совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка» [4, с. 73]. М.Я. Цвиллинг определяет функциональный стиль как «образование, основанное на закреплении некоторых качественных характеристик за речевыми произведениями, которые функционируют в определенной сфере общения, соотнесенности с соответствующей отраслью человеческой деятельности» [11, с. 6].

Иначе говоря, функциональный стиль – это своего рода система, созданная благодаря отбору языковых средств, с целью использования в определенной сфере коммуникации. Стиль и жанр, на наш взгляд, воспроизводит дискурс, выступая при этом его матрицей.

По мнению И.М. Шеиной, официально-деловой дискурс можно разделить на виды в зависимости от типа общения (устное или письменное), статуса участников и целей коммуникации. Но главным параметром, на ее взгляд, все же выступает практическая цель общения. Исследовательница отмечает, что «виды официально-делового дискурса включают в себя жанры, характеризующиеся определенными коммуникативными намерениями, более четким отбором языковых средств и дискурсивных стратегий» [12, с. 84].

Виды официально-делового дискурса предлагается выделять из таких параметров, как: формирование и регламентация деловых отношений, способствующих удовлетворению институциональных и / или частных интересов; фиксация результатов принятия решений или волеизъявления индивида; владение императивной модальности. Безусловно, такое разделение на виды имеет

право на существование и помогает выявить когнитивную сущность такого явления, как официально-деловой дискурс.

Однако для понимания структуры официально-делового дискурса следует также обратиться к исследованию А.Э. Рыцаревой [10, с. 99], которая определяет два «формата» официально-делового дискурса (термин «формат» предложил В.И. Карасик [6, с. 294] для замены понятия «функциональный стиль» и употребляется он в значении разновидности дискурса, может выделяться на основе коммуникативной дистанции степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств, и тем самым отражает жанрово-стилистические характеристики общения).

По мнению А.Э. Рыцаревой, в официально-деловом дискурсе существуют такие форматы, как официально-деловой и торгово-деловой. Так, официально-деловой формат может быть представлен «языком законодательных документов, связанных с деятельностью государственных учреждений, и языком дипломатических актов, связанных с международными отношениями» [10, с. 99].

Такое разделение на форматы, на наш взгляд, является более удачным. Он позволяет определить тот факт, что официально-деловой формат официально-делового дискурса, в большей степени, чем торгово-деловой формат, обладает стержневыми признаками официально-делового дискурса (традиционностью, стабильностью, точностью, конкретностью, однозначностью). Во втором «формате» этого дискурса, торгово-деловом, находят свое отражение служебная переписка, официальные и частные деловые бумаги, для которых характерна большая вариативность, чем для официально-делового формата.

Как уже отмечалось, прототипную структуру официально-делового дискурса выстраивает «взаимодействие стилевых и жанровых характеристик» [12, с. 82]. Итак, система иерархических отношений между определенными

жанрами поможет рассмотреть и понять структуру официально-делового дискурса.

Жанровые модели, используемые в официально-деловом дискурсе, состоят из коммерческих писем и официально-деловых документов, тяготеющие или к ядру, или к периферии. Центром прототипной модели официально-делового дискурса выступают такие жанры, как приказ, постановление, контракт и др. учитывая четкую организованность, структурность, меньшую вариативность. На периферии располагаются жанры, менее стандартизированные, где может найти отражение эмоциональная сторона (например, заявление от частного лица).

К периферийным жанрам можно причислить инструкции, пояснительные записки, справочно-информационные материалы. Итак, каждый жанр официально-делового дискурса занимает свою четкую позицию в этой прототипной модели, свидетельствует, в свою очередь, о том, что мы имеем дело с самым благоустроенным типом дискурса.

Подытоживая, можно сказать, что официально-деловой дискурс представлен системой текстов, воплощенных различными жанрами, в совокупности с экстралингвальными факторами. Жанр дискурса – это схема отображения мира, определенных ситуаций общения. Жанр делового дискурса – это модель определенной ситуации, применяется для решения вопросов деловой сферы. Официально-деловой текст отражает и специфику жанра, и специфику делового дискурса.

Официально-деловой дискурс представлен системой текстов, которую можно классифицировать в зависимости от сферы применения и стилистического своеобразия документов.

Литература

1. Baumann K. D. Fachliche Textsorten: Komponenten – Relationen – Strategien. / K.D. Baumann – Tübingen: Narr, 1996. – 833 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Наука, 1986. – 543 с.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://big.soviet.org> (дата обращения 12.02.2021).
4. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – Вып. № 1. – С. 73–79.
5. ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (введен в действие 1 января 1999 г.). – М.: ИПК Издательство стандартов, 2003. – 254 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Косова М.В. Специальная лексика в документном тексте: аспекты лингвистического анализа. / М.В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2010. – Выпуск № 2–12. – Т. 2. – С. 7–12.
8. Кузнецова Т.В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления) / Т.В. Кузнецова – М.: Интел-Синтез, 1999. – 320 с.
9. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. / Ю.В. Рождественский – М.: Высш. школа, 1979. – 224 с.
10. Рыцарева А.Э. Прагматический аспект интернациональной лексики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Э. Рыцарева // Волгоградский гос. ун-тет. Волгоград, 2002. – 197 с.
11. Цвиллинг М.Я. Функциональный стиль, подъязык и социальный диалект. Общие и частные проблемы

функциональных стилей / М.Я. Цвиллинг – М.: Наука, 1986. – С. 14–19.

12. Шеина И.М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме: [монография]. / И.М. Шеина – Рязань: Изд-во Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. – 340 с.

УДК 81.808

ПРИНЦИП КООПЕРАЦИИ И СТРАТЕГИИ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В СЛОГАНЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Юрьева Е. В.,

к. филол. н., доцент кафедры русского языка
г. Донецк

***Аннотация.** Актуальность темы определяется необходимостью исследования дискурса социальной рекламы, которая представляет собой колоссальный массив культуры современного общества, принимает участие в становлении информационной среды отдельного человека и общества в целом.*

***Ключевые слова:** слоган социальной рекламы, речевое воздействие, адресант, адресат, импликатура, позитивная вежливость, негативная вежливость.*

***Abstract.** The primary purpose of the advertising message and slogan of social advertising in particular is the influence of the addresser to the addressee of the message.*

***Keywords:** social advertising slogan, illocutionary purpose, addressee, addresser, speech influence, implicature.*

По определению Д. Таннен, вежливость – это балансирование между двумя социальными ценностями – включенностью в общественные отношения (involvement) и независимостью, осознанием себя как личности (independence). Хрупкий баланс между двумя этими конкурирующими категориями является фундаментом

вежливости и, в частности, определяет выбор соответствующих лингвистических средств [6].

По мнению Г.П. Грайса, общение подчиняется определенным законам. От течения общения, от соблюдения или нарушения максим принципа кооперации зависит эффект коммуникации. Одним из ключевых понятий теории является «импликатура», которая представляет собой имплицитный смысл, образованный в результате нарушения максим Г.П. Грайса. Условия удачного общения представлены постулатами качества, количества, релевантности и способа [5, с. 41-58]. В ходе исследования нами было выявлено, что авторами рекламных слоганов никогда не нарушается максима релевантности, так как, создавая ряд слоганов, относящихся к определенной социальной проблеме, они освещают ее с разных сторон и в любом случае не отклоняются от темы, каждый раз дополняя уже сказанное новым содержанием. Что касается категории качества, то обычно в текстах слогана социальной рекламы эта максима учитывается адресантом. Исключением могут быть случаи, где нарушение этой максимы обосновывается намерениями автора привлечь внимание интерактанта к определенной социальной проблеме. Основной характеристикой слогана является лаконичность. Адресант ориентируется на средний объем оперативной памяти получателя информации 7 ± 2 единицы. В этих условиях адресанту приходится сокращать информацию, игнорируя максимум количества. Редукцию количества информации можно рассматривать как сигнал контекстуализации, показывающий, что говорящие являются членами одной социальной группы и разделяют часть невысказанных контекстуальных знаний. Нарушение максимы является значимым в сообщении определенных импликатур [2, с. 92]. Использование большей части импликатур, связанных с игнорированием максим качества и количества информации, оправдано необходимостью соблюдения стратегий вежливости, предназначенных для

«сохранения лица» интерактантов [2, с. 92]. Исследование феномена лица и вежливости базируется на работах социолога И. Гоффмана [1]. Ученый определяет лицо как «официальное представление о самом себе (как о лингвистической и социальной личности), которое каждый член общества хочет утвердить для себя». Любой речевой акт может «давить» на это представление и восприниматься как «угрожающий лицу». В свою очередь говорящие разрабатывают стратегии для уменьшения этой угрозы [2, с. 100]. Опираясь на идеи И. Гоффмана, П. Браун и С. Левинсон выделяют стратегии положительной и отрицательной вежливости [4, с. 102-131]. Позитивная вежливость означает быть любезным, обходительным и великодушным. Это «вежливость сближения», представляющая собой демонстрацию солидарности с адресатом. Негативная вежливость минимизирует принуждение. Это – «вежливость» отдаления, позволяющая сохранить дистанцию между говорящим и слушающим [2, с. 100]. Некоторые из этих стратегий успешно используются при создании рекламных слоганов. Стратегии позитивной вежливости: 1. Относись с пониманием к нуждам и интересам адресата: *«Дать шанс здоровью можешь только ты»* (<http://citycelebrity.ru/citycelebrity/Post.aspx?PostId=54465>), *«Не кури! Ради твоего и моего здоровья»* (<http://voxfree.narod.ru/slogan/industry.html>). 2. Используй маркеры принадлежности к определенной группе: *«Мы – за чистый город!»* (http://volunteers-pmr.ucoz.ru/za_chisty_gorod.jpg), *«Нам давно пора прекратить превращать наши леса в свалку»* (http://go2load.com/uploads/posts/2012-07/1342447481_malenkaya-pobeda-dlyatebya-bolshaya-pobeda-dlya-chelovechestva-003.jpg), *«Наш метод воспитания – любовь, беседа, понимание»* (http://www.resobr.ru/images/from_old_site/im_0/kartinka22.jpg) 3. Ищи согласия, избегай несогласия: *«Спасибо, донор!»*

(<http://pomogidelom.ru/news/don>), «Спасибо за то, что возьмете меня к себе» (<http://topsostav.com/projects/3898/>).

4. Предлагай, обещаешь: «Давайте отбросим курение как можно дальше» (<http://ne-kurim.ru/articles/antitabachnyeslogany/>), «Дышать станет легче» (<http://latallec.com/12/12/2012/dyshat-stanet-legche/>).

5. Будь оптимистом: «Плюс 10 лет жизни. Так и должно быть, если ты бросил курить» (<http://media.advertology.ru>).

6. Шутки: «СМСишь за рулем? Ответ НЕ дойдет» (http://www.russoutdoor.ru/press/?id=173&sid=97&spphrase_id=284), «Водитель, пропусти шикарную иномарку со спецсигналом» (<http://www.zlyuk.ru/archives/934>), «Знаешь, где продают наркотики? Сообщи нам по телефону (495) 621-43-91 (а то у нас закончились, тока т-с-с-с...) ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ» (<http://kaifolog.ru/russia/4408-russkayasocialnaya-reklama-60-foto.html>).

7. Демонстрируй понимание и симпатию: «Мы поддержим твои идеи!» или «Мы в тебе нуждаемся» (<http://voxfree.narod.ru/slogan/industry.html>).

8. Предполагай, создавай, утверждай общность интересов: «Сохраним парки для наших детей» (<http://voxfree.narod.ru/slogan/industry.html>).

Стратегии отрицательной (негативной) вежливости:

1. Высказывайся опосредованно, минимизируй уровень давления, принуждения. Речевой акт директива может быть представлен формой репрезентатива или иного речевого акта с иллюзией директива, благодаря чему слоган приобретает рекомендательный характер, не «отпугивая» своего дестинатора лишней категоричностью: «Пожалуйста, не курите!» (<http://nekurim.ru/photogallery/nosmoking/8775/>), «Пожалуйста, не курите в моем офисе!» (http://www.eso-online.ru/kolleksiya_reklamy/).

2. Избегай прямого обращения к адресату (под видом вопроса адресант подразумевает нечто большее), например: «Где сейчас играет ваш малыш?» (<http://voxfree.narod.ru/slogan/industry.html>).

3. Уважай мнения

и желания собеседника: *«Это твое будущее, сделай правильный выбор»* (<http://voxfree.narod.ru/slogan/industry.html>). 4. Используй номинализацию, пассивные конструкции, местоимения во множественном числе («инклюзивное мы»), «общие» высказывания: *«Бесплатный пакет? Спасибо, нет! Мой город против пластикового мусора»* (<http://ecology.md/page/besplatnyj-paket-spasibo-net-snova-pr>) и т. д. В некоторых случаях адресант считает угрозу лицу адресата слишком большой, что вынуждает его, помимо использования стратегий вежливости, нарушать максимы способа выражения. Для успешной интерпретации слогана необходимым условием является единство формы и содержания. Иными словами, на восприятие адресата, включая ожидаемый от него перлокутивный эффект, влияет не только содержание, но и форма выражения сообщения. Умышленное игнорирование максимы способа выражения придает слогану оттенок оригинальности и способствует запоминанию. Как уже упоминалось нами в предыдущем подразделе, с этой целью адресант может использовать различные средства, например, игру слов: *«МЧС. Доброты», «Семья. Доброты», «Профессия доброты. Добро там, где – ты»* (<http://lagoda.org/ru/fest/video>). Двусмысленность придает слогану стилистическую окраску, кроме лаконичного сообщения информации, привлекает внимание адресата, стимулирует интерес, вызывает перлокутивный эффект. В этом случае двусмысленность является прагматическим замыслом адресанта, она запрограммирована автором, а последствия ее восприятия являются предсказуемыми.

Таким образом, нарушение определенной максимы может быть не случайным, а вызванным прагматической установкой автора слогана.

Итак, в тексте рекламного слогана имеется прямо пропорциональная связь между нарушением максимы кооперации и реализацией стратегий вежливости, которая

обусловлена коммуникативной направленностью такого сообщения.

Литература

1. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман. – М.: Директ-Медиа, 2007.

2. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Н.К. Кравченко / Практическое пособие. – Луцьк: Волиньполіграф, 2012. – 251 с.

3. Юрьева Е.В. Манипуляция и условия эффективности дискурса социальной рекламы / Е.В. Юрьева // *Litera*. – 2016. – № 3. – С.1–5. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fil/article_19681.html (дата обращения 16.02.2021).

4. Brown P. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. C. Levinson // *Questions and politeness: Strategies in social interaction* / E. Goody ed. – Cambr. UP, 1987. – P. 56–327.

5. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // *Syntax and semantics* / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.

6. Tannen D. That's not what I meant! How conversational stile makes or breaks your relations with others. William Morrow and Company Inc. New York, 1986. – 215 p.

УДК 81.42

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ БЛОГ-ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА НАРИНЭ АБГАРЯН)

Жданова М.О.,
ассистент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
г. Луганск

***Аннотация.** В статье отмечено, что произведения Наринэ Абгарян обрели популярность благодаря публикации в блоге. Установлено, что язык ее произведений отличается особой выразительностью за счет таких приемов как ирония, самоирония, ностальгия, ретроспекция, запахо- и вкусоописание.*

***Ключевые слова:** блог, блук, современная литература, женская проза, дискурсивная личность.*

***Abstract.** The article notes that the works of Narine Abgaryan have gained popularity due to their publication in the blog. It is established that the language of her works is particularly expressive due to such techniques as irony, self - irony, nostalgia, retrospection, smell and taste description.*

***Keywords:** blog, bluk, modern literature, women's prose, discursive personality.*

Сегодня в книжных магазинах можно встретить изданные на бумаге произведения и интернет-дневники, предназначенных для сети Интернет. Происходит рождение произведений нового формата и стиля – блоголитературы. Некоторые известные мировые литераторы проводят эксперименты с блогами, а люди из числа блогеров приходят в традиционную литературу [4, с. 1]. Евгений Ермолин, профессор, журналист, литературный критик, указывает на кризис большой литературной формы, уход от романной культуры, вымысла, лирического «Я», ослабление чувства реальности в целом. Самым адекватным жанром современной литературы становится пост в блоге, комментарий в социальных сетях [7, с. 369].

В 2002 г. Тони Пирс, популярный американский актер, решил опубликовать избранные посты своего блога и объявил конкурс на название книги. Победил журналист Джеф Джарвис, который предложил название «Blook». Блук (от англ. book – книга и blog – блог) – имитация книги, онлайн-книга или книга, основанная на записях из блога [7, с. 370]. Первоначально термин означал уникальное произведение, представляющее собрание книг. Сейчас «блук» означает публикацию сетевой литературы в «бумажном» виде, а также литературные произведения, появляющиеся частями на страницах онлайн-дневников, публикующиеся пост за постом.

Блуки или блогокниги вовсе не являются чем-то принципиально новым. Данный принцип практиковали и раньше. Например, Чарльз Диккенс и Артур Конан Дойль печатали свои произведения частями на страницах газет и журналов. А к тому времени, когда записи приобрели книжный вид, у них была сформированная читательская аудитория. Блуки используют ту же схему, обращая онлайн-пользователей в преданных поклонников своего контента.

Сегодня в формате блук-литературы печатают все – и литературу нон-фикшн, и художественную литературу. Лидируют у блогеров-писателей женщины. Одним из ярких представителей современной женской литературы является Наринэ Абгарян. Ее творческий путь начался с ведения личного блога ЖЖ, где были опубликованы истории Манюни: *«Популярный блогер – это не обязательно хорошо пишущий автор. Чисто литературных блогов не так много – редко кто рискует вывешивать свои произведения в общий доступ. Но я рискнула и не прогадала – исключительно благодаря открытому доступу рассказы о Манюне попались на глаза замечательной питерской писательнице Ларе Галль, которая и порекомендовала меня редактору «Астрель-Спб» Ирине Епифановой»* [5, с. 1]. В 2010 году была опубликована автобиографическая повесть «Манюня», которая принесла

писательнице известность. Н. Абгарян ежегодно пишет новые рассказы и повести, является составителем сборников, включающих собственные работы и произведения других авторов. По книге «Манюня» были поставлены спектакли. Творчество талантливой писательницы было удостоено различных премий.

Н. Абгарян является дискурсивной личностью, поскольку родилась писательница в Армении, где и провела свои детство и юность, в настоящее время проживает в Москве, куда переехала в 1993 г. Все наиболее известные произведения автора написаны в России, на русском языке, при этом Армения выступает в них в качестве превалирующего места действия. Один из основных лейтмотивов в произведениях Н. Абгарян – это обращение к счастливому, беззаботному детству в горах. Основная часть жизни писательницы в Армении пришлась на времена СССР, когда Россия и Армения были единым государством с общими культурными и социальными ценностями. Таким образом, Н. Абгарян можно охарактеризовать как автора мультикультурных произведений, представляющих собой зону «культурного пограничья» [8, с. 245].

Цель статьи – выделить и проанализировать языковые средства, отражающие особенности изданных литературных блогов женщины-автора, являющейся дискурсивной личностью. Материалом исследования послужили произведения современной российской писательницы Наринэ Абгарян.

Ретивкина О.М. в своей статье говорит о том, что ретро-компонент является неотъемлемой составляющей авторского стиля Н. Абгарян, способствуя установлению диалога между писателем и читателем – представителями разных культур и популяризации культурно-исторического наследия армянского народа [6, с. 295].

Центральным локусом большинства произведений Н. Абгарян становятся рамки одного двора, дома, деревни,

так называемый «малый мир». В этих условиях описание повседневного быта персонажей нередко становится ключом к развитию сюжета и более глубокому пониманию образа героев. В результате использование ретро-компонента для создания бытовой зарисовки приобретает существенную художественную ценность. В текстах произведений активно используется устаревшая лексика: архаизмы и историзмы, характерные для времен СССР, для того времени, в котором прошло детство писательницы. В то время две страны, Армения и Россия, были единым целым, и многие предметы быта были характерны для представителей обеих культур. Такие атрибуты времени, как шифоньер, тахта, деревянный ларь вызывают чувство ностальгии у целого ряда поколений и выступают в качестве определенного культурного кода. При этом для более молодого поколения, воспитанного уже в другую эпоху, многие имплицитные смыслы, заложенные в таком тексте, могут теряться или деформироваться.

К индивидуальной творческой манере автора можно отнести иронию и самоиронию, позволяющую порой приводить не просто яркие образы, но наполненные красками, эмоциями, приглашающими читателя посмеяться вместе с автором и персонажами произведения. Например: *«Что ни говори, детство наше протекало в дивные времена, поэтому в единственном универмаге городка в отделе головных уборов можно было жарким июньским днем приобрести только мохеровые свалаявшиеся шапки необъятных размеров...»* [1, с. 44].

Особый интерес представляют примеры, когда бытовые зарисовки имеют юмористический характер и направлены на достижение комического эффекта. Так, в рассказе «В краю победивших старушек» Бабо Софа знакомит зятя со своим домом, обставленным в типично советском стиле: здесь присутствуют и хрустал чехский, и немецкий сервиз, и расписной чайник гжел. После чего *«зять был благополучно представлен ишторам с гардинами ... и висящему на стене*

огромному фиолетово-желто-красному ковру [2, с. 162]. Для любого читателя, воспитанного во времена СССР, ковер на стене – это символ эпохи. Для старшего поколения – показатель благополучия и благосостояния, для последующих поколений – уже повод для легкой иронии. Для самого младшего поколения этот образ уже практически утерян и вызовет, скорее всего, недопонимание, как и у представителей других культур. Также для достижения комического эффекта автор использует ненормативную лексику: «Я считаю, что если убрать ненормативную лексику из моих произведений, то смех исчезнет. Я передаю живую речь, какая она есть, – если все исправить, то она станет выхолощенной и ненастоящей, слушать ее будет неинтересно» [9, с. 1].

Отдельно следует выделить описание традиционных армянских обычаев и обрядов, которое становится неотъемлемой частью целого ряда произведений, придавая им аутентичность и одновременно национальный колорит. В данном случае эффект, который достигается автором, не одинаков по отношению к российскому и армянскому читателю. Если для армянского читателя – это неотъемлемая часть его национальной идентичности, возможность глубже прочувствовать того иного персонажа или сюжетную линию, то для российского – это скорее возможность соприкоснуться с другой культурой, расширить границы своего познания. Например, в автобиографичном рассказе «Неля» Н. Абгарян рассказывает о том, как она посвящала во все местные обычаи новую подругу, переехавшую в Берд из Уфы: *«Я в долгу не оставалась – учила ее воровать из колхозного сада зеленый виноград, водила на развалины крепости и показывала, как правильно нужно есть цогол – незрелый абрикос. Под моим чутким руководством Неля научилась ловко отсыпать на ладошку горсть крупной соли, макать туда цогол и есть, похрумкивая на всю округу [2, с. 290].*

В данном отрывке можно рассмотреть ряд посылов, интерпретация которых зависит от знаний и опыта читателя как адресата. Если для армянского читателя это в первую очередь чувство ностальгии, возможно, в сочетании с дополнительным ассоциативным рядом, то для российского данный отрывок несет принципиально новое знание, позволяющее глубже проникнуться духом армянской культуры. Принципиальным моментом здесь является то, что несовпадение когнитивной базы в паре «автор – читатель» не является критичным для адекватного понимания передаваемой информации, но влияет на конечный результат коммуникации в плане художественного восприятия текста.

Описание традиций неразрывно связано с использованием традиционных армянских названий. Так, из произведений Н. Абгарян российский читатель узнает, что женгял – это разнотравье, которое собирают летом на самой макушке горы, а женгялов хац – лепешки с этой самой зеленью [2, с. 325].

Система кулинарных образов в целом является важной составляющей любого лингвокультурного пространства и имеет очень богатый потенциал для создания национального колорита в художественном дискурсе. В рассказе «Неисполнимое» мы встречаем очень подробное и красочное описание праздничного стола на Пасху: *«Пасха в этом году поздняя, потому к праздничному столу будет все, что положено, – много разной зелени, редис, первые огурцы с грядки, молодой сыр, прошлогодняя зрелая брынза в сушеных горных травах, пахнет из шпината и красной фасоли, отдающее пахтой сливочное масло, несладкая выпечка, специальная каша из дзавара – кашика, домашний сыровяленый окорок, лаваш, красное вино. И отварная рыба – непременно для пасхального стола блюдо»* [2, с. 329].

Еще одной особенностью художественного мира Н. Абгарян являются отсылки к армяно-азербайджанскому конфликту, которые встречаются фактически во всех текстах

писательницы. Этой личностной и болезненной для автора теме посвящен сборник рассказов «Дальше жить», состоящий из тридцати одного рассказа, в которых вмещены истории о военном опыте родных Н. Абгарян. Ее семья, как и остальные герои рассказов, – часть Берда, хранители памяти об истории народа, которая была разделена на «до» и «после» войны, оставившей след в судьбе и воспоминаниях каждого из них. Война страшна, непредсказуема, стремительна, она разрушает исконные связи между поколениями, которые Н. Абгарян называет «разорванные объятия» [3, с. 253], и уничтожает веру в будущее. Война меняет окружающее пространство и восприятие времени. Время смерти родственников соотносится с природными циклами: невестка Маро «погибла на третий день ливня» [3, с. 51], тело Антарам вернули, когда «время отмерило зиму и половину весны» [3, с. 67]. Время живых четко фиксируется, становясь точкой отсчета трагических событий: Маро исполнилось «шестьдесят два, когда погибла ее невестка» [3, с. 53], и т.д. Но «жизнь всегда побеждает смерть» [3, с. 252], именно на эту мысль наводит читателя эблематичное название сборника «Дальше жить».

Следует отметить, что произведения Наринэ Абгарян пользуются популярностью не только среди читателей, но и среди ученых-лингвистов. Это объясняется тем обстоятельством, что язык ее произведений отличается особой выразительностью за счет большого количества авторских сравнений, активного использования неологизмов и окказионализмов, что определяет индивидуальность творческого восприятия и манеры автора (ирония, самоирония, ностальгия, запахо- и вкусоописание). Также характерным признаком стиля Н. Абгарян является ретроспекция, которая используется для усиления как комического, так и трагического эффекта, а также способствует установлению диалога между писателем и читателем – представителями разных культур и

популяризации культурно-исторического наследия армянского народа.

Литература

1. Абгарян Н. Две повести о Манюне / Н. Абгарян. – М. : Издательство АСТ, 2018. – 639 с.
2. Абгарян Н. Зулали / Н. Абгарян. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 350 с.
3. Абгарян Н. Дальше жить / Н. Абгарян. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 252 с.
4. Макарова А. Формула появления Блуков / А. Макарова // SEOnews. Перевод. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.seonews.ru/analytics/formula-poyavleniya-blukov/> (дата обращения 25.04.2021).
5. Ремез А. Интервью с Наринэ Абгарян / А. Ремез // Livejournal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blange-blange.livejournal.com/71766.html> (дата обращения 25.04.2021).
6. Ретивкина О.М. Ретро как один из способов организации межкультурной коммуникации в творчестве Н. Абгарян / О.М. Ретивкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. – № 14 (809). – С. 293–302.
7. Сарин Л. Блоголитература как новая литературная форма и издательская стратегия / С. Лина // Преподаватель XXI век. – М. : Московский педагогический государственный университет, 2017 г. – С. 369 – 376.
8. Сидорова О.Г. «Смеяться, право, не грешно...»: О комических романах мультикультурных авторов / О.Г. Сидорова // Филология и культура. Philology and culture, 2015. – № 2 (40). – С. 245–251.
9. Чиглинцева О. Наринэ Абгарян о своих книгах и творческом процессе / Чиглинцева Ольга // Год Литературы РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://godliterature.ru/articles/2017/12/03/ponaekhavshaya-v-moskve> (дата обращения 25.04.2021).

Сведения об авторах

Джинджолия Гигла Паршаванович, доцент кафедры русского и французского языков Западночешского университета (Чехия).

Дубинина Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Дубова Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русского языка Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна, РФ).

Жданова Марина Олеговна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Зайцева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Кизилова Ирина Анатольевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Котомцев Дмитрий Олегович, учитель русского языка и литературы ГУ ЛНР «Гимназия № 30 имени Н.Т. Фесенко» (Луганск, ЛНР).

Кривошапова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье).

Ладченко Светлана Сергеевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Луценко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Мачай Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, завкафедрой русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» (Донецк, ДНР).

Мельничук Анастасия Игоревна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Миргородская Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Ожедрянова Анастасия Юрьевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Понасенко Артем Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Пономарёва Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Протазюк Анна Ивановна, преподаватель русского языка ОСП Политехнический колледж ЛНАУ (Луганск, ЛНР).

Серебряк Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского

языкознания и коммуникативных технологий «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Соболева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» (Луганск, ЛНР).

Юрьева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» (Донецк, ДНР).

Будняк Оксана Викторовна, магистрантка 2 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Пономарёва Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганск, ЛНР).

Воротник Кристина Викторовна, магистрантка 2 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганск, ЛНР).

Давидкова Елизавета Павловна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Дубинина Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганск, ЛНР).

Калюжная Марина Андреевна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Серебряк

Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Коценко Виктория Викторовна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Луценко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Николаева Юлия Валерьевна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Луценко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Озерова Наталья Владиславовна, бакалавр 4 курса филологического факультета, «Государственный социально-гуманитарный университет». Научный руководитель: Дубова Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русского языка Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (*Коломна, РФ*).

Подгорная Юлия Владимировна, магистрантка 2 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Серебряк Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Тытюк Виктория Александровна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Пономарёва Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Цымлякова Виктория Алексеевна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Луценко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Чернова Валерия Алексеевна, магистрантка 1 курса обучения, специальность «Русский язык и литература», ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Научный руководитель: Луценко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (*Луганск, ЛНР*).

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И
ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Открытой научно-практической конференции

*Редакционная коллегия оставляет за собой право
технического и стилистического редактирования статей.
Авторы статей несут полную ответственность за их
содержание.*

Под общей редакцией – **Соболева И.А.**

Верстка – **Миргородская А.Ю.**

Дизайн обложки – **Немец О.П.**

Подписано в печать 25.05.2021 г. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 17,09.
Заказ № 57.

Издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, Т/ф: (0642)58-03-20
E-mail: knitaizd@mail.ru